

ISSN 0868-5169

Р 2(118)' 2023 ЕГИОН

ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ

Журнал основан в 1963 г. Издавался под названием «Известия СО АН СССР, серия общественных наук», в 1993 г. зарегистрирован как самостоятельное научное издание – «Регион: экономика и социология». Выходит четыре раза в год.

Издатель: Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт экономики и организации
промышленного производства (ИЭОПП)
Сибирского отделения
Российской академии наук

Учредители: Сибирское отделение РАН,
ИЭОПП СО РАН,
Исполнительный комитет Межрегиональной
ассоциации «Сибирское соглашение»

Редакционная коллегия:

В.Е. Селиверстов (главный редактор), Т.Ю. Богомолова (заместитель главного редактора), В.И. Суслов (заместитель главного редактора), С.Р. Халимова (выпускающий редактор), Е.С. Копылова (ответственный секретарь), Е. Баньски (Польша), Б. Батбуян (Монголия), Дж. Батчлер (Великобритания), Н.Д. Вавилина, Т.С. Вертинская (Республика Беларусь), В.М. Геец (Украина), Б.С. Жихаревич, Е.А. Коломак, Н.А. Кравченко, Ж.А. Кулекеев (Казахстан), В.В. Кулешов, Ю.Г. Лаврикова, В.Н. Лексин, Л.В. Мельникова, П.А. Минакир, Н.Н. Михеева, А.С. Новоселов, И. Пальне-Ковач (Венгрия), А.Н. Пилясов, Б.Н. Порфирьев, Б.Г. Санеев, С.В. Соболева, Ш. Табата (Япония), Г.А. Унтура, О.П. Фадеева

Адрес редакции: 630090, г. Новосибирск,
просп. Академика Лаврентьева, 17, ИЭОПП СО РАН
E-mail: region@ieie.nsc.ru, yes@ieie.nsc.ru

**Региональная политика
и экономические проблемы федерализма**

- Суздальцев А.И., Потапцева Е.В.* Союзные программы
Республики Беларусь и России: иллюзия или начало
интеграции в рамках Союзного государства? 3

Экономические проблемы развития регионов

- Халимова С.Р.* Значение научно-исследовательской среды региона
для развития высокотехнологичных и наукоемких компаний 25
- Грищенко Г.М., Быков А.А., Алещенко В.В., Алещенко О.А., Чупин Р.И.*
Методические подходы к обоснованию направлений
развития инфраструктуры экспорта зерна Сибири 59

Социальные проблемы регионального развития

- Лексин В.Н.* От чего, где и как умирают в России 88
- Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А.* Формирование
субъектности региональных сообществ в России:
социокультурный аспект 121
- Ситкевич Д.А.* Экономические и социокультурные факторы
миграционных настроений жителей Северного Кавказа 144
- Добровлянин В.Д., Антинескул Е.А.* Развитие региональной культуры
как фактора конкурентоспособности в борьбе за человеческий
капитал 171

**Региональные и межрегиональные аспекты
структурной и инвестиционной политики**

- Кузнецов М.Е.* Особенности оценки социально-экономической
эффективности комплексных инвестиционных проектов
по созданию инфраструктуры инновационной деятельности
на примере ИНТЦ на острове Русский 194
- Ю.В. Попков* Приоритеты и факторы евразийской интеграции
в свете идей классиков евразийства и роль Сибири в формировании
перспективной модели цивилизационного будущего 221
- Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Фалейчик А.А.* Трансграничная кооперация
на Востоке России: прямые иностранные инвестиции 243

Эколого-экономические проблемы регионального развития

- Волков А.Д., Тишков С.В., Каргинова-Губинова В.В., Колесников Н.Г.*
Экологическое благополучие арктических территорий:
соотношение официальных данных и оценок населения
(на примере Республики Коми и Архангельской области) 264

**Regional Policy
and Economic Issues of Federalism**

- Suzdaltsev, A.I. and E.V. Potapitseva.* Belarus–Russia Union Programs:
a Mirage or the Beginning of Integration into the Union State? 3

Economic Issues of Regional Development

- Khalimova, S.R.* The Crucial Role of Research Environment in Fostering
High-Tech and Knowledge-Intensive Companies in the Region 25
- Gritsenko, G.M., A.A. Bykov, V.V. Aleschenko, O.A. Aleschenko and R.I. Chupin.*
Methodological Approaches for Substantiating the Development
Directions of Grain Export Infrastructure in Siberia 59

Social Issues of Regional Development

- Leksin, V.N.* Death in Russia: Exploring the What, Where, and How 88
- Babintsev, V.P., G.N. Gaidukova and Zh.A. Shapoval.* Formation of Regional
Community Subjectness in Russia: a Socio-Cultural Aspect 121
- Sitkevich, D.A.* The Economic and Sociocultural Factors Shaping Migration
Attitudes of Residents in the North Caucasus 144
- Dobrovlyanin, V.D. and E.A. Antineskul.* Regional Culture Development
as a Competitive Advantage Factor in the Battle for Human Capital 171

**Regional and Interregional Aspects
of Structural and Investment Policy**

- Kuznetsov, M.E.* Peculiarities of Assessing the Socio-Economic Effectiveness
of Comprehensive Investment Projects for Innovation Infrastructure:
a Case Study of the ISTC on Russky Island 194
- Popkov, Yu.V.* Eurasian Integration Priorities and Factors
in View of the Ideas of Eurasianism Classics and the Role
of Siberia in Shaping a Promising Model for Civilizational Future 221
- Glazyrina, I.P., L.M. Faleychik and A.A. Faleychik.* Cross-Border
Cooperation in the East of Russia: Foreign Direct Investment 243

Environmental and Economic Issues of Regional Development

- Volkov, A.D., S.V. Tishkov, V.V. Karginova-Gubinova and N.G. Kolesnikov.*
Environmental Well-Being of the Arctic Territories:
Official Data vs the Public's Views (the Komi Republic
and Arkhangelsk Oblast Case Study) 264

УДК 339.97

Регион: экономика и социология, 2023, № 2 (118), с. 3–24

А.И. Суздальцев, Е.В. Потапцева

СОЮЗНЫЕ ПРОГРАММЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИИ: ИЛЛЮЗИЯ ИЛИ НАЧАЛО ИНТЕГРАЦИИ В РАМКАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА?

В статье рассматриваются вызовы, стоящие перед Россией и Республикой Беларусь в процессе экономической интеграции в рамках Союзного государства. Отмечается, что инициированный Россией в 2018 г. проект по разработке дорожных карт, направленный на возобновление осуществления Программы действий Российской Федерации и Республики Беларусь по реализации положений Договора о создании Союзного государства, завершился принятием в конце 2021 г. 28 союзных программ. Однако пока неочевидно, являются ли союзные программы началом реализации модели «две страны – один рынок», поскольку для выполнения союзных программ требуются внесение законодательных изменений и заключение двусторонних соглашений, а также обеспечение прозрачности в осуществлении программ.

Цель исследования – изучить восприятие экономической интеграции России и Республики Беларусь региональными предприятиями Свердловской области. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в российском обществе существует запрос на углубление экономической интеграции между Россией и Республикой Беларусь, однако на протяжении более чем 20 лет предпринимается недостаточно мер для содействия этому процессу на уровне бизнеса.

Структура статьи состоит из четырех частей. В первой части рассматриваются вопросы экономической интеграции между Россией и Республикой Беларусь. Несмотря на создание Союзного государства, экономическая интеграция между двумя странами осуществляется медленно и неравномерно. Тем не менее Союзное государство остается важным интеграционным проектом как для России, так и для Белоруссии,

и усилия по укреплению и углублению сотрудничества между двумя странами, вероятно, будут продолжены в ближайшие годы. Во второй части статьи проводится общий анализ союзных программ. Несмотря на имеющиеся успехи, в процессе реализации программ возникло несколько проблем. Одна из главных проблем состоит в различии в экономических структурах двух стран: Россия имеет более крупную и диверсифицированную экономику, что приводит к напряженности в таких вопросах, как ценообразование и доступ к рынкам, а также к разногласиям по поводу темпов и масштабов экономической интеграции. В третьей части статьи описывается дизайн полевого исследования. В ходе исследования проводились полуструктурированные фокусированные интервью с представителями региональных предприятий Свердловской области для изучения их восприятия экономической интеграции между Россией и Республикой Беларусь. В четвертой части статьи представлены результаты исследования, свидетельствующие, что региональные предприятия Свердловской области неоднозначно оценивают свой опыт сотрудничества с белорусскими предприятиями. Однако они положительно относятся к дальнейшей экономической интеграции между Россией и Республикой Беларусь на основе сложившейся в России деловой практики.

Ключевые слова: экономическая интеграция; союзные программы; Союзное государство; Россия; Республика Беларусь

Для цитирования: Суздальцев А.И., Потапцева Е.В. Союзные программы Республики Беларусь и России: иллюзия или начало интеграции в рамках Союзного государства? // Регион: экономика и социология. – 2023. – № 2 (118). – С. 3–24. DOI: 10.15372/REG20230201.

ВВЕДЕНИЕ

21 февраля 1995 г. в Минске был подписан двусторонний Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве¹, на основании которого в 1999 г. было создано Союзное государство Российской Федерации и Республики Беларусь. Вопрос формирования и развития экономической интеграции между двумя странами остается актуальным для

¹ См.: Программа действий Российской Федерации и Республики Беларусь по реализации положений Договора о создании Союзного государства. 08.12.1999. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25948/.

политических кругов, научного и экспертного сообществ, общественности обеих стран. И если изначально концепция создания Союзного государства была ориентирована на опыт создания Европейского союза, предполагающий постепенное движение от экономического союза к политическому [3, с. 151], то с 2010 г. Союзное государство превратилось в «переговорную площадку, где решаются вопросы финансово-ресурсной поддержки Россией экономики Республики Беларусь»². Как отмечает А. Виейра, на практике идея российско-белорусской интеграции оказывается важнее, чем реальная интеграция, так как данная идея используется в избирательном процессе как в России, так и в Белоруссии [5, р. 43]. Очевидно, что излишнее подчинение интеграционных процессов политическим интересам тормозит углубление экономической интеграции России и Белоруссии [4, р. 326].

Невзирая на то, что отношения между Россией и Республикой Беларусь считаются наиболее развитыми на всем постсоветском пространстве, они характеризуются волнами активности и периодами стагнации, в основном из-за игнорирования интересов друг друга [3, с. 157]³. Больше всего противоречий возникает в процессе экономической интеграции в рамках Союзного государства [2, с. 185]⁴, что обусловлено несовпадением, во-первых, экономических интересов и, во-вторых, экономических моделей России и Республики Беларусь.

² См.: Суздальцев А.И. Кризис Союзного государства Беларуси и России // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 3. – С. 56–67. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-3-56-67; Суздальцев А.И. Республика Беларусь: Эволюция политики балансирования между Союзным государством Белоруссии и России и Евразийским экономическим союзом // Актуальные проблемы Европы. – 2021. – № 1 (109). – С. 193–232. DOI: 10.31249/ape/2021.01.09.

³ См. также: Буконкин Д.А. Проблемы отложенной интеграции: что мешает Беларуси и России усилить Союзное государство // Евразия. Эксперт. – 2021. – URL: <https://eurasia.expert/chto-meshaet-belarusi-i-rossii-usilit-soyuznoe-gosudarstvo/>; Яковлев В. В космос летим вместе: Беларусь и Россия на новом витке кооперации // Союз. Беларусь-Россия. – 2021. – № 5 (969). – URL: <https://rg.ru/2021/02/10/kakie-proekty-budut-razvivat-belarus-i-rossiia.html>.

⁴ См. также: Kłyśiński K., Chawryło K., Wiśniewska I. The failure of the Russian-Belarusian summit // Ośrodek Studiów Wschodnich. – 2019. – URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2019-12-09/failure-russian-belarusian-summit>.

Экономическая интеграция в рамках Союзного государства оказалась сопряжена со значительными трудностями, и текущее ее состояние сложно назвать удовлетворительным из-за политического характера интеграционного союза, недостаточного развития производственной кооперации и отсутствия совместных промышленных корпораций⁵. Решить эти проблемы необходимо для обеспечения долгосрочной жизнеспособности и успеха российско-белорусского интеграционного проекта.

СОЮЗНЫЕ ПРОГРАММЫ

Признавая значимость Республики Беларусь как стратегического партнера, в 2018 г. Россия инициировала Программу действий Российской Федерации и Республики Беларусь по реализации положений Договора о создании Союзного государства. Следует отметить, что проведенный анализ этапов экономической интеграции⁶ выявил сложности и проблемы этого процесса и показал необходимость поиска точек соприкосновения, удовлетворяющих интересам обеих стран. Разработка проекта дорожных карт явилась многообещающим

⁵ В аналитическом докладе, подготовленном по результатам экспертной сессии, организованной Ассоциацией внешнеполитических исследований им. А.А. Громыко Института Европы РАН, указано: «Помимо принятых на ВГС союзных программ необходимо решить следующие задачи: совершенствование системы управления с повышением роли экспертно-аналитической составляющей и повышением ответственности за результат; переформатирование научно-образовательной сферы с уходом от перекосов Болонской системы, от технократизации и примитивизации образования, устранение разрывов между вузовской, академической, отраслевой и корпоративной наукой; создание современной комплексной инновационной системы с кластерной организацией, устранение фрагментарности развития микроэлектроники, станкостроения, точного приборостроения с выходом за рамки нефтеперегонки в сферу реальной нефтепереработки, производства композиционных материалов, биотехнологий; создание рабочих мест, а также кооперация в сфере внешнеэкономической деятельности, устранение субъективных барьеров по доступу на общий рынок» [1, с. 5].

⁶ См.: *Потанцева Е.В., Завьялова К.А.* Программа экономической интеграции России и Республики Беларусь в восприятии российского бизнеса // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. – 2022. – № 4. – С. 64–79. – DOI: 10.38050/01300105202244 .

шагом в направлении активизации интеграционного процесса, а его успешная реализация может проложить путь к более глубокому и устойчивому сотрудничеству в будущем.

После событий августа–октября 2020 г. белорусское руководство, попытавшись опереться на политическую и экономическую поддержку России, вернулось к идее дорожных карт, но уже в формате союзных программ. 10 сентября 2021 г. по итогам заседания Совета Министров Союзного государства были одобрены Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы, нацеленные на решение масштабных задач по укреплению российско-белорусской интеграции, а уже 4 ноября 2021 г. президенты России и Белоруссии на заседании Высшего Государственного Совета Союзного государства утвердили 28 союзных программ.

Союзные программы (ранее – дорожные карты) – это комплекс совместных мероприятий по гармонизации экономик России и Белоруссии в рамках Союзного государства, что подразумевает выравнивание условий хозяйствования. В результате гармонизации союзных программ должна быть сформирована единая российско-белорусская экономика. По словам премьер-министра РФ М.В. Мишустина, «для реализации союзных программ необходимо принять более 400 законодательных актов и двусторонних соглашений»⁷.

В соответствии с Декретом Высшего Государственного Совета Союзного государства от 4 ноября 2021 г. № 6 «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы»⁸ информация о ходе выполнения союзных программ должна представляться ежегодно во втором и четвертом кварталах в Совет Министров Союзного государства.

⁷ См.: *Для реализации* союзных программ надо принять более 400 законодательных актов и соглашений – премьер РФ // Минск-Новости. 04.11.2021. – URL: <https://minsknews.by/dlya-realizaczii-soyuznyh-programm-nado-prinyat-bolee-400-zakonodatelnyh-aktov-i-soglashenij-premer-rf/>.

⁸ См.: *Декрет* Высшего Государственного Совета Союзного государства. 4 ноября 2021 г. № 6. Минск – Москва. «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы» // Эталон Online. 04.11.2021. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=ad2100022>.

АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ СОЮЗНЫХ ПРОГРАММ

Анализ содержания союзных программ, изложенных в Декрете № 6, позволил сделать следующие выводы.

1. С одной стороны, союзные программы требуют продолжительного времени для согласований. В рамках союзных программ доминирует риторика гармонизации⁹ законодательства, но смысл гармонизации не обозначен и ее регламент не указан.

2. С другой стороны, большинство союзных программ нельзя назвать протоколом о намерениях, поскольку: а) в части программ указаны сроки реализации, организационно-технические мероприятия, ответственные с российской и белорусской сторон, но при этом некоторые программы не содержат конкретной информации; б) прописан пошаговый механизм гармонизации, так как указаны способы гармонизации: сопоставление национального законодательства двух стран, унификация нормативно-правовых актов, подготовка и согласование новых НПА и проч.; в) предусматриваются меры организационно-технического характера: интеграция существующего программного обеспечения, разработка новых модулей ПО, выполнение пилотных проектов, реализация внутрисоюзной программы дорожных карт и проч.;

3. Отдельно стоят союзные программы по формированию единого рынка нефти и газа. Во-первых, их действие рассчитано на один год и только после 2023 г. планируется единый рынок по умолчанию. Во-вторых, некоторые исследователи рассматривают эти союзные программы как «тroyанского коня»¹⁰ экономической интеграции (так называемая двухшаговая имплементация), так как предусматривается

⁹ В документе используются слова и словосочетания «гармонизация», «синхронизация», «унификация», «выработка подходов по приближению», «согласование», «определение порядка» и проч.

¹⁰ Белорусский экономист Д.Э. Крук (BEROC): «Властям Беларуси нужны дешевый газ и нефть. Россия же использует сниженные цены на энергоносители в качестве тroyанского коня, чтобы включить механизмы контроля через налоговые и таможенные инструменты, включая “налоговое видеонаблюдение”».

«синхронизация сроков выполнения мероприятий Союзной программы по формированию объединенных рынков нефти и нефтепродуктов Союзного государства со сроками реализации Союзной программы по гармонизации налогового законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации и сотрудничеству в сфере таможенного взаимодействия в части условий взаимодействия в нефтяной сфере, в том числе выработки механизмов выравнивания условий экономической деятельности в Республике Беларусь и Российской Федерации»¹¹.

4. Часть программ базируются на внедрении в Республике Беларусь основ российской экономической системы и содержат соответствующие указания («на принципах организации оптового рынка электрической энергии (мощности) Российской Федерации (п. 1 СП-17)»; «по правилам функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности Российской Федерации без создания объединенного рынка мощности (п. 7 СП-17)») или на внедрении тех практик, которые применяются пока только в России (заключение специальных инвестиционных контрактов в Республике Беларусь – п. СП-1).

5. Необходимо учитывать, что если бы все союзные программы были гармонизированы, то следующим этапом стало бы формирование единой российско-белорусской экономики. В этом случае дальнейшее реформирование белорусской экономики координировалось бы в максимальной степени российской стороной, что обеспечивало бы привязку экономического развития Республики Беларусь к траектории экономического развития России¹².

Следует отметить, что темпы реализации подписанных 28 союзных программ точно не известны и мы можем судить о них только по

¹¹ «Съедают суверенитет»: Раздобыли и проанализировали непубличные документы об интеграции, которые подписали Лукашенко и Путин // Наша Ніва. – URL: <https://nashaniva.com/?c=ar&i=283727&lang=ru>.

¹² См.: *Политический* долгострой. Создадут ли наконец Россия и Белоруссия Союзное государство // Секрет фирмы. 28.05.2022. – URL: https://secretmag.ru/stories/politicheskii-dolgostroj.htm?utm_source=sftg&utm_medium=social.

официальным заявлениям представителей двух стран. На середину 2022 г. имеются следующие оценки уровня реализации союзных программ.

Вице-премьер РФ А.Л. Оверчук в эфире телеканала «Беларусь 1»: «...Более 46% союзных программ выполнили Россия и Белоруссия»¹³.

Президент РФ В.В. Путин: «Работа по реализации 28 упомянутых программ идет полным ходом – ритмично и по графику. Почти 40% запланированных мероприятий уже выполнены»¹⁴.

Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Беларусь в Российской Федерации Д.Н. Крутой: «...Созданная система мониторинга показывает, что на сегодняшний день выполнено 35%. Такая динамика президентов Беларуси и России не очень устраивает»¹⁵.

Кроме того, если в конце 2021 г. после подписания союзных программ России и Республики Беларусь указывалось, что их реализация потребует разработки около 400 законодательных актов и двусторонних соглашений (в частности, это отмечал премьер-министр РФ М.В. Мишустин¹⁶), то в середине 2022 г. количество задач для реализации союзных программ России и Республики Беларусь за полгода с момента подписания выросло более чем в два раза: «980 пунктов различных мероприятий – это наполнение данных 28 союзных

¹³ См.: *Вице-премьер РФ* заявил о выполнении более 46% союзных программ с Белоруссией // Известия. 18.07.2022. – URL: <https://iz.ru/1366207/2022-07-18/vitse-premer-rf-zaiavil-o-vypolnili-bolee-46-soiuznykh-programm-s-belorussiei>.

¹⁴ См.: *Обращение* к участникам IX Форума регионов России и Белоруссии. 1 июля 2022 г. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68798>.

¹⁵ См.: *Крутой*: выполнение союзных программ должно идти более динамичными темпами // БелТА: Новости Беларуси. 01 августа 2022. – URL: <https://www.belta.by/economics/view/krutoj-vypolnenie-sojuznyh-programm-dolzno-idi-bolee-dinamichnymi-tempami-516537-2022/>.

¹⁶ См.: *Мишустин*: реализация союзных программ требует принятия более 400 законодательных актов и соглашений // Информационно-аналитический портал Союзного государства. 04.11.2021. – URL: <https://soyuz.by/novosti-soyuznogo-gosudarstva/mishustin-realizaciya-soyuznyh-programm-trebuets-prinyatiya-bolee-400-zakonodatelnyh-aktov-i-soglasheniy>.

программ»¹⁷; «...По каждой из них (союзных программ. – *Авт.*) министерствами и ведомствами Беларуси и России разработаны соответствующие планы реализации. При этом порядка 35% из предусмотренных 983 задач уже выполнены»¹⁸.

К перспективам углубления экономической интеграции в Союзном государстве сейчас уже можно отнести:

во-первых, намерение расширить перечень союзных программ России и Республики Беларусь. «В ноябре прошлого года Высшим Государственным Советом Союзного государства утверждены Основные направления реализации положений союзного Договора на 2021–2023 годы и 28 программ, которые призваны придать дополнительный серьезный импульс развитию экономической интеграции России и Белоруссии. Сейчас уже верстаются новые союзные программы на последующий трехлетний период начиная с 2024 года»¹⁹;

во-вторых, реализацию с 2022 г. совместной российско-белорусской программы импортозамещения, состоящую из 15 проектов. «В рамках совместной программы импортозамещения, принятой в Минске, были намечены к реализации 15 проектов. Несмотря на комментарии белорусских политиков о том, что не все позиции интересны для России и 1/3 продукции, произведенной в рамках данной программы, можно было бы экспортировать в третьи страны, президент России Владимир Путин заявил: “России интересно все. Ведь для того, чтобы продавать каждый товар на внешних рынках, его надо сначала произвести в Беларуси, а в нем больше половины комплектующих из Российской Федерации”. В итоге было решено, что

¹⁷ См.: *Крутой*: выполнение союзных программ должно идти более динамичными темпами // БелТА: Новости Беларуси. 1.08.2022. – URL: <https://www.belta.by/economics/view/krutoj-vypolnenie-sojuznyh-programm-dolzno-idti-bolee-dinamichnymi-tempami-516537-2022/>.

¹⁸ См.: *Андрейченко*: более трети задач программ интеграции Беларуси и РФ выполнены // Sputnik Беларусь: последние новости Беларуси и мира. 20.06.2022. – URL: <https://sputnik.by/20220620/andreychenko-bolee-treti-zadach-programm-integratsii-belarusi-i-rf-vypolneny-1063863583.html>.

¹⁹ *Обращение* к участникам IX Форума регионов России и Белоруссии. 1 июля 2022 г. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68798>.

российские 1,5 млрд долл., выделенные Республике для реализации программ по импортозамещению, должны быть немедленно реализованы в производство»²⁰.

Следует отметить, что утверждение и реализация союзных программ свидетельствуют о стремлении России и Республики Беларусь к углублению экономической интеграции, ключевым аспектом которой является гармонизация их экономик²¹. В целом, реализация союзных программ идет с переменным успехом. Несмотря на заметные достижения в некоторых областях, остаются значительные проблемы, которые необходимо разрешить. Эти проблемы, вероятно, будут сохраняться до тех пор, пока между двумя странами будут существовать фундаментальные различия с точки зрения как их экономических структур, так и политических систем. Для успешной реализации союзных программ потребуются, как уже говорилось, принятие многочисленных законодательных актов и двусторонних соглашений, а для обеспечения их своевременного и эффективного выполнения необходим мониторинг хода их реализации.

В то время как предыдущие исследования фокусировались в основном на макроэкономических аспектах интеграционного процесса, мы стремимся пролить свет на ожидания российского бизнеса, поскольку он играет решающую роль в достижении реальной экономической интеграции в рамках Союзного государства.

²⁰ См.: *Россия – Белоруссия 2022. Экономика: что завтра?* // Центр международной торговли Москвы. 30.06.2022. – URL: <https://corp.wtcmoscow.ru/services/international-partnership/analytcs/rossiya-belorussiya-2022-ekonomika-chto-zavtra/>. См. также: <https://e-cis.info/news/568/103036/>.

²¹ Это отмечают и другие исследователи. В частности, в аналитическом докладе, подготовленном Ассоциацией внешнеполитических исследований им. А.А. Громыко Института Европы РАН, указано: «Странам СГ (Союзного государства России и Республики Беларусь. – *Авт.*) необходимо урегулирование базовых принципов формирования рынков, их универсализация с точки зрения сближения рыночных моделей РФ и РБ. ...Союзная программа по формированию единых правил конкуренции – одна из важнейших. Кроме снятия административных, экономических и технических барьеров на пути взаимной торговли сельскохозяйственной и промышленной продукцией необходимо уделить внимание разработке и принятию мер по стимулированию общих производств и совместного научно-технического развития промышленности и сельского хозяйства» [1, с. 8–9].

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ДАННЫЕ

Цель настоящего исследования – изучить, как российские региональные предприятия воспринимают процесс экономической интеграции между Россией и Республикой Беларусь. Для достижения этой цели было использовано полуструктурированное фокусированное интервью с представителями предприятий Свердловской области, включавшее обсуждение таких вопросов, как поведение предприятий на рынках Белоруссии, отношение к интеграционным объединениям, эффективность организационной поддержки предприятий со стороны федеральной, региональной и местной властей, восприятие экономической интеграции и перспективы ее развития.

Объектом исследования стали предприятия и организации Свердловской области, которые получили сертификаты происхождения на экспорт продукции в Белоруссию в период с 07.08.2019 г. по 01.06.2020 г., а также предприятия, заинтересованные в сотрудничестве с белорусскими партнерами и имеющие деловые контакты в Республике Беларусь согласно информации Министерства международных и внешнеэкономических связей Свердловской области и Уральской торгово-промышленной палаты.

Для исследования было отобрано 45 предприятий, представители 28 из них (62,2%) были опрошены в период с 14 сентября по 17 ноября 2020 г. После отбраковки пяти интервью, не содержащих необходимую для анализа информацию, в исследовании осталось 23 предприятия, из которых 18 находятся в г. Екатеринбурге, а пять расположены в Свердловской области. В выборку попали предприятия различных размеров: примерно равное количество пришлось на малый и средний бизнес с численностью до 250 чел. (52%) и на крупные компании (48%). Среди обследованных предприятий 21,7% сохранили экономические связи с белорусскими контрагентами со времен СССР, а около 70% предприятий вышли на рынок Республики Беларусь уже после создания Союзного государства.

Для удобства анализа предприятия были разделены на четыре группы в зависимости от размера и опыта работы с белорусскими контрагентами: «старожилы» (пять крупных предприятий с давними, «советскими» связями), «первопроходцы» (два предприятия, одно из которых было создано перед развалом СССР, а другое сразу же после

него и до образования Союзного государства), «опытные/нулевые» (восемь предприятий, начавших работу с белорусскими контрагентами после создания Союзного государства и до создания ЕАЭС) и «новички» (восемь предприятий, начавших работу с белорусскими контрагентами только после создания ЕАЭС). Продолжительность одного интервью варьировала от 25 минут до 1,5 часа.

ВОСПРИЯТИЕ ОБСЛЕДОВАННЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Российские компании рассматривают Республику Беларусь как благоприятный рынок для ведения бизнеса благодаря культурным и экономическим связям между двумя странами. Эти связи включают использование русского языка в деловом общении, культурное сходство между Россией и Белоруссией, качество подготовки технических специалистов в Белоруссии. Отсутствие границ между Россией и Республикой Беларусь и производственные связи, сложившиеся во времена Советского Союза, также способствуют экономической близости между предприятиями из этих стран. Приведем несколько высказываний респондентов, в которых они выражают положительное восприятие условий ведения бизнеса в Белоруссии по вышеуказанным основаниям:

«Ну и менталитет всё же: тут мы с белорусами, несмотря ни на что, братья-славяне. Они говорят по-русски и к нам хорошо очень относятся».

«Я бы отметил преимущества белорусского рынка, по нам: технические специалисты там грамотные. ...Само собой, язык общий».

«Мы и исторически воспринимаем их (белорусов. – Авт.) как братьев».

«С белорусами вообще никаких проблем нет – это русские люди, белорусские русские люди».

«Мы вывалились все из одного гнезда. Поэтому тут (в России и Белоруссии. – Авт.) одинаковые условия – дурь примерно одинакова».

«Мы все выходцы из одной страны. С белорусами мы по ментальности схожи... И понимают они нас. Хорошие партнеры для нас белорусы, перспективы у нас с ними есть».

Наличие производственных связей, сохранившихся с советского времени, также способствует углублению экономической интеграции между предприятиями России и Республики Беларусь:

«Еще тут особенность в том, что у них (в Белоруссии. – Авт.) сохранилась та номенклатура, то производство, та техника, для которой подходит наша продукция... Мы (российские машиностроительные предприятия. – Авт.) перешли на сборку из иностранных узлов, перешли на просто приклеивание наших этикеток, а внутри все китайское. А у них – нет, они (белорусские предприятия. – Авт.) по-прежнему производят [машиностроительную продукцию], поэтому им нужна наша продукция. У них сохранилось машиностроение, а у нас машиностроения в России нет!».

«Потому что вот это (отсутствие границ между Россией и Белоруссией. – Авт.) как раз граница, и менталитет наш, и вот эти все интеграционные связи, которые в Советском Союзе были налажены...».

«Да, покупаем постоянно [со времен СССР]: 90% техники для открытых горных работ приобретается на [название белорусского предприятия]».

Понимание белорусскими предприятиями политических реалий и условий хозяйствования в России также (до санкционного давления 2022 г.) способствовало установлению экономических отношений между нашими предприятиями:

«Когда турки [в ноябре 2015 г.] сбили наш штурмовик, у нас в это время из Турции выезжала машина с компонентами... из города... и машина приехала на нашу (российскую. – Авт.) таможню и ее груз был арестован. Мы смогли его выцарапать дней через 30 – мы нарушили три контракта! Мы как-то полностью даже не получили груз: по одному компоненту, часть отдали еще через 30 дней. После чего мы поняли, что есть некий запрет на работу. Поэтому нам пришлось воспользоваться, и два года, к сожалению, мы были вынуждены пользоваться услугами белорусских партнеров, которые нас сильно выручали».

Представители предприятий отметили отсутствие границ между Россией и Республикой Беларусь в качестве большого плюса Союзного государства:

«Ну, я, конечно, не политик, но я понимаю, что в рамках договора о Союзном государстве эти процессы прописаны, наверное. То, что таможня (таможенное оформление. – Авт.) между Россией и Беларусью упрощена, это уже плюс. Она (таможня. – Авт.), естественно, гораздо проще, чем с Казахстаном и Киргизией».

Таким образом, с одной стороны, российский региональный бизнес воспринимает экономическое пространство Союзного государства через взаимосвязанность российской и белорусской экономик в советское время и определенную схожесть российского и белорусского менталитетов, однако обращает внимание на различие между условиями хозяйствования, что не мешает налаживанию деловых связей между предприятиями:

«[В России и Белоруссии] похожие экономики. Есть понимание. То, что у них немножко другое, у нас немножко другое, это не мешает».

«Конечно, экономические модели [России и Белоруссии] различаются: в большей степени в Белоруссии это государственные предприятия, а в России частного бизнеса, конечно, больше. Но это не ограничивает наше взаимодействие».

С другой стороны, респонденты отмечают существенные различия в экономических моделях России и Республики Беларусь, что затрудняет углубление интеграции двух стран:

«Могу вам сказать честно, у нас был проект: мы хотели изготавливать и для Беларуси, и для других рынков оборудование для использования нашей продукции. И так как в этот период у меня было много поездок в Беларусь и много знакомств было со всевозможными машиностроительными заводами. Все [белорусские машиностроительные заводы] говорят: “Дайте нам заказы! Мы будем работать!” Я говорю: “Окей!” Мы заказали чертеж для оборудования [название продукции], спроектировали, здесь (в России. – Авт.) нанимали инженеров. Дали им и сказали: “Вот такая итука. Сделайте нам”. Они нам посчитали стоимость примерно в 25 раз (!)

дороже, чем в Китае на заводе без доставки!!! Я им говорю: “Ребята, эта цена неконкурентная. Вы когда что-то считаете и предлагаете, вы все равно должны же понимать... Я вот когда свой товар предлагаю в Белоруссию, я понимаю: у него нет аналогов (таких же, по схожим [характеристикам]). Вы же знаете, сколько в России стоит товар. Зайдите в Яндекс, посмотрите! У нас есть два производителя в России. Очень много европейского, китайского оборудования – здесь, в Екатеринбурге, через два дома миллион этого... Мне зачем заказывать у вас, ждать там полгода – я пошел и купил здесь дешевле!” Они говорят: “У нас там такие-то расценки. У нас определенные коэффициенты. Мы закладываем все остальное...”. Я им говорю: “Так у вас заказов не будет с вашими коэффициентами”. **У них плановая экономика, которая не учитывает современную реальность!** Человек говорит: “Да, я могу сделать дешевле, но мне это не подпишут”. Потому что есть кто-то, кто регулирует, кто определяет цену. Поэтому они сидят без заказов, но при этом они вроде бы как не работают... А кто их содержит тогда, получается?!».

«У нас нет машиностроения – у них есть. У нас частный бизнес – у них государственный. Но это (различающиеся модели экономического развития. – Авт.) нам не мешает, а помогает, так как [в противном случае] у них тогда тоже машиностроение заглохнет. ...**На наши же (российские. – Авт.) деньги он (А.Г. Лукашенко. – Авт.) содержит свою промышленность. Ну вот хоть таким способом наше государство нам помогает, дает нам деньги. Продают им (Белоруссии. – Авт.) дешево нефть, а они бог знает за сколько продают ее потом на Запад и с этих денег развивают свою промышленность, делают свои заводы. Мы рады. Пожалуйста!**».

«На сегодняшний день получается следующим образом: чиновник из любого министерства не считает себя чиновником, он себя считает управленцем предприятий, на которые они (чиновники в Белоруссии. – Авт.) назначают топов (топ-менеджмент. – Авт.). Это первое. Им поставлена определенная задача по развитию этих предприятий, и они для этого делают всё. Второе – у них достаточно серьезный, скажем, **административный ресурс, через который они просто заставляют предприятия что-то делать или чего-то не делать.** Генеральный директор (белорусского предприятия. – Авт.) –

это назначенное лицо определенным министерством (Республики Беларусь. – Авт.). Если мы говорим про [название предприятия], то конкретно это Министерство промышленности: руководителя назначает министр промышленности и дает ему определенные задачи. А задачи звучат следующим образом: “вы должны выпускать как можно больше!”, при этом “вы не имеете права никого увольнять!”. А отсюда у них существуют определенные проблемы: любое нововведение, любой технологический прогресс ими (руководителями белорусских предприятий. – Авт.) воспринимается отрицательно. Как дополнительный риск, при котором они будут вынуждены высвободить, уволить людей (работников белорусского предприятия. – Авт.). А у них (в Белоруссии. – Авт.), как они говорят, за это “смертная казнь”. В данном случае мои ощущения от сотрудничества с Республикой Беларусь следующие: имеет смысл общаться [только] с их совместными предприятиями, которые созданы на территории Российской Федерации и которые реально хотят получить какую-то иную технологию по разграничительной ведомости (договор разграничительной ведомости на работы, услуги, приобретения ТМЦ и проч. – Авт.)».

Таким образом, отмеченные представителями российских предприятий различия в экономических моделях России и Республики Беларусь в определенной степени объясняют трудности, которые сопровождают российско-белорусский интеграционный процесс. Следует обратить внимание на то, что большинством респондентов Союзное государство воспринимается как политический проект, не дающий существенных экономических выгод российским предприятиям²².

Несмотря на то что ряд респондентов высказываются за дальнейшее углубление экономической интеграции России и Республики Беларусь, для многих предприятий этот вопрос не является актуальным. Самый сложный момент – это гармонизация условий хозяйствования и отраслевых политик, к чему, по мнению большинства респондентов, нужно стремиться, но вероятность достижения гармонизации

²² См.: Потапова Е.В. Союзное государство в восприятии бизнеса: есть ли эффекты для экономической интеграции? // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2021. – Т. 15, № 3. – С. 35–43. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-03-35-43.

зации оценивается невысоко, поскольку, как подчеркивают респонденты, «мы живем в разных условиях». Следует отметить, что если к концу 2023 г. все подписанные союзные программы будут гармонизированы, в этом случае можно надеяться на реальное углубление экономической интеграции России и Республики Беларусь в рамках Союзного государства. Один из респондентов высказал такое мнение:

*«Я думаю, что если мы находимся в ситуации Союзного государства то, конечно, нужно расширять экономическое и политическое взаимодействие между странами. Экономическое [взаимодействие] – это я понимаю [так]: **создание совместных предприятий с учетом капитала российского и белорусского**, сближать какие-то политические позиции в этом вопросе. И вот это проникновение, развитие экономического сотрудничества и расширение такого сотрудничества как бизнеса Беларуси в России, так и бизнеса России в Белоруссии создаст самые благоприятные условия для сотрудничества и развития [двух стран]».*

Таким образом, представители предприятий, опрошенные в рамках исследования, полагают, что экономические отношения между Россией и Республикой Беларусь имеют значительный потенциал развития. Они отмечают наличие тесных исторических связей, способствующих налаживанию деловых отношений между предприятиями. Однако респонденты также обращают внимание на то, что в сфере экономической интеграции существуют определенные трудности. Поэтому важно продолжать развивать экономическое сотрудничество между Россией и Республикой Беларусь не только на макроэкономическом уровне, но также необходимо развивать производственные связи между предприятиями обеих стран.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российские и белорусские предприятия имеют давние экономические связи, основанные на взаимной выгоде и понимании политических реалий и условий хозяйствования. В настоящее время, после введения санкций в отношении России, белорусские предприятия стали одними из важнейших партнеров для российского бизнеса. Россия и Республика Беларусь являются членами Союзного государства, что предполагает наличие тесных экономических связей

между двумя странами. В данной статье мы рассмотрели, каким образом воспринимается экономическое пространство Союзного государства российским региональным бизнесом.

За более чем 20-летнюю историю существования Союзного государства образовавшиеся на пути экономической интеграции барьеры пока не преодолены. Возможно, что выполнение 28 союзных программ, подписанных 4 ноября 2021 г., оживит процесс экономической интеграции России и Белоруссии. Союзные программы стали предметом пристального внимания с момента их подписания и охватывают широкий спектр областей – от обороны и национальной безопасности до социальной и экономической сфер. Хотя обе страны заявили о прогрессе в реализации этих программ, темпы и эффективность их реализации вызывают сомнение.

Одной из основных проблем является сложность осуществления союзных программ, поскольку требуется внесение изменений в законодательные и нормативные акты как в России, так и в Белоруссии, что приводит к задержкам и усложнению координации между двумя странами. При этом некоторые союзные программы продвигаются быстрее, чем другие. Тот факт, что многие программы основаны на российских моделях и российской деловой практике, также вызывает беспокойство в Республике Беларусь.

Другой проблемой является отсутствие прозрачности в реализации союзных программ. Обе страны периодически представляют информацию о ходе выполнения программ, но при этом отсутствует независимая проверка или оценка программ. Это приводит к разным оценкам их состояния и эффективности. Без четкого и объективного измерения прогресса трудно оценить, достигают ли союзные программы намеченных целей по экономической интеграции.

Несмотря на эти проблемы, союзные программы имеют потенциал для углубления интеграции между Россией и Республикой Беларусь. В частности, их реализация может способствовать увеличению объемов торговли и инвестиций, а также развитию новых отраслей промышленности и становлению производственной кооперации. Следует отметить, что в случае гармонизации всех союзных программ следующим шагом стала бы реализация концепции «два государства – один рынок». В этом случае дальнейшее реформирование белорусской экономики максимально координировалось бы российской

стороной, что обеспечило бы привязку экономического развития Республики Беларусь к траектории экономического развития России.

Сегодня исследования в области экономической интеграции России и Республики Беларусь в рамках Союзного государства сосредоточены в основном на макроэкономических эффектах и показателях. Изучение восприятия процесса российско-белорусской экономической интеграции региональным бизнесом, его опыта в этом процессе и имеющихся проблем показывает, что сближение ряда позиций в экономической политике двух государств соответствует ожиданиям российских предприятий: корпоративный сектор видит необходимость устранения национальных барьеров для облегчения взаимодействия между предприятиями России и Белоруссии и выступает за прозрачные правила ведения бизнеса на территории Союзного государства.

Нужно отметить, что российские предприятия, несмотря на культурные и исторические связи между двумя странами, существующий более 20 лет интеграционный проект и проч., не рассматривают Союзное государство как единое и экономически выгодное пространство для ведения бизнеса. Хотя события 2022 г. и связанное с этим санкционное давление, возможно, будут способствовать ускорению гармонизации союзных программ. При этом правительства России и Республики Беларусь воспринимаются российским региональным бизнесом одновременно и как основной движитель интеграционного процесса, и как основное препятствие для экономической интеграции между странами, поскольку на протяжении всего времени существования Союзного государства большое значение сохраняют политические факторы, которые определяют приоритеты процесса интеграции двух стран.

Список источников

1. *Российско-белорусские отношения в 2022 г.: союзные программы, новые вызовы и направления интеграции: Аналитический доклад.* – М.: Ассоциация внешнеполитических исследований имени А.А. Громыко, Институт Европы РАН, 2022. – 20 с. – URL: https://gromyko.ru/upload/analiticheskii_doklad_2022.pdf (дата обращения: 07.09.2022).
2. *Селиванова И.Ф.* Российско-белорусские отношения: Союзное государство или союз государств? // Мир перемен. – 2006. – № 2. – С. 184–187.

3. Уикалова Д.И. К вопросу о применимости существующих теорий экономической интеграции к взаимодействию России со странами «поояса соседства» // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2013. – № 5. – С. 150–160.

4. Maloletko A.N., Kaurova O.V., Ermilova A.N., Oganyan V.A., Steklova Y.V. Approaches to the study of factors stimulating the development of cooperation between large and small businesses in Russia and the Republic of Belarus // Frontier Information Technology and Systems Research in Cooperative Economics. – Heidelberg: Springer, 2021. – Vol. 316. – P. 325–334. DOI: 10.1007/978-3-030-57831-2_34.

5. Vieira A. A tale of two unions: Russia-Belarus integration experience and its lessons for the Eurasian Economic Union // Journal of Borderlands Studies. – 2017. – Vol. 32, No. 1. – P. 41–53. DOI: 10.1080/08865655.2016.1211959.

Информация об авторах

Суздальцев Андрей Иванович (Россия, Москва) – кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (119017, Москва, ул. Малая Ордынка, 17). E-mail: asuzdaltsev@hse.ru.

Потапцева Екатерина Викторовна (Россия, Екатеринбург) – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра структурной политики Института экономики УрО РАН (620920, Екатеринбург, ул. Московская, 29). E-mail: potaptseva.ev@uiecc.ru.

DOI: 10.15372/REG20230201

Region: Economics & Sociology, 2023, No. 2 (118), p. 3–24

A.I. Suzdaltsev, E.V. Potaptseva

BELARUS–RUSSIA UNION PROGRAMS: A MIRAGE OR THE BEGINNING OF INTEGRATION INTO THE UNION STATE?

The article considers the challenges that the economic integration between the Russian Federation and the Republic of Belarus experiences within the Union State. The roadmap project, initiated by Russia in 2018 to resume the Action Program of Russia and Belarus on the Implementation of the Provisions of the Treaty on the Establishment of the Union State, produced twenty-eight union programs by the end of 2021. However, it remains unclear

whether these programs signal the beginning of a “two countries, one market” model, as executing them requires alterations in legislation and new bilateral agreements. Additionally, transparency in the implementation of union programs is crucial.

To investigate the issue, the article analyzes the responses of regional enterprises in Sverdlovsk Oblast to assess their readiness for working jointly with Belarusian businesses. The purpose is to examine how Sverdlovsk enterprises perceive Belarus–Russia economic integration. The results show a desire to deepen Belarus–Russia economic integration expressed by Russian citizens, on the one hand, and minimal efforts at the business level to promote this process over the past 20+ years, on the other.

The article is structured into four parts. The first section discusses the issues surrounding economic integration between the Russian Federation and the Republic of Belarus, which has been slow and uneven despite the creation of the Union State. Nevertheless, both countries view the Union State as an important integration project and are likely to continue efforts to strengthen cooperation in the future. The second section provides an overview of the union programs. Despite their success, there have been issues during implementation. One of the main problems is differences in the economic structure: because of Russia’s larger and more diversified economy, countries experience tensions over pricing and access to markets, and disagreements over the pace and scope of integration. The third section outlines the research design for the field study, which involved conducting semi-structured interviews with representatives from regional enterprises in Sverdlovsk Oblast to understand their perception of economic integration between Russia and Belarus. The fourth and final section presents the study’s findings, indicating that regional enterprises in Sverdlovsk Oblast have mixed feelings about their cooperation with Belarusian colleagues. However, they are positively inclined toward further economic integration based on established business practices in Russia.

Keywords: economic integration; union programs; the Union State; Russia; the Republic of Belarus

For citation: Suzdaltsev, A.I. & E.V. Potaptsseva. (2023). Soyuznye programmy Respubliki Belarus i Rossii: illyuziya ili nachalo integratsii v ramkakh Soyuznogo gosudarstva? [Belarus–Russia union programs: a mirage or the beginning of integration into the Union State?]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (118), 3–24. DOI: 10.15372/REG20230201.

References

1. *Rossiysko-belorusskie otnosheniya v 2022 g.: soyuznye programmy, novye vyzovy i napravleniya integratsii*: Analiticheskiy doklad [Russian-Belarusian Relations in 2022: Union Programs, New Challenges and Areas of Integration: Analytical Report]. (2022). Moscow, Andrei Gromyko Association of Foreign Policy Studies, Institute of Europe RAS, 20. Available at: https://gromyko.ru/upload/analiticheskii_doklad_2022.pdf (date of access: 07.09.2022).
2. *Selivanova, I.F.* (2006). Rossiysko-belorusskie otnosheniya: Soyuznoe gosudarstvo ili soyuz gosudarstv? [Russian-Belarusian relations: Union State or union of states?] *Mir peremen* [The World of Transformations], 2, 184–187.
3. *Ushkalova, D.I.* (2013). K voprosu o primenimosti sushchestvuyushchikh teorii ekonomicheskoy integratsii k vzaimodeystviyu Rossii so stranami «poyasa sosedsstva» [To a question of applicability of existing theories of economic integration to Russia's interaction with the countries of "neighborhood zone"]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 5, 150–160.
4. *Maloletko, A.N., O.V. Kaurova, A.N. Ermilova, V.A. Oganyan & Y.V. Steklova.* (2021). Approaches to the study of factors stimulating the development of cooperation between large and small businesses in Russia and the Republic of Belarus. In: *Frontier Information Technology and Systems Research in Cooperative Economics*. Heidelberg, Springer, Vol. 316, 325–334. DOI: 10.1007/978-3-030-57831-2_34.
5. *Vieira, A.A.* (2017). A tale of two unions: Russia-Belarus integration experience and its lessons for the Eurasian Economic Union. *Journal of Borderlands Studies*. Vol. 32, No.1, 41–53. DOI: 10.1080/08865655.2016.1211959.

About Authors

Suzdaltsev, Andrey Ivanovich (Moscow, Russia) – Candidate of Sciences (History), Associate Professor at National Research University Higher School of Economics (17, Malaya Ordynka St., Moscow, 119017, Russia). E-mail: asuzdaltsev@hse.ru.

Potaptseva, Ekaterina Viktorovna (Ekaterinburg, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Docent, Senior Researcher at the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620920, Russia). E-mail: potaptseva.ev@uiec.ru.

Поступила в редколлегию 27.06.2022.

После доработки 17.10.2022.

Принята к публикации 19.10.2022.

© Суздальцев А.И., Потапцева Е.В., 2023

УДК 332.1

Регион: экономика и социология, 2023, № 2 (118), с. 25–58

С.Р. Халимова

ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЫ РЕГИОНА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ И НАУКОЕМКИХ КОМПАНИЙ

В развитии высокотехнологичного бизнеса (ВТБ) особую роль играют научная и инновационная активность технологичных компаний и их взаимодействия с внешней средой. В статье эта проблема рассматривается на мезоуровне и проводится оценка влияния степени развития научно-исследовательской среды региона на масштабы деятельности ВТБ. Важным аспектом анализа является также учет отраслевой специфики развития ВТБ, для чего весь сектор разделяется на три группы видов деятельности: отрасли высокого технологичного уровня, отрасли среднего высокого технологичного уровня и наукоемкие отрасли. Придерживаясь формального подхода к определению ВТБ, мы включаем в рассмотрение 17 высокотехнологичных и наукоемких видов деятельности. Анализ охватывает 2016–2020 гг. и базируется на агрегированных данных о деятельности отдельных компаний (база данных СПАРК-Интерфакс) и данных официальной статистики Росстата.

Российский ВТБ концентрируется в шести развитых регионах (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская область, Республика Татарстан, Нижегородская и Самарская области), которые также отличаются высоким уровнем инновационного и научно-технологического развития. С точки зрения инновационного поведения наиболее активными являются компании, относящиеся к таким видам деятельности, как научные исследования и разработки и обрабатывающие производства высокого технологичного уровня.

В статье проводится проверка гипотез о том, что (1) вложения в научные исследования и разработки создают основу, на которой успеш-

но развивается ВТБ, причем сильнее данная зависимость проявляется для отраслей высокого технологического уровня, и что (2) более заметными темпами высокотехнологичные и наукоемкие компании развиваются на тех территориях, где трудовые ресурсы не просто имеют высокий уровень квалификации, но и обладают творческими компетенциями. Проверка с помощью регрессионного анализа панельных данных позволила подтвердить первую гипотезу. Вторая гипотеза не нашла формального подтверждения, однако анализ показал важность кадрового обеспечения ВТБ: компании сталкиваются с острой нехваткой квалифицированного персонала. Полученные результаты говорят о том, что в российской экономике в условиях стабильности существует значимая связь между состоянием научно-исследовательской среды региона и масштабами деятельности ВТБ.

Ключевые слова: высокотехнологичные компании; наукоемкие компании; научная среда; сектор исследований и разработок; факторы региональной среды

Для цитирования: Халимова С.Р. Значение научно-исследовательской среды региона для развития высокотехнологичных и наукоемких компаний // Регион: экономика и социология. – 2023. – № 2 (118). – С. 25–58. DOI: 10.15372/REG20230202.

Высокотехнологичные и наукоемкие компании играют особую роль в повышении эффективности экономики. Создавая новые товары, услуги, такие компании способствуют возникновению новых рынков и отраслей, а также повышению эффективности традиционных.

В наших исследованиях мы придерживаемся формального подхода при отнесении компании к сектору высокотехнологичного бизнеса (ВТБ). Так, высокотехнологичными считаются отрасли обрабатывающей промышленности, в которых наблюдается высокое отношение затрат на НИОКР к валовой добавленной стоимости, а наукоемкими видами деятельности – такие, в которых высока доля занятых, имеющих высшее образование. Такой формальный подход имеет свои преимущества, так как позволяет осуществлять сопоставимые сравнения между регионами и странами.

При анализе высокотехнологичного бизнеса необходимо учитывать, что он пространственно дифференцирован, при этом каждый регион может специализироваться на определенных продуктах и технологиях. В регионах со значительной концентрацией ВТБ наблюдается положительное влияние его развития на экономику всего региона [12]. Российский ВТБ имеет выраженную отраслевую и территориальную специфику, высокотехнологичные и наукоемкие компании крайне неравномерно распределены по регионам, наиболее успешные компании принадлежат к ограниченному числу регионов и отраслей [1; 10].

В предыдущих работах в парадигме разделения показателей развития ВТБ на две группы – «условия» и «результаты» [5] нами анализировались факторы региональной среды, которые оказывают значимое влияние на создание и развитие ВТБ. Ключевым элементом успешного развития ВТБ на региональном уровне является научный и инновационный потенциал территории, именно этот фактор оказался наиболее значимым [9]. Также следует учитывать, что факторы, важные для создания и развития ВТБ, могут различаться для разных отраслей высоких технологий [8].

В настоящей статье наше внимание сфокусировано на выявленном наиболее значимом для развития ВТБ факторе, а именно на научном и инновационном потенциале региона. Первый этап проводимого нами анализа состоит в детальном рассмотрении уровня развития научно-исследовательской среды региона и оценке его влияния на масштабы деятельности ВТБ. Именно это и является целью данной статьи.

НАУЧНЫЙ И ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО БИЗНЕСА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В экономике, основанной на знаниях, развитие в существенной мере определяется высокотехнологичными и наукоемкими компаниями. Конкурентные преимущества таких компаний базируются на результатах инновационной деятельности, для которой большое зна-

чение имеют знания и информация. Стремление быть инновационной возникает у компании во многом из-за страха проиграть конкурентную борьбу, причем на более конкурентных рынках реакция фирм на стимулирование инновационной деятельности оказывается более сильной [14]. Неотъемлемой частью инновационного процесса является деятельность компаний, предоставляющих наукоемкие бизнес-услуги, участвующих в создании, освоении и распространении новых знаний. Такие компании вносят значительный прямой и косвенный вклад в инновационное развитие [17]. Так, обращение к австрийской практике показывает, что развитие центров компетенций положительно влияет на экономику знаний на региональном уровне, в частности наблюдается значительный рост числа высокотехнологичных рабочих мест, причем особенно отчетливо это влияние проявляется в отношении малых и средних компаний [16].

По мере развития технологий и усложнения связей между технологическими областями знаний объем и глубина взаимодействий между элементами инновационной среды увеличиваются, что особенно характерно для ВТБ, для которого усложняется поиск новых рыночных ниш. На практике инновационная активность компаний в значительной степени определяется затратами на технологические инновации, о чем говорят данные официальной статистики по российским регионам [2]. Развитие целого ряда технологических направлений, которые в перспективе потенциально могут существенно повлиять на экономический ландшафт, основывается на достижениях науки и результатах фундаментальных исследований и прикладных разработок. К таким направлениям относятся создание гибридных беспилотных авиа- и автотранспортных средств и систем, создание информационно-управляющих и коммуникационных сетей и систем и др. [4]. Характерной чертой внешних знаний является их неоднородность, обуславливающая формирование различных моделей инновационного поведения фирм [6], что подчеркивает необходимость учета отраслевых факторов в рамках анализа.

Исходя из самого понятия высокотехнологичного и наукоемкого бизнеса необходимыми условиями его существования являются до-

ступ к новым технологиям и обеспеченность высококвалифицированными кадрами. Однако на практике анализ эмпирических данных дает зачастую противоположные результаты. Так, одни исследователи показывают, что у компаний, расположенных в регионах, обеспеченных трудовыми ресурсами и имеющих доступ к инновационным технологиям и новым рынкам, не наблюдается лучших возможностей роста [3]. Другие говорят о наличии нелинейной взаимосвязи между межрегиональной мобильностью высококвалифицированного человеческого капитала и существованием в регионе быстрорастущих инновационных компаний [15].

Важным аспектом в привлечении высококвалифицированных кадров является соответствующий, вероятно более высокий, уровень оплаты труда. Однако практические наблюдения противоречивы. Так, для немецких высокотехнологичных стартапов показано, что академические спин-офф-компании в целом не предоставляют надбавку к заработной плате, исключением являются компании, коммерциализирующие новые научные результаты или методы [13]. С другой стороны, анализ бразильской практики показывает, что для инновационных фирм имеет место положительная надбавка к заработной плате, причем ее размер больше в обрабатывающей промышленности [17]. В российской действительности недостаток квалифицированных кадров традиционно выделяется представителями компаний из разных отраслей как один из существенных барьеров развития. Более того, в последние годы наблюдается недофинансирование сфер науки и высшего образования, вносящих основной вклад в формирование человеческого капитала [7].

Таким образом, результаты исследований и анализ практики говорят об особой роли, которую играет научная и инновационная деятельность в развитии ВТБ. Вместе с тем некоторая противоречивость полученных ранее результатов обуславливает необходимость более детального анализа фактора научной и инновационной среды в развитии высокотехнологичных отраслей, а также изменения угла обзора проблемы, а именно смещения фокуса анализа на отдельные сектора. Учитывая территориальную и отраслевую неоднородность развития российского ВТБ, мы можем предположить, что зна-

чимые ключевые факторы, способствующие эффективному функционированию высокотехнологичных и наукоемких компаний, различаются для разных регионов страны и разных секторов ВТБ.

Несмотря на одинаково значимую роль знаний для обоих процессов, научно-исследовательская деятельность и инновационная активность имеют свои отличия, часть из которых достаточно принципиальные и являются глубинными. Поэтому в рамках данного анализа внимание будет сфокусировано только на факторах научно-исследовательской среды, а вопросы, касающиеся инновационной активности, станут предметом дальнейших исследований.

РОССИЙСКИЕ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫЕ И НАУКОЕМКИЕ КОМПАНИИ

Для проверки выдвинутой гипотезы мы проводим регрессионный анализ панельных данных с использованием объединенных данных микро- и мезоуровня. Мы агрегируем данные о деятельности отдельных компаний (база данных СПАРК-Интерфакс), а также используем данные официальной статистики Росстата. Таким образом, объектом наблюдения в нашем анализе выступает регион, выборка включает в себя 80 субъектов РФ¹. Анализируемый временной промежуток охватывает 2016–2020 гг.

Выделяя отдельные отрасли, как было определено выше, мы опираемся на отраслевой подход, основываясь на формальной классификации, используемой в методике Росстата (Приказ Росстата от 15.12.2017 № 832), и анализируем компании, которые в соответствии с данным документом относятся к высокотехнологичным и наукоемким отраслям. Всего мы рассматриваем 17 видов деятельности (за исключением деятельности в области образования и здравоохранения, а также финансового посредничества и страхования), опреде-

¹ Выборка данных составлена по состоянию на 31.12.2020 г. Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа рассматриваются в составе Тюменской области, Ненецкий – в составе Архангельской области. Из расчетов исключены Чукотский автономный округ и Еврейская автономная область из-за отсутствия некоторых данных по этим регионам.

ляемых по классификации ОКВЭД-2². Выборка компаний, охватывающая 2016–2020 гг., составлена на основе базы данных СПАРК-Интерфакс и включает 459 063 компании, действовавших на протяжении этого периода или его части.

Как видно из табл. 1 и рисунка, российский высокотехнологичный бизнес – это в первую очередь отрасли среднего высокого технологического уровня (общая выручка компаний этих отраслей составила 11 511 млрд руб. в 2020 г.) и наукоемкие отрасли (12 634 млрд руб.). Общая выручка компаний отраслей высокого технологического уровня существенно ниже – 2 661 млрд руб. в 2020 г. Причем за анализируемый период она осталась практически неизменной в текущих ценах (рост всего на 6% за 5 лет), при переходе к постоянным ценам это означает сокращение масштабов деятельности. Суммарная выручка каждой из двух оставшихся групп отраслей за 5 лет выросла на 35%, что превышает уровень накопленной за этот период инфляции³, т.е. наблюдается реальный рост этих секторов.

Существенный рост отраслей среднего высокого технологического уровня и наукоемких отраслей при практически не изменившейся

² *Отрасли высокого технологического уровня:* 21 – производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях; 26 – производство компьютеров, электронных и оптических изделий; 30.3 – производство летательных аппаратов, включая космические. *Отрасли среднего высокого технологического уровня:* 20 – производство химических веществ и химических продуктов; 27 – производство электрического оборудования; 28 – производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки; 29 – производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов; 30 (кроме 30.3) – производство прочих транспортных средств и оборудования; 32.5 – производство медицинских инструментов и оборудования; 33 – ремонт и монтаж машин и оборудования. *Наукоемкие отрасли:* 50 – деятельность водного транспорта; 51 – деятельность воздушного и космического транспорта; 61 – деятельность в сфере телекоммуникаций; 62 – разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги в данной области и другие сопутствующие услуги; 63 – деятельность в области информационных технологий; 71 – деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования; технических испытаний, исследований и анализа; 72 – научные исследования и разработки.

³ Для сравнения, накопленный индекс потребительских цен за период 2016–2020 гг. составил 115,5%, индекс цен производителей промышленных товаров – 120,0%, а в обрабатывающей промышленности – 117,7%.

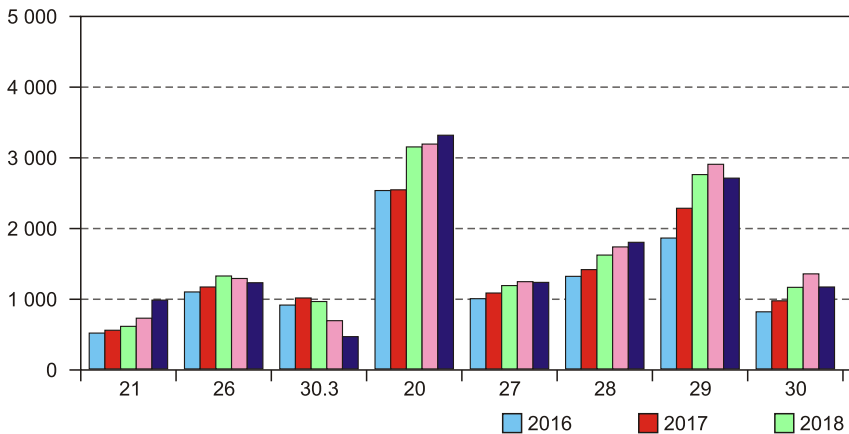
Таблица 1

**Структура выручки высокотехнологичных и наукоемких компаний
по видам деятельности, 2016–2020 гг., %**

Год	Отрасли высокого технологического уровня	Отрасли среднего высокого технологического уровня	Наукоемкие отрасли
2016	12,3	41,9	45,8
2017	12,3	42,6	45,1
2018	11,4	44,0	44,6
2019	10,1	43,7	46,3
2020	9,9	42,9	47,1

Источник: расчеты автора по данным СПАРК-Интерфакс.

общей выручке отраслей высокого технологического уровня привел к тому, что в общей структуре выручки доля последних сократилась на 2,4 п.п., или на 20%. Наблюдаемая тенденция настораживает, поскольку в сопоставимых ценах происходит сокращение масштабов высокотехнологичных отраслей, считающихся наиболее передовыми.

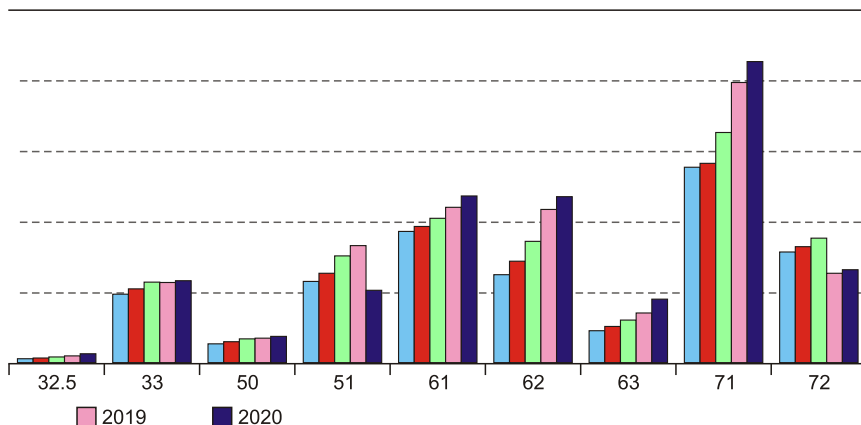
Выручка высокотехнологичных и наукоемких компаний

Примечание: виды деятельности обозначены

Источник: расчеты автора

Лидирующей отраслью на протяжении всего периода оставалась деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования, на втором месте была химическая промышленность. На третьем и четвертом местах – производство автотранспортных средств и деятельность в сфере телекоммуникаций. Причем в 2016 г. телекоммуникационная отрасль демонстрировала более высокую выручку по сравнению с автомобилестроением, но начиная с 2017 г. автомобильная промышленность за счет своего резкого роста вышла на третье место. Пятерку крупнейших отраслей в 2019 и 2020 гг. замыкала разработка компьютерного программного обеспечения, которая обогнала находившуюся на этом месте в 2016–2018 гг. научную деятельность. Это произошло из-за роста выручки компаний – разработчиков ПО и сокращения выручки в научной деятельности.

В целом, за редким исключением, высокотехнологичные и наукоемкие отрасли в 2016–2020 гг. демонстрировали положительную динамику, которая опережала накопленную инфляцию. Явным аутсайдером здесь стало производство летательных аппаратов, которое падает начиная с 2018 г., что объясняется небольшими объемами выпуска в натуральном измерении, когда изменения производственной программы одного из участников отрасли сразу сказываются на отрасли

по видам деятельности (в текущих ценах), млрд руб.

в соответствии с кодами ОКВЭД-2

по данным СПАРК-Интерфакс

в целом. Производство компьютеров, электронных и оптических изделий также столкнулось с небольшими сокращениями в 2019–2020 гг. даже в номинальных показателях. Падение научной деятельности почти на 30% в 2019 г. было однократным, уже в 2020 г. наблюдался небольшой рост выручки, немного отстающий от уровня инфляции.

Отдельно следует обратить внимание на кризисный 2020 г. Здесь явным антилидером оказалась деятельность воздушного транспорта, сократившаяся почти на 40%, что является прямым последствием пандемии коронавируса, приведшей в том числе к ограничению передвижений людей. Помимо упомянутых выше отраслей, в которых падение началось раньше и было вызвано в том числе внутренними причинами, в 2020 г. выручка сократилась на 7% в автомобилестроении и на 14% в производстве прочих транспортных средств, что было обусловлено последствиями коронавирусного кризиса – падением платежеспособного спроса, временным разрывом производственных цепочек. В меньшей степени кризис затронул производство электрооборудования и производство электронных изделий, которые в текущих ценах сократились на 1 и 5% соответственно. Оставшиеся 11 отраслей продемонстрировали в 2020 г. рост общей номинальной выручки, причем за исключением химической промышленности, машиностроения, ремонта и монтажа машин и оборудования и научной деятельности, в остальных отраслях рост превышал уровень как потребительской, так и производственной инфляции, т.е. наблюдался рост и реальной выручки. Ожидаемыми бенефициарами сложившегося кризиса стали фармацевтическая промышленность, выросшая на 36%, производство медицинских инструментов, которое выросло на 29%, а также деятельность в области информационных технологий, выручка которой увеличилась на 28%.

Одновременно с этим в 2016–2020 гг. менялось и число зарегистрированных компаний. Сильнее всего оно увеличилось в таких отраслях, как производство прочих транспортных средств – на 62%, производство компьютеров, электронных и оптических изделий – на 37%, производство медицинских инструментов и оборудования – на 34%, химическая промышленность – на 32%. Особо отметим последние две отрасли: это единственные виды деятельности, где число компаний росло непрерывно в течение всего периода, даже в слож-

ный 2020 г. таких компаний стало больше. Также в 2020 г. увеличилась и число компаний фармацевтической промышленности.

Отраслевые различия между секторами ВТБ, вероятно, должны проявляться и в особенностях инновационного поведения компаний. Для его оценки обратимся к отраслевой статистике научной и инновационной деятельности. Следует сразу оговориться, что поскольку ни официальная отраслевая статистика, ни сборники, издаваемые профильными исследовательскими институтами, не дают полной картины в разрезе всех анализируемых видов деятельности, провести полноценный анализ с использованием строгих количественных методов на настоящем этапе не представляется возможным. Поэтому ограничимся сравнительными качественными оценками, а формирование сводной количественной базы данных должно стать предметом отдельного исследования. В таблице 2 приведены данные об уровне инновационной активности и затратах на инновационную деятельность по некоторым видам экономической деятельности, при этом обрабатывающие отрасли (к которым относятся в том числе отрасли высокого технологичного и среднего высокого технологичного уровней) рассматриваются в целом.

Наиболее инновационно активными являются предприятия и организации, зарегистрированные в области научных исследований и разработок, а также относящиеся к обрабатывающим производствам. В этих отраслях больше всего организаций внедряют инновации, эти организации вкладывают большего всего средств в инновационную деятельность, и эти средства в основном направляются на исследования и разработку новых продуктов, товаров, услуг и производственных процессов. Инновационная активность организаций отдельных отраслей наукоемких услуг (деятельность в области ИТ и деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования) находится на среднем относительно экономики в целом уровне, что можно рассматривать в качестве индикатора уровня технологического развития экономики в целом: если организации отраслей, обеспечивающих цифровое развитие, слабоинновационны, то решения, которые они предлагают экономике, не являются передовыми и новаторскими.

Структура затрат на инновационную деятельность различается по отраслям, тем не менее можно выделить основные направления вло-

Таблица 2

Уровень инновационной активности и затраты на инновационную деятельность по отдельным видам экономической деятельности, 2020 г.

Виды экономической деятельности	Уровень инновационной активности, % организаций	Затраты на инновационную деятельность	
		Всего, млрд руб.	Основные виды затрат
Всего	10,8	2 134,0	Исследования и разработка новых продуктов и производственных процессов (44%), приобретение машин и оборудования (33%)
В том числе:			
обрабатывающие производства	21,3	960,7	Исследования и разработка новых продуктов и производственных процессов (42%), приобретение машин и оборудования (31%)
деятельность в сфере телекоммуникаций	13,1	50,4	Инжиниринг (53%), разработка и приобретение программ для ЭВМ (29%), приобретение машин и оборудования (14%)
разработка компьютерного программного обеспечения	13,2	45,7	Исследования и разработка новых продуктов и производственных процессов (42%), разработка и приобретение программ для ЭВМ (29%), прочие (21%)
деятельность в области информационных технологий	10,2	8,0	Разработка и приобретение программ для ЭВМ (43%), приобретение прав на патенты, лицензий (21%), исследования и разработка новых продуктов и производственных процессов (18%)
деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования	10,7	25,6	Прочие (49%), исследования и разработка новых продуктов и производственных процессов (29%), разработка и приобретение программ для ЭВМ (11%)
научные исследования и разработки	51,1	515,3	Исследования и разработка новых продуктов и производственных процессов (85%)

Источники: данные Росстата, расчеты автора по данным Росстата.

жений. Это в первую очередь исследования и разработка новых продуктов и производственных процессов, а также разработка и приобретение программ для ЭВМ. Следующие статьи расходов – это приобретение машин и оборудования, инжиниринг и приобретение прав на патенты и лицензии.

Оценивая результативность осуществляемой инновационной деятельности, обратимся к данным об имеющихся у компаний охранных документах на объекты интеллектуальной собственности и их патентной активности в разрезе технологических областей⁴. Ожидаемо самую высокую активность демонстрируют организации, занимающиеся исследованиями и разработками, однако в определенном смысле для этих компаний объекты интеллектуальной собственности являются измеримым результатом их деятельности. Более показательны высокотехнологичные отрасли обрабатывающей промышленности. Здесь отрасли высокого технологичного уровня существенно опережают отрасли среднего высокого технологичного уровня, среди которых стоит выделить лишь химическую промышленность и производство прочих транспортных средств. А лидирующими отраслями являются авиастроение, фармацевтика, производство компьютеров и др. Отметим также, что патентная активность и обладание объектами интеллектуальной собственности у компаний наукоемких видов деятельности находятся на более низком уровне.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ И НАУКОЕМКИХ КОМПАНИЙ

Что касается территориального распределения компаний ВТБ, то за 2016–2020 гг. всего шесть регионов входили в пятерки лидеров по суммарной выручке высокотехнологичных и наукоемких компаний региона (табл. 3).

⁴ Данные сборников «Индикаторы инновационной деятельности» Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ за 2018–2022 гг. (<https://www.hse.ru/primarydata/ii>).

Таблица 3

Регионы – лидеры по суммарной выручке компаний высокотехнологического бизнеса и их место в рейтингах научного и инновационного развития

Регион	Суммарная выручка компаний ВТБ, млрд руб.			Место в рейтингах		
	2016	2018	2020	РРИИ	АИРР	РИА
г. Москва	7 047	8 511	9 485	1	3	1
г. Санкт-Петербург	2 031	2 588	2 989	2	1	2
Московская обл.	1 343	1 607	1 605	6	5	5
Республика Татарстан	815	969	1 023	3	2	3
Нижегородская обл.	612	875	975	5	8	4
Самарская обл.	648	826	772	14	10	6

Примечание: РРИИ – место региона в рейтинге субъектов Российской Федерации по значению российского регионального инновационного индекса за 2018/2019 (последние доступные данные); АИРР – место региона в рейтинге инновационных регионов России 2018 г. (последние доступные данные); РИА – место региона в рейтинге регионов по научно-технологическому развитию в 2020 г. (последний год анализируемого периода).

Источники: расчеты автора по данным СПАРК-Интерфакс, данные Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, Ассоциации инновационных регионов России, агентства РИА Рейтинг.

С точки зрения масштабов распространения ВТБ высокотехнологичные и наукоемкие компании сконцентрированы в нескольких развитых регионах. Эти регионы отличаются также высоким уровнем инновационного и научно-технологического развития, на что указывают высокие места, занимаемые ими во всевозможных рейтингах. В таблице 3 приведены места выделенных регионов в ключевых рейтингах Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, Ассоциации инновационных регионов России и агентства РИА Рейтинг. Тройки лидеров (в разном порядке в них входят Москва, Санкт-Петербург и Республика Татарстан) всех этих рейтингов совпадают и полностью входят в число регионов – лидеров по масштабам распространения ВТБ.

Важным показателем территориальной неоднородности является относительный масштаб высокотехнологичного и наукоемкого сектора. Для его оценки мы используем показатель отношения общей выручки высокотехнологичных и наукоемких компаний региона к его ВРП. Это отношение показывает не долю в ВТБ в региональной экономике, а позволяет лишь оценить масштаб деятельности относительно размеров региональной экономики. Поскольку в 2020 г. произошли существенные изменения во многих сферах экономической и социальной жизни, учет фактора кризиса требует особого внимания, что выходит за рамки настоящей работы, поэтому здесь анализируемый период ограничивается 2016–2019 гг. Безусловным лидером по названному показателю является Калужская область, для которой это отношение находилось в пределах 1,24–1,48 в течение рассматриваемого периода. Столь высокие значения объясняются масштабами развития автомобилестроения (код 29), на которое в 2019 г. приходилось 70% ВТБ Калужской области, а по всей стране автомобилестроение области дало 18% общей выручки в 2019 г. В остальных регионах отношение выручки высокотехнологичного бизнеса к ВРП не превышало 0,75.

О дифференциации регионов по этому показателю можно судить по описательной статистике выборки регионов, представленной в табл. 4. В среднем общая выручка высокотехнологичных и наукоемких компаний сравнима с размером одной пятой региональных

Таблица 4

Дифференциация регионов Российской Федерации по отношению выручки высокотехнологичного бизнеса к ВРП

Описательная статистика	2016	2017	2018	2019
Среднее	0,208	0,213	0,222	0,203
Медиана	0,173	0,178	0,174	0,155
Коэффициент вариации	0,404	0,909	0,966	0,984

Источник: расчеты автора по данным СПАРК-Интерфакс, Росстата.

экономик (размер которых мы оцениваем величиной ВРП), при этом в половине регионов в 2019 г. она составляла менее 15,5% ВРП. Различия между регионами нельзя назвать критическими, однако за исследуемые четыре года они значительно выросли: если в 2016 г. значение коэффициента вариации было равно 0,404, то в 2019 г. – уже 0,984, причем основные изменения произошли в 2017 г., когда он вырос в 2,3 раза.

На региональном уровне дифференциация масштабов развития ВТБ существенно различается для разных его сегментов. Как было сказано выше, российский ВТБ – это в первую очередь отрасли среднего высокого технологического уровня и наукоемкие отрасли. Для регионов структура остается такой же, причем доля отраслей высокого технологического уровня оказалась еще меньше, что объясняется тем, что не во всех регионах присутствуют эти виды деятельности. В таблице 5 приведены данные о региональной дифференциации структуры выручки ВТБ в 2016 и 2020 гг.

Как видно из табл. 5, для отраслей среднего высокого технологического уровня и наукоемких отраслей межрегиональные различия остались неизменными, тогда как для отраслей высокого технологического уровня наблюдается небольшое их сглаживание. При этом

Таблица 5

Региональная дифференциация структуры выручки высокотехнологичных и наукоемких компаний по видам деятельности

Описательная статистика	Отрасли высокого технологического уровня		Отрасли среднего высокого технологического уровня		Наукоемкие отрасли	
	2016	2020	2016	2020	2016	2020
Среднее, %	11,6	9,3	54,4	55,7	34,1	34,9
Медиана, %	7,3	5,9	55,9	61,2	23,9	26,8
Коэффициент вариации	1,21	1,15	0,43	0,43	0,75	0,74

Источник: расчеты автора по данным СПАРК-Интерфакс.

регионы наиболее дифференцированы именно в представленности отраслей высокого технологичного уровня. Отрасли же среднего высокого технологичного уровня распределены по территории страны более равномерно.

Таким образом, агрегированная выручка высокотехнологичных и наукоемких компаний демонстрирует ярко выраженные как отраслевые, так и региональные различия. Это обуславливает необходимость анализа одновременно и отраслевых, и региональных факторов, оказывающих влияние на развитие ВТБ. Для того чтобы учесть отраслевые факторы, мы моделируем функционирование трех групп видов деятельности отдельно друг от друга. Здесь мы используем методы регрессионного анализа, уровнем наблюдения для которого выступает регион. Таким образом, в анализ включаются региональные факторы как совокупность условий региональной среды, комбинация которых способствует реализации того или иного конечного результата.

В соответствии с целью данной статьи в фокусе нашего внимания находится состояние научно-исследовательской среды, в которой ведут свою деятельность высокотехнологичные и наукоемкие компании. Исходя из этого, в качестве объясняющих переменных мы выбираем переменные, описывающие состояние научной деятельности в регионе.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СРЕДА РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Одним из основных показателей развития научно-исследовательской сферы традиционно считается уровень вложений в научные исследования и разработки. Мы оцениваем его через долю внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП, при этом рассматриваем как общую сумму затрат, так и отдельные ее составные части, а именно затраты на фундаментальные исследования, на прикладные исследования и на разработки.

Исходя из сути научной деятельности результаты фундаментальных исследований в меньшей степени направлены на текущий ося-

заемый результат, они создают научную базу для дальнейших исследований и разработок и находят свое практическое применение скорее в долгосрочной перспективе. Мы предполагаем, что этот показатель оказывает меньшее воздействие на краткосрочные результаты деятельности ВТБ, и чтобы оценить его полное влияние, необходимо рассматривать отложенные эффекты (лаги переменных). Напротив, прикладные исследования и разработки направлены на доведение результата проведенных исследований до конечного продукта или услуги, таким образом, можно предположить, что отдача от этих затрат будет наступать быстрее, т.е. переменные, отвечающие за эти показатели, будут оказываться значимыми при меньшей длине лага. Кроме того, следует учитывать и отраслевые особенности ВТБ, состоящие в том, что отрасли высокого технологичного уровня в большей мере опираются на результаты исследований и разработок по сравнению с отраслями среднего высокого технологичного уровня, т.е. для первой группы отраслей, скорее всего, значимость затрат на исследования и разработки должна оказаться выше по сравнению со второй.

Еще одним важным фактором является разделение затрат на исследования и разработки по источникам финансирования. Исследования, проводимые в рамках бюджетного финансирования, отвечают на запрос государственного заказчика, в интересах которого развивать в том числе и фундаментальную базу знаний, так что в госзадании исследовательским учреждениям далеко не всегда в явном виде фиксируется необходимость доведения результата до рыночного применения. Частные же заказчики, проводя научные исследования самостоятельно или обращаясь в сторонние организации, заинтересованы в решении конкретной задачи, которое позволит повысить эффективность их деятельности в максимально сжатые сроки. Тогда целесообразно включить в модель переменную, отвечающую за структуру затрат на исследования и разработки по источникам финансирования, исходя из предположения, что внебюджетные источники должны быть более значимыми с точки зрения результатов, демонстрируемых ВТБ, по сравнению с бюджетными.

Следующим показателем, отражающим состояние научно-исследовательской сферы, является численность работников, выполняв-

ших исследования и разработки. Существенная часть затрат на исследования и разработки – это расходы, связанные с оплатой труда, однако эти данные не дают полного представления о том, сколько человек занято в исследовательской деятельности. Последнее видится важной характеристикой, так как идеи, лежащие в основе проводимых исследовательских работ, генерируют люди, причем особое значение в этом процессе имеют взаимодействия между исследователями, т.е. чем больше исследователей, тем больше возможностей для научных взаимодействий. Здесь также возникает особый вопрос, связанный с возрастным составом работников, выполнявших научные исследования и разработки; в последнее время многое делается для привлечения молодых кадров и их удержания в науке. Поэтому мы включаем в модель показатель доли молодых исследователей в общей численности исследователей. Кроме того, не надо забывать о том, что высокая численность исследовательского персонала, которая не сопровождается соответствующими затратами, означает фактически сравнительно низкий уровень оплаты труда. Для учета этого фактора предлагается сравнивать средний уровень оплаты труда исследователей со средним уровнем заработной платы в регионе.

Наконец, необходимо учитывать не только сам процесс выполнения научных исследований и разработок, но и его результативность. Результаты научной деятельности отражаются в первую очередь в научных публикациях, однако в этом случае речь идет преимущественно о фундаментальных результатах, которые дают приращение научного знания. Прикладные результаты, которые непосредственно находят применение на рынке, можно оценивать через патентную активность.

С учетом того, что высокотехнологичные и наукоемкие компании сосредоточены в основном в городах (по данным СПАРК-Интерфакс, 429 999 из 459 063, или 93,7%, компаний ведут свою деятельность в городах), представляется важным включить в модель показатель структуры расселения населения в регионе, а именно долю городского населения.

Выборка состоит из 80 регионов РФ, описательная статистика переменных, включенных в анализ, приведена в табл. 6. Чтобы

Таблица 6

Описательная статистика переменных, включенных в анализ

Переменная	Обозначение	Среднее за 2016–2019	Коэффициент вариации	Модели, в которые входят переменные					
				HT		MT		KN	
				HT1	HT2	MT1	MT2	KN1	KN2
<i>Зависимые переменные</i>									
Отношение выручки отраслей высокого технологического уровня к ВРП	HT_to_GRP	2,65%	1,39	+					
	MT_to_GRP	13,45%	1,14		+				
	KN_to_GRP	5,06%	1,14					+	+
<i>Независимые переменные</i>									
Доля исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности исследователей	Young_sci_sh	42,64	0,21	+	+	+	+	+	+
	RnD_c_nonbudget_sh	39,25	0,56	+	+	+	+	+	+
	RnD_pers_per_popul	26,62	1,21	+	+	+	+	+	+

Окончание табл. 6

Переменная	Обозначение	Среднее за 2016–2019	Коэффициент вариации	Модели, в которые входят переменные					
				HT		MT		KN	
				HT1	HT2	MT1	MT2	KN1	KN2
Превышение среднего уровня оплаты труда исследователей над средним уровнем заработной платы в регионе	Wage_RnD	1,67	0,22	+	+	+	+	+	+
Коэффициент изобретательской активности (число отечественных патентных заявок на изобретения, поданных в России, в расчете на 10 тыс. чел. населения)	Patent_per_popul	1,06	0,96	+	+	+	+	+	+
Доля городского населения	Popul_city_sh	70,19%	0,19	+		+		+	
Доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП	RnD_costs_sh	0,75%	1,22	+		+		+	
В том числе:									
фундаментальные исследования	RnD_ph_costs_sh	0,15%	1,15		+		+		+
прикладные исследования	RnD_app_costs_sh	0,13%	1,18		+		+		+
разработки	RnD_dev_costs_sh	0,42%	1,58		+		+		+

Источник: расчеты автора по данным СПАРК-Интерфакс, Росстата.

избежать влияния размера региона на получаемые результаты, в расчетах используются только относительные показатели. Кроме того, обращение к относительным показателям избавляет от необходимости включения в анализ оценки инфляции, которая различается как по регионам, так и по отраслям экономики, а учет этого потребует отдельного дополнительного анализа.

Таким образом, мы хотим проверить следующие гипотезы.

1. Вложения в научные исследования и разработки создают основу, на которой успешно развивается высокотехнологичный бизнес, причем более сильное влияние оказывают затраты на прикладные исследования и разработки, и сильнее данная зависимость проявляется для отраслей высокого технологического уровня.

2. Более заметными темпами высокотехнологичные и наукоемкие компании развиваются на тех территориях, где высока доля исследователей в общей численности занятых, т.е. там, где трудовые ресурсы не просто имеют высокий уровень квалификации, но и обладают творческими компетенциями.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЫ РЕГИОНА НА РАЗВИТИЕ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО БИЗНЕСА

Для проверки выдвинутых гипотез на первом шаге были оценены три уравнения: для отраслей высокого технологического уровня (модель HT1), отраслей среднего высокого технологического уровня (модель MT1) и наукоемких отраслей (модель KN1). На втором шаге внутренние затраты на исследования и разработки были детализированы (модели HT2, MT2 и KN2).

Оценивание моделей проводилось с помощью анализа панельных данных за период 2016–2019 гг. Отметим еще раз, что здесь мы ограничиваем временной интервал, поскольку кризисный 2020 г. требует отдельного внимания, что выходит за рамки настоящей работы, где мы хотим сфокусироваться на ситуации стабильности. В табли-

це 7 приведены результаты расчетов по моделям HT1, MT1 и KN1, а в табл. 8 – по моделям HT2, MT2 и KN2.

Таблица 7

Результаты оценивания моделей (доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП)

Зависимая переменная	HT_to_GRP	MT_to_GRP	KN_to_GRP
Модель	Со случайными эффектами	Со случайными эффектами	С фиксированными эффектами
Число наблюдений	320 ($i = 80, t = 4$)	320 ($i = 80, t = 4$)	320 ($i = 80, t = 4$)
Константа	0,02384	–0,01659	–
Young_sci_sh	0,00023	0,00092*	0,00040
RnD_c_nonbudget_sh	0,00003	0,00040**	–0,00003
RnD_pers_per_popul	0,00037**	–0,00028	0,00017
Wage_RnD	–0,00153	0,02022****	–0,00410*
Patent_per_popul	–0,00002	0,00439	0,00039
Popul_city_sh	–0,03035	0,09053	–0,04842
RnD_costs_sh	0,72620*	0,19509	0,48874
Качество модели (р-значение)	Chisq: 29,57 (0,000)	Chisq: 29,2 (0,000)	R ² : 0,046
F-статистика (р-значение)	37,63 (0,000)	138,55 (0,000)	22,87 (0,000)
Тест Бройша – Пагана (р-значение)	380,77 (0,000)	431,64 (0,000)	334,64 (0,000)
Тест Хаусмана (р-значение)	6,35 (0,500)	9,32 (0,231)	14,51 (0,043)

Примечания: 1) обозначения переменных соответствуют обозначениям, введенным в табл. 6; 2) уровни значимости: **** – 0,001; *** – 0,01; ** – 0,05; * – 0,1.

Источник: расчеты автора по данным СПАРК-Интерфакс, Росстата.

Таблица 8

**Результаты оценивания моделей (детализация доли внутренних затрат
на исследование и разработки в ВРП)**

Зависимая переменная	HT_to_GRP	MT_to_GRP	KN_to_GRP
Модель	Со случайными эффектами	С фиксированными эффектами	С фиксированными эффектами
Число наблюдений	320 ($i = 80, t = 4$)	320 ($i = 80, t = 4$)	320 ($i = 80, t = 4$)
Константа	0,02254	—	—
Young_sci_sh	0,00025	0,00070	0,00037
RnD_c_nonbudget_sh	0,00004	0,00037**	–0,00007
RnD_pers_per_popul	0,00035**	–0,00312****	0,00007
Wage_RnD	–0,00152	0,01570***	–0,00426*
Patent_per_popul	0,00015	0,00375	–0,00010
Popul_city_sh	–0,03255	–0,26950	–0,04242
RnD_ph_costs_sh	2,31000	5,07592	2,70540
RnD_app_costs_sh	–0,08688	0,38492	2,94110**
RnD_dev_costs_sh	0,94813**	0,37005	0,49873
Качество модели (р-значение)	Chisq: 32,40 (0,000)	R ² : 0,160	R ² : 0,066
F-статистика (р-значение)	38,09 (0,000)	131,92 (0,000)	22,6 (0,000)
Тест Бройша – Пагана (р-значение)	379,61 (0,000)	430,84 (0,000)	330,78 (0,000)
Тест Хаусмана (р-значение)	11,37 (0,251)	38,51 (0,000)	16,66 (0,054)

Примечание: 1) обозначения переменных соответствуют обозначениям, введенным в табл. 6; 2) уровни значимости: **** – 0,001; *** – 0,01; ** – 0,05; * – 0,1.

Источник: расчеты автора по данным СПАРК-Интерфакс, Росстата.

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЫ РЕГИОНА НА РАЗВИТИЕ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО БИЗНЕСА

Приведенные в табл. 7 и 8 результаты расчетов говорят о том, что анализируемая зависимость действительно существует, влияние рассматриваемых факторов действительно является значимым для всех укрупненных групп отраслей ВТБ. Сравнительно низкие показатели качества моделей отражают то, что помимо факторов научно-исследовательской среды, на развитие ВТБ на региональном уровне оказывают влияние и другие, не учтенные в рамках данного анализа факторы. При этом гипотеза об одновременном исключении всех рассматриваемых факторов не принимается (F-статистика значима), т.е. полученные результаты обладают самостоятельной значимостью. Сильнее всего зависимость проявляется для отраслей среднего высокого технологического уровня (для них в обеих модификациях модели значение F-статистики оказалось самым высоким). Выбор модели с фиксированными эффектами для наукоемких видов деятельности говорит о значимости региональных эффектов для этой группы отраслей. Для отраслей высокого технологического уровня региональные эффекты оказались незначимыми, а для отраслей среднего высокого технологического уровня значимость региональных эффектов в явном виде проследить не удалось.

Разделение ВТБ на три группы позволило выявить различия во влиянии научно-исследовательской среды региона на относительные агрегированные результаты деятельности высокотехнологичных и наукоемких компаний. В таблице 9 приведено обобщение полученных результатов.

Полученные оценки позволяют принять первую гипотезу. НИР (в части разработок) являются значимым положительным фактором развития для отраслей высокого технологического уровня, при этом важную роль в этом процессе играет персонал, занятый исследованиями и разработками. Для таких отраслей, как фармацевтика, производство электроники, самолетостроение, связь с исследовательским сектором чрезвычайно важна, технологические особенности этих отраслей таковы, что новые продукты здесь возникают из результатов

Таблица 9

**Влияние факторов научно-исследовательской среды региона
на развитие высокотехнологичного бизнеса**

Фактор	Отрасли высокого технологичного уровня	Отрасли среднего высокого технологичного уровня	Наукоемкие отрасли
Молодые исследователи	—	Положительное*	—
Внебюджетное финансирование НИР	—	Положительное	—
Персонал, выполнявший НИР	Положительное	Отрицательное*	—
Уровень оплаты труда в НИР	—	Положительное	Отрицательное
Затраты на НИР	Положительное	—	—
В том числе:			
фундаментальные исследования	—	—	—
прикладные исследования	—	—	Положительное
разработки	Положительное	—	—

Примечания: 1) * – влияние факторов выявлено только для одной из спецификаций модели; 2) коэффициент изобретательской активности и доля городского населения не оказывают влияния ни на одну из групп отраслей ВТБ.

исследовательской деятельности. И полученные результаты говорят о том, что в российской экономике в условиях стабильности эта связь существует.

Результаты оценки, проведенной для отраслей среднего высокого технологичного уровня, наиболее противоречивы. С одной стороны, для этой группы отраслей зависимость оказалась наиболее сильной. С другой стороны, влияние факторов разнонаправленно. Основным фактором научно-исследовательской среды для этой группы отраслей

выступают исследовательские кадры. Причем доля молодых исследователей и уровень оплаты труда оказывают положительное влияние на результаты деятельности высокотехнологичных компаний, а относительная численность исследовательского персонала влияет негативно. Также следует отметить, что значимую роль здесь играют внебюджетные затраты на НИР. Это можно рассматривать как свидетельство того, что высокотехнологичные компании данной группы отраслей выступают в роли заказчиков проведения научно-исследовательских работ, результаты которых способствуют их росту. То есть в тех регионах, где выше доля внебюджетного финансирования НИР, относительные агрегированные результаты деятельности высокотехнологичных компаний оказываются выше. Согласно полученным результатам при увеличении доли исследовательского персонала показатели деятельности высокотехнологичных компаний снижаются, что можно рассматривать в качестве свидетельства конкуренции между этой группой высокотехнологичных отраслей и исследовательским сектором за квалифицированные исследовательские кадры.

Что касается наукоемких отраслей, то здесь развитие компаний базируется в первую очередь на результатах прикладных исследований, и при этом также можно говорить о конкуренции между наукоемкими компаниями и исследовательским сектором за исследовательские кадры, поскольку превышение среднего уровня оплаты труда исследователей над средним уровнем заработной платы в регионе приводит к сокращению относительных масштабов деятельности наукоемких компаний. Здесь, однако, следует иметь в виду, что персонал, выполнявший НИР, определяется статистикой как сотрудники научно-исследовательских организаций, которые относятся к 72-му коду по ОКВЭД-2, этот вид деятельности включается в перечень наукоемких отраслей. То есть фактически в случае существенного превышения уровня оплаты труда в секторе исследовательские кадры перетекают из одних наукоемких секторов в другие, при этом часть из них будут испытывать острую нехватку кадров. А возможный рост выручки в тех отраслях, куда перетекают кадры, не компенсируется ее снижением в других.

Таким образом, полученные результаты позволяют принять гипотезу о важности наличия квалифицированных исследовательских кадров для развития ВТБ, однако они показывают существование конкуренции между отраслями за квалифицированный персонал. Безусловно, конкуренция за лучших специалистов имеет место во всех сферах, но в данном случае она препятствует росту ВТБ, т.е. наблюдается нехватка квалифицированного персонала. Эта проблема воспринимается не только как препятствие для развития на уровне отдельных компаний, но носит системный характер. С этой точки зрения формального подтверждения выдвинутая вторая гипотеза не нашла.

В дальнейшем необходимо раздвигать рамки анализа и включать в рассмотрение отложенное влияние факторов. Вероятно, именно с отложенным влиянием связано отсутствие значимости фундаментальных исследований и патентной активности в отношении текущих результатов деятельности ВТБ.

* * *

Проведенный анализ показал, что российский высокотехнологичный бизнес в значительной степени неоднороден. С точки зрения генерируемой выручки это в первую очередь отрасли среднего высокого технологичного уровня и наукоемкие отрасли, размер которых в реальных показателях, несмотря на различную динамику отдельных отраслей, увеличился за 2016–2020 гг. Лидирующими отраслями являются деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования и химическая промышленность. Общий размер отраслей высокого технологичного уровня практически не изменился, что привело к тому, что в общей структуре выручки ВТБ их доля сократилась на 20%.

Отраслевые различия между секторами ВТБ проявляются и в особенностях инновационного поведения компаний. Наиболее инновационно активными являются компании, относящиеся к таким видам деятельности, как научные исследования и разработки и обрабатывающие производства высокого технологичного уровня.

Территориально высокотехнологичные и наукоемкие компании сконцентрированы в шести развитых регионах, которые также отли-

чаются высоким уровнем инновационного и научно-технологического развития. При этом дифференциация регионов по относительному масштабу развития ВТБ (оцениваемому как отношение общей выручки высокотехнологичных и наукоемких компаний региона к его ВРП) выросла в течение рассматриваемого периода практически в 2,5 раза.

Исходя из того, что среди факторов региональной среды, которые оказывают влияние на создание и развитие ВТБ, особо значимыми являются факторы научного и инновационного потенциала, в данной статье внимание было сфокусировано на уровне развития научно-исследовательской среды региона и была дана оценка его влияния на масштабы деятельности ВТБ. Была проведена проверка гипотез о том, что (1) вложения в научные исследования и разработки создают основу, на которой успешно развивается ВТБ, причем сильнее данная зависимость проявляется для отраслей высокого технологичного уровня, и что (2) более заметными темпами высокотехнологичные и наукоемкие компании развиваются на тех территориях, где трудовые ресурсы не просто имеют высокий уровень квалификации, но и обладают творческими компетенциями.

Проведенный анализ показал, что затраты на научные исследования и разработки (в части разработок) являются значимым положительным фактором развития для отраслей высокого технологичного уровня, при этом важную роль в данном процессе играет персонал, занятый исследованиями и разработками. Основным фактором научно-исследовательской среды для отраслей среднего высокого технологичного уровня выступают исследовательские кадры. Что касается наукоемких отраслей, то здесь развитие компаний базируется в первую очередь на результатах прикладных исследований и наблюдается конкуренция между наукоемкими компаниями и исследовательским сектором за исследовательские кадры.

Полученные результаты говорят о том, что в российской экономике в условиях стабильности существует значимая связь между уровнем развития научно-исследовательской среды региона и масштабами деятельности ВТБ.

Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Теория и методология исследования устойчивого развития компаний высокотехнологического и наукоемкого сектора экономики в контексте глобальных вызовов внешней среды, технологических, организационных и институциональных сдвигов», № 121040100260-3

Список источников

1. *Атлас экономической специализации регионов России* / Абашкин В.Л., Гохберг Л.М., Еферин Я.Ю. и др.; под ред. Л.М. Гохберга, Е.С. Куценко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2021. – 264 с.
2. *Дорошенко Ю.А., Старикова М.С., Сомина И.В., Малыгина И.О.* Повышение результативности высокотехнологичных компаний на основе взаимодействий с субъектами инновационной среды // *Экономика региона*. – 2019. – Т. 15, вып. 4. – С. 1279–1293.
3. *Земцов С.П., Чернов А.В.* Какие высокотехнологичные компании в России растут быстрее и почему // *Журнал Новой экономической ассоциации*. – 2019. – № 1 (41). – С. 68–99.
4. *Масленников М.И.* Технологические инновации и их влияние на экономику // *Экономика региона*. – 2017. – Т. 13, вып. 4. – С. 1221–1235.
5. *Национальный доклад «Высокотехнологичный бизнес в регионах России»*. 2020 / Под ред. С.П. Земцова. – М.: РАНХиГС; АИРР, 2020. – 100 с.
6. *Самоволева С.А.* Абсорбция технологических знаний как фактор инновационного развития // *Вопросы экономики*. – 2019. – № 11. – С. 150–158.
7. *Унтура Г.А.* Оценка влияния человеческого капитала на экономический рост российских регионов в условиях финансовых ограничений // *Пространственная экономика*. – 2019. – Т. 15, № 1. – С. 107–131.
8. *Халимова С.Р.* Оценка влияния уровня развития региональной среды на условия для возникновения высокотехнологичных компаний // *Развитие инновационной экономики: анализ, методы и модели* / Отв. ред. В.И. Суслов, науч. ред. О.В. Валиева; Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020. – Гл. 3.1. – С. 201–219.
9. *Халимова С.Р., Юсупова А.Т.* Влияние региональных условий на развитие высокотехнологичных компаний в России // *Регион: экономика и социология*. – 2019. – № 3 (103). – С. 116–142. DOI: 10.15372/REG20190305.
10. *Юсупова А.Т., Халимова С.Р.* Характеристики, особенности развития, региональные и отраслевые детерминанты высокотехнологичного бизнеса в России // *Вопросы экономики*. – 2017. – № 12. – С. 142–154.
11. *Cirera X., Martins-Neto A.S.* Do innovative firms pay higher wages? Micro-level evidence from Brazil // *Research Policy*. – 2023. – Vol. 52, Iss. 1. – 104645.

12. *Cortright J., Mayer H.* High Tech Specialization: A Comparison of High Technology Centers. The Brookings Institution. Survey Series. 2001. – URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/specialization.pdf> (дата обращения: 15.02.2019).

13. *Dorner M., Fryges H., Schopen K.* Wages in high-tech start-ups – Do academic spin-offs pay a wage premium? // *Research Policy*. – 2017. – No. 46. – P. 1–18.

14. *Haschka R.E., Herwartz H.* Innovation efficiency in European high-tech industries: Evidence from a Bayesian stochastic frontier approach // *Research Policy*. – 2020. – No. 49. – 104054.

15. *Kadochnikov S.M., Fedyunina A.A.* High-skilled interregional migration and high-growth firms in Russia // *Area Development and Policy*. – 2018. – Vol. 3, No. 2. – P. 241–257.

16. *Korber M., Paier M.* R&D networks and regional knowledge production: an agent-based simulation of the Austrian competence centres programme // *Экономика региона*. – 2014. – № 2 – С. 264–275.

17. *Probert J., Connell D., Mina A.* R&D service firms: The hidden engine of the high-tech economy? // *Research Policy*. – 2013. – No. 42. – P. 1274–1285.

Информация об авторе

Халимова Софья Раисовна (Россия, Новосибирск) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17). E-mail: sophiakh@academ.org.

DOI: 10.15372/REG20230202

Region: Economics & Sociology, 2023, No. 2 (118), p. 25–58

S.R. Khalimova

THE CRUCIAL ROLE OF RESEARCH ENVIRONMENT IN FOSTERING HIGH-TECH AND KNOWLEDGE-INTENSIVE COMPANIES IN THE REGION

The growth of high-tech businesses (HTBs) is influenced by the scientific and innovative activities of technology companies and their interaction with the external environment. This article explores the issue at the mesolevel by exa-

mining the impact of the level of research environment development in a region on the scale of HTB activities. We also bear in mind the industry-specific characteristics of HTB advancement, dividing the sector into three groups of industries: high-tech, medium, and knowledge-intensive. Adhering to the formal definition of HTBs, we consider 17 high-tech and knowledge-intensive activities. Our analysis covers the period from 2016 to 2020 and is based on aggregated data from individual companies in the SPARK-Interfax database and official Rosstat statistics.

Russian HTBs are concentrated in six developed regions (Moscow, St. Petersburg, Moscow Oblast, the Republic of Tatarstan, as well as Nizhny Novgorod and Samara oblasts). In addition, these regions are characterized by a high level of innovation and S&T. Companies that engage in activities such as research and development and high-tech manufacturing tend to exhibit a greater propensity for innovative behavior.

This study tests two hypotheses: (1) investment in R&D is a foundation for the successful development of HTBs, and this dependence is even stronger for industries operating at a high technological level; (2) high-tech and knowledge-intensive companies are growing noticeably faster in areas where the labor force has both high skill levels and creative competences. Using regression analysis of panel data, we confirm the first hypothesis. Although there is no formal confirmation for the second one, the analysis highlights the importance of HTB staffing, as companies face an acute shortage of qualified personnel. Overall, our findings suggest a significant relationship between the state of the region's research environment and the scale of HTB activities in the Russian economy in a stable environment.

Keywords: high-tech business; knowledge-intensive companies; scientific environment; research and development sector; regional environment factors

For citation: *Khalimova, S.R. (2023). Znachenie nauchno-issledovatel'skoy sredy regiona dlya razvitiya vysokotekhnologichnykh i naukoemkikh kompaniy [The crucial role of research environment in fostering high-tech and knowledge-intensive companies in the region]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (118), 25–58. DOI: 10.15372/REG20230202.*

This research was carried out with the plan of research work of IEIE SB RAS, project “Theory and methodology of research into sustainable development in the economic sector of high-tech and science-based companies in the context of global external challenges, technological, organizational, and institutional shifts”, No. 121040100260-3

References

1. Abashkin, V.L., L.M. Gokhberg, Ya.Yu. Eferin et al.; L.M. Gokhberg & E.S. Kutsenko (Eds.). (2021). Atlas ekonomicheskoy spetsializatsii regionov Rossii [Atlas of Economic Specialization of Russian Regions]. Moscow, NRU HSE Publ., 264.
2. Doroshenko, Yu.A., M.S. Starikova, I.V. Somina & I.O. Malykhina. (2019). Povyshenie rezul'tativnosti vysokotekhnologichnykh kompaniy na osnove vzaimodeystviy s subyektami innovatsionnoy sredy [Increasing the efficiency of high-tech companies based on interactions with the entities of the innovative environment]. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*, Vol. 15, No. 4, 1279–1293.
3. Zemtsov, S.P. & A.V. Chernov. (2019). Kakie vysokotekhnologichnye kompanii v Rossii rastut bystree i pochemu [What high-tech companies in Russia grow faster and why?]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*, 1 (41), 68–99.
4. Maslennikov, M.I. (2017). Tekhnologicheskie innovatsii i ikh vliyanie na ekonomiku [The technological innovations and their impact on the economy]. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*, Vol. 13, No. 4, 1221–1235.
5. Zemtsov, S.P. (Ed.). (2020). Natsionalnyy doklad «Vysokotekhnologichnyy biznes v regionakh Rossii» [National Report “High-Tech Business in the Russian Regions”]. Moscow, RANEPA Publ. & AIRR, 100.
6. Samovoleva, S.A. (2019). Absorbtsiya tekhnologicheskikh znaniy kak faktor innovatsionnogo razvitiya [Technological knowledge absorption as a factor of innovation development]. *Voprosy ekonomiki [Problems of Economics]*, 11, 150–158.
7. Untura, G.A. (2019). Otsenka vliyaniya chelovecheskogo kapitala na ekonomicheskiy rost rossiyskikh regionov v usloviyakh finansovykh ogranicheniy [Estimation of human capital influence on economic growth in Russian regions under conditions of financial shortage]. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, Vol. 15, No. 1, 107–131.
8. Khalimova, S.R. (2020). Otsenka vliyaniya urovnya razvitiya regionalnoy sredy na usloviya dlya vozniknoveniya vysokotekhnologichnykh kompaniy [Assessing the impact of regional environment development level on the conditions for high-tech companies to emerge]. In: V.I. Suslov & O.V. Valieva (Eds.). *Razvitie innovatsionnoy ekonomiki: analiz, metody i modeli [Development of Innovative Economy: Analysis, Methods, and Models]*. Novosibirsk, IEIE SB RAS Publ. Chapter 3.1, 201–219.
9. Khalimova, S.R. & A.T. Yusupova. (2019). Vliyanie regionalnykh usloviy na razvitie vysokotekhnologichnykh kompaniy v Rossii [The effect of regional conditions

on the development of high-tech companies in Russia]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 3 (103), 116–142. DOI: 10.15372/REG20190305.

10. *Yusupova, A.T. & S.R. Khalimova.* (2017). *Kharakteristiki, osobennosti razvitiya, regionalnye i otraslevye determinanty vysokotekhnologichnogo biznesa v Ros-sii* [Characteristics, features of development, regional and sectoral determinants of high-tech business in Russia]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 12, 142–154.

11. *Cirera, X. & A.S. Martins-Neto.* (2023). Do innovative firms pay higher wages? Micro-level evidence from Brazil. *Research Policy*, Vol. 52, Iss. 1, January, 104645.

12. *Cortright, J. & H. Mayer.* (2001). *High Tech Specialization: A Comparison of High Technology Centers.* The Brookings Institution. Survey Series. Available at: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/specialization.pdf> (date of access: 15.02.2019).

13. *Dorner, M., H. Fryges & K. Schopen.* (2017). Wages in high-tech start-ups – Do academic spin-offs pay a wage premium? *Research Policy*, 46, 1–18.

14. *Haschka, R.E. & H. Herwartz.* (2020). Innovation efficiency in European high-tech industries: Evidence from a Bayesian stochastic frontier approach. *Research Policy*, 49, 104054.

15. *Kadochnikov, S.M. & A.A. Fedyunina.* (2018). High-skilled interregional migration and high-growth firms in Russia. *Area Development and Policy*, Vol. 3, No. 2, 241–257.

16. *Korber, M. & M. Paier.* (2014). R&D networks and regional knowledge production: an agent-based simulation of the Austrian competence centres programme. *Ekonomika regiona* [Economy of Regions], 2, 264–275.

17. *Probert, J., D. Connell & A. Mina.* (2013). R&D service firms: The hidden engine of the high-tech economy? *Research Policy*, 42, 1274–1285.

About Author

Khalimova, Sophia Raisovna (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: sophiakh@academ.org.

Поступила в редколлегию 12.01.2023.

После доработки 06.02.2023.

Принята к публикации 08.02.2023.

**Г.М. Гриценко, А.А. Быков, В.В. Алещенко,
О.А. Алещенко, Р.И. Чупин**

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОБОСНОВАНИЮ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ ЭКСПОРТА ЗЕРНА СИБИРИ

Статья посвящена вопросам формирования инфраструктуры экспорта зерна, выращенного в регионах Сибирского федерального округа. Задачи исследования: дать оценку места Сибири в производстве и экспорте зерна России, показать место основных регионов-экспортеров в экспорте зерна округа, определить эффективность производства зерна в них; систематизировать элементы инфраструктуры экспорта зерна и дать оценку наиболее значимых ее элементов в СФО; показать перспективы экспорта зерна округа и, исходя из этого, обосновать методические подходы к развитию инфраструктуры экспорта.

В работе рассмотрены страны – потребители пшеницы, овса и ячменя, произведенных в регионах СФО, до 2022 г. Показаны проблемы экспорта для самого южного региона Сибири, основного поставщика зерна – Алтайского края, проблемы, связанные с использованием морских портов и международного автотранспорта, проблемы использования зернохранилищ в регионах-экспортерах, проблемы участия малого бизнеса в экспортных операциях. Аргументирована необходимость плано-прогнозной основы развития рынка зерна округа и его инфраструктуры, показана роль IT-технологий в реализации этого подхода. Проведен анализ наличия в регионах округа элементов информационно-технологической инфраструктуры. Дана характеристика имеющихся в округе коммерческих объединений экспортеров зерна и намечены задачи дальнейшей деятельности межрегиональной ассоциации. Раскрыты наиболее сильные стороны (элементы) инфраструктуры экспорта зерна сибирских регионов, позволяющие развивать общую инфраструктуру.

Определены наиболее перспективные страны – потребители сибирского зерна. Предложены организационная структура информационной экосистемы инфраструктурного обеспечения экспорта зерна округа и основные подходы к формированию единой логистической системы.

Работа основана на данных за 2017–2021 гг. и частично за 2022 г., взятых из системы государственной статистики, из отчетов региональных министерств сельского хозяйства и продовольствия и из открытых источников.

Ключевые слова: экспорт зерна; товаропроводящая сеть; инфраструктура; зернохранилища; информационная экосистема; единая логистическая система; планово-прогнозный подход

Для цитирования: Гриценко Г.М., Быков А.А., Алещенко В.В., Алещенко О.А., Чупин Р.И. Методические подходы к обоснованию направлений развития инфраструктуры экспорта зерна Сибири // Регион: экономика и социология. – 2023. – № 2 (118). – С. 59–87. DOI: 10.15372/REG20230203.

ВВЕДЕНИЕ

Зерно занимает все большее место в объемах экспорта страны, а значит, и в доходной части бюджета государства. При этом затраты на экспортную деятельность часто превосходят затраты на производство самого зерна, что связано с неразвитостью инфраструктуры и товародвижения, и продвижения товара на внешних рынках. Долгое время эти затраты полностью ложились на плечи самих экспортеров. Сегодня часть из них взяло на себя государство, но в условиях разрушенных внешних логистических цепочек нехватка элементов инфраструктуры, как внутренних, так и внешних, выходит на передний план.

Актуальность темы исследования определяется основополагающей ролью зернового производства в агропродовольственном комплексе Сибирского федерального округа. Эта отрасль устанавливает целевые ориентиры в смежных отраслях и подотраслях народного хозяйства: животноводстве, переработке, машиностроении, строительстве объектов инфраструктуры, транспорте и логистике и др.

Современная ситуация с перепроизводством зерна в России требует увеличения экспорта зерна и продукции его переработки, однако сегодня физические возможности экспорта из зернопроизводящих регионов Сибири ограничены состоянием инфраструктуры и транспортно-логистического обеспечения.

Специфика географического положения Сибири (из Сибири одинаково далеко до всех портов, а экспорт российского зерна на девять десятых осуществляется морским транспортом) проявляется в том, что инфраструктура, транспорт и логистика выступают фактором, определяющим конкурентоспособность сибирского зерна. Именно от этого фактора зависит развитие зернового производства и переработки в Сибирском федеральном округе, его место в общероссийской специализации.

Цель работы – предложить методические подходы к обоснованию направлений формирования инфраструктуры зернового рынка Сибири, задачи – проанализировать действующие элементы и направления и обосновать формы и методы их совершенствования.

ПРОИЗВОДСТВО И ЭКСПОРТ ЗЕРНОВЫХ В СИБИРИ

Сибирский федеральный округ среди прочих округов Российской Федерации занимает пятое место по объемам всего экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (рис. 1) и шестое место – по экспорту зерна. Внутри округа основными поставщиками зерна на внутренний и внешний рынки являются Алтайский край (занимает в том числе первое место в стране по производству муки и круп), Новосибирская область, Омская область, Красноярский край и Кемеровская область (табл. 1).

Алтайский край как основной производитель зерна в первую очередь наращивает объемы его экспорта. Доля края в общем объеме экспорта округа в 2020 г. составила 42,8% (рис. 2). При этом наибольший доход от экспорта зерна получают Омская и Новосибирская области. И это вызывает необходимость выявления причин данной ситуации. Для этого следует рассмотреть три составляющие: затраты

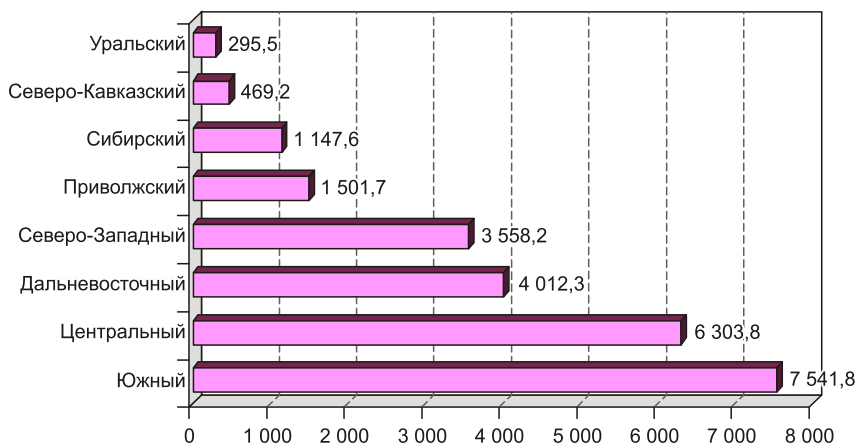

Рис. 1. Экспорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (группы 1–24) из федеральных округов Российской Федерации в 2019 г., млн долл. США

Источник: составлено авторами по: Регионы России: Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – С. 1218–1219

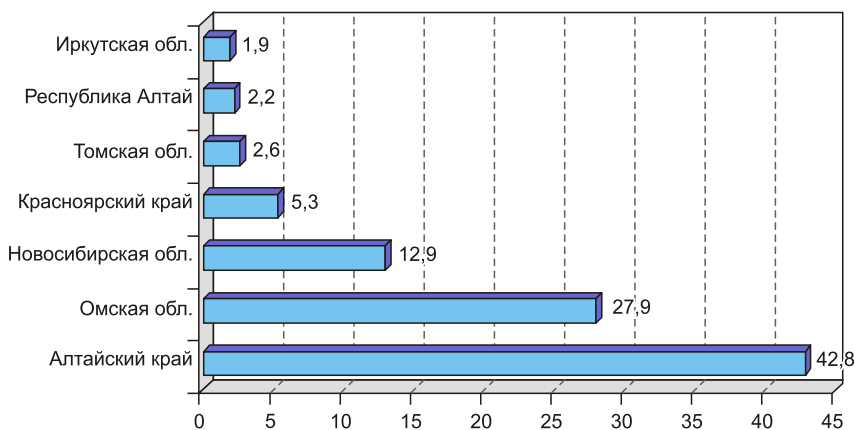

Рис. 2. Доля в экспорте пшеницы основных регионов-экспортеров Сибирского федерального округа в 2020 г., %

Источник: составлено авторами по: Российский статистический ежегодник. 2021: Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – С. 386–388

Таблица 1

Валовый сбор зерна во всех категориях хозяйств Сибирского федерального округа и его регионов, тыс. т

Субъект РФ	2017	2018	2019	2020
Сибирский федеральный округ	15 622,3	14 908,2	14 661,9	14 931,7
Республика Алтай	7,1	4,0	8,6	10,8
Республика Тыва	5,4	14,7	26,4	19,5
Республика Хакасия	108,9	99,5	141,4	161,2
Алтайский край	4 975,5	5 010,7	4 591,7	3 951,1
Красноярский край	1 922,9	1 890,0	2 182,3	2 668,3
Иркутская обл.	869,9	867,7	779,2	865,1
Кемеровская обл.	1 077,1	996,4	1 107,8	1 288,8
Новосибирская обл.	2 824,6	2 494,7	2 431,5	2 518,1
Омская обл.	3 468,1	3 195,3	3 051,7	3 034,2
Томская обл.	362,8	335,2	341,3	414,6

Источник: составлено авторами по: *Агропромышленный комплекс России в 2020 году* / Мин-во сельск. хозяйства РФ. – М., 2021. – С. 124, 154, 184.

на производство зерна, на организацию его хранения и на товародвижение.

В процессе производства наибольшие затраты несут производители зерна Алтайского края (табл. 2). Себестоимость производства 1 ц зерна незначительно различается в Алтайском и Красноярском краях, хотя статьи лидирующих затрат разные. Наиболее высокая рентабельность – в Кемеровской области, поставляющей на экспорт наименьший объем зерновых, что связано с организацией государственной поддержки в регионе и доступностью энергоресурсов.

Юридические лица и материальные объекты, обеспечивающие организацию хранения и товародвижение зерна, проведение коммерческих сделок в процессе экспортных операций, инженерное обеспечение, информационное и иные виды обслуживания, предлагается

Таблица 2

Общая сумма затрат на производство и реализацию зерновых культур в регионах Сибирского федерального округа – основных производителей зерна в 2019 г.

Субъект СФО	Общая сумма затрат, тыс. руб.	Себестоимость, руб./ц	Цена реализации, руб./ц	Уровень рентабельности, %
Алтайский край	26 993 236	701,5	922,9	4,4
Красноярский край	13 397 427	702,8	865,7	3,6
Кемеровская обл.	5 171 520	683,0	775,7	7,8
Новосибирская обл.	14 658 877	522,0	619,7	3,8
Омская обл.	12 888 684	697,5	853,3	5,3

Источник: составлено авторами по сводным годовым отчетам по регионам СФО (Форма 9 АПК).

называть *инфраструктурой экспорта*. Для зернового рынка она включает в себя от 15 до 20 видов объектов и организационных структур (рис. 3). Их недостаточные развитие и взаимодействие значительно повышают расходы на проведение экспортных операций, приводят к нарушению межотраслевых и внутриотраслевых пропорций, увеличению времени товарооборота и нерациональному использованию зерна¹. Это вызывает необходимость рассмотреть наиболее значимые из элементов указанной системы.

ЛОГИСТИКА В ЭКСПОРТЕ ЗЕРНОВЫХ ИЗ СИБИРИ

Основное значение для экспортных операций имеет транспортная доступность, а значит, важную роль играют возможности логистики и транспортных коридоров, которые, в свою очередь, зависят прежде всего от расположения потребителей. До февраля 2022 г. Сибирь торговала зерновыми культурами с 30 странами. Семь из них – евро-

¹ См.: Гриценко Г.М. О прогнозировании развития инфраструктуры АПК и сельских территорий // Общество и экономика. – 2020. – № 6. – С. 64.

Методические подходы к обоснованию направлений развития инфраструктуры
экспорта зерна Сибири

Рис. 3. Наиболее значимые элементы инфраструктуры экспорта зерна

Примечания: ХПП – хлебоприемные предприятия; МАСС – Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение»

Источник: составлено авторами с учетом [1; 2; 4; 5]

пейские, в том числе три – приграничные, которым можно было поставлять зерно и зернопродукцию и автотранспортом, и железной дорогой. В целый ряд стран зерно отгружалось через южные порты страны (табл. 3).

До 2022 г. экспорт зерна из Сибирского федерального округа до пункта назначения осуществлялся преимущественно железнодорожным (Красноярский край – 87,2% от общего объема экспорта) и морским (Новосибирская область – 73,8%, Омская область – 89,7%) транспортом. И только Алтайский край, с одной стороны, имея общую границу с Монголией и Казахстаном, с другой – находясь на 250 км

Таблица 3

Страны – потребители зерна из регионов Сибирского федерального округа до 2022 г.

Страна	Зерновая культура	Регион-поставщик
Азербайджан	Пшеница	Алтайский край
	Ячмень	Новосибирская обл.
Армения	Пшеница	Алтайский край
Афганистан	Ячмень	Алтайский край
Белоруссия	Пшеница	Алтайский край
	Рожь	Алтайский край
	Ячмень	Алтайский край, Новосибирская обл., Омская обл., Томская обл.
	Овес	Алтайский край
Вьетнам	Ячмень	Новосибирская обл.
Германия	Пшеница	Алтайский край
Грузия	Пшеница	Алтайский край
Египет	Пшеница	Новосибирская обл.
	Ячмень	Томская обл.
Израиль	Пшеница	Алтайский край
	Ячмень	Омская обл.
Ирак	Ячмень	Республика Алтай, Омская обл.
Иран	Пшеница	Новосибирская обл.
	Ячмень	Республика Алтай, Новосибирская обл., Омская обл.
	Овес	Новосибирская обл.
Казахстан	Пшеница	Алтайский край, Новосибирская обл., Омская обл.
	Рожь	Алтайский край
	Ячмень	Омская обл., Новосибирская обл.
	Овес	Алтайский край, Новосибирская обл., Омская обл., Кемеровская обл.

Продолжение табл. 3

Страна	Зерновая культура	Регион-поставщик
Катар	Овес	Алтайский край
Киргизия	Пшеница	Алтайский край
	Рожь	Алтайский край
	Овес	Алтайский край
Китай	Пшеница	Алтайский край, Новосибирская обл.
	Овес	Новосибирская обл., Кемеровская обл., Красноярский край
Латвия	Пшеница	Кемеровская обл.
	Ячмень	Новосибирская обл., Омская обл., Красноярский край, Томская обл.
	Овес	Республика Алтай, Омская обл., Кемеровская обл.
	Рожь	Алтайский край, Новосибирская обл.
Ливан	Ячмень	Омская обл.
Литва	Пшеница	Алтайский край
	Овес	Кемеровская обл., Красноярский край
Молдавия	Пшеница	Алтайский край
Монголия	Пшеница	Алтайский край, Новосибирская обл.
	Ячмень	Иркутская обл., Красноярский край
	Рожь	Алтайский край, Новосибирская обл.
	Овес	Алтайский край, Иркутская обл., Новосибирская обл., Красноярский край, Республика Тыва
Нидерланды	Ячмень	Томская обл.
Норвегия	Ячмень	Красноярский край
	Овес	Омская обл.
ОАЭ	Пшеница	Алтайский край
	Ячмень	Омская обл.

Окончание табл. 3

Страна	Зерновая культура	Регион-поставщик
Саудовская Аравия	Ячмень	Омская обл.
Таджикистан	Пшеница	Алтайский край
Туркмения	Пшеница	Алтайский край
Турция	Пшеница	Алтайский край
	Ячмень	Омская обл.
Узбекистан	Пшеница	Алтайский край
Финляндия	Овес	Алтайский край
Чехия	Пшеница	Алтайский край
Япония	Пшеница	Омская обл.

Источник: составлено авторами на основе открытых данных.

южнее Западно-Сибирской железной дороги и транссибирской автомагистрали, 38% зерна вывез в пограничные страны автомобильным транспортом, 40% – через морские порты и 22% – железной дорогой. В целом, кроме Омской области, основные регионы-экспортеры наращивали перевозки зерна по железной дороге, что связано в первую очередь с государственным субсидированием затрат на них. Но нерешенным остается целый ряд вопросов, связанных с транспортировкой зерна по железной дороге:

- действующий в рамках ЕАЭС протекционизм для казахстанских экспортеров зерна в отношении тарифов на железнодорожные перевозки (51 руб./км для казахстанского зерна и 192 руб./км – для российского);
- отсутствие мер государственного протекционизма для отечественных экспортеров зерна;
- недостаток специализированных вагонов-зерновозов;
- при транспортировке продовольствия, особенно малых его партий, необходимость поиска попутной тяги, что приводит к простоям из-за перегруза железнодорожной сети. Это требует прогнозного подхода к формированию партий продовольствия на

уровне региона или нескольких регионов на основе внедрения ИТ-технологий.

Все это повышает тарифы на перевозку и, как следствие, затраты на экспорт сибирского зерна как территориально удаленного товара, снижая его конкурентоспособность на внешних рынках. Переориентация на восточные порты повысит в Сибири роль автоперевозок, так как железная дорога уже перегружена. И если федеральные трассы сегодня активно строятся и ремонтируются, то наличие и состояние региональных и межмуниципальных дорог, значимых для перевозок зерна, существенно различаются по регионам. Их строительство и реконструкция особенно актуальны для Алтайского края из-за удаленности самого крупного восточного экспортно-ориентированного региона от ведущих транспортных магистралей, что важно для зернотрейдеров.

Требуют решения и проблемы использования автотранспорта, так как международные автомобильные перевозки грузов очень заорганизованы и бюрократичны, для их осуществления требуется большой пакет унифицированных документов. Книжка МДП (Международные Дорожные Перевозки), обязательная в других странах, в России не действует, поэтому при провозе через таможенную дорогостоящих грузов автоперевозчик оплачивает таможенную пошлину в размере 20% от стоимости товара и сбор за таможенное оформление.

Кроме того, проблемы, связанные с сухопутным транспортом, следует рассматривать вместе с проблемами, касающимися морского транспорта, который является важным звеном в логистической цепочке при экспорте зерна и зерновой продукции из Сибири. Основываясь на экспертном мнении, мы сформулировали следующие проблемы, связанные с использованием морских портов при экспорте сибирского зерна:

- 1) недостаточные мощности инфраструктуры перевалки и хранения зерна в восточных портах России;
- 2) низкий уровень развития припортовой инфраструктуры, пригодной для транспортировки зерновой продукции высокого качества, и недостаток соответствующих контейнеров;
- 3) удаленность основных сибирских экспортёров продовольствия от портов;

Рис. 4. Сложности, возникающие у автоперевозчиков в связи с пересечением государственной границы при экспорте зерна

Источник: составлено авторами на основе открытых данных

4) рост стоимости фрахта и неопределенности с его ценообразованием у логистических компаний;

5) отсутствие гарантии у частных инвесторов на стабильную загрузку перевалочных мощностей, которые могли бы быть модернизированы;

6) связанные с коронавирусом риски и ограничения (в основном у Китая), которые могут привести к срыву сроков поставок и росту стоимости хранения грузов и фрахта в целом.

Неотъемлемым звеном экспортных операций является пересечение границы, что особенно актуально для автотранспортных перевозок. На этом этапе возникает много сложностей (рис. 4).

Кроме того, отмечен низкий уровень организации страхования внешнеторговых сделок [6].

ИНФРАСТРУКТУРА ХРАНЕНИЯ ЗЕРНА

Важнейшим элементом инфраструктуры экспорта зерна являются зернохранилища. Если ставить задачу увеличения поставок зерна и зернопродуктов в страны Восточной и Юго-Восточной Азии, то неизбежно возникает необходимость обеспечения их сохранности для дальнейшей своевременной транспортировки. Договор между ГК «Новый сухопутный зерновой коридор» (НСЗК) и китайской ГК China

Chengtong International Investment, заключенный на Петербургском международном экономическом форуме, предполагает инвестиции в размере 50 млрд руб. в строительство новых элеваторов, в том числе в Алтайском крае [3]. Однако такая постановка задачи вызывает вопросы, поскольку зернопроизводящие регионы Сибири полностью обеспечены мощностями для хранения зерна, которые в 2020 г., например, использовались в среднем на 60% (табл. 4).

При этом глубинные хлебоприемные пункты расположены вблизи мест товарного производства зерна, но размещены они по регионам и районам субъектов Сибирского федерального округа неравномерно и не имеют выхода к железнодорожным путям. В структуре зернохранилищ значителен удельный вес крупных элеваторов, размещенных вблизи железных дорог, которые используются три-четыре месяца в году, а в неурожайные годы простаивают.

Главной причиной того, что доля используемых элеваторных мощностей низкая, являются высокие тарифы на хранение зерна,

Таблица 4

Использование зернохранилищ в регионах Сибирского федерального округа – основных поставщиках зерна в 2020 г.

Субъект РФ	Валовой сбор зерновых и зернобобовых культур в хозяйствах всех категорий, тыс. т*	Кол-во элеваторов на 01.01.2021	Вместимость хранилищ, тыс. т**	Доля используемых мощностей, %
Республика Алтай	10,8	1	21,7	49,8
Алтайский край	3 951,1	18	8 800,0	44,9
Красноярский край	2 668,3	16	3 432,2	77,7
Кемеровская обл.	865,1	7	1 525,1	56,7
Новосибирская обл.	2 518,1	26	3 840,9	65,6
Омская обл.	3 034,2	14	4 600,0	66,6

Источники: * – составлено авторами по: *Агропромышленный комплекс России в 2020 году* / Мин-во сельск. хозяйства РФ. – М., 2021. – С. 124, 154, 184; ** – составлено авторами по данным министерств сельского хозяйства субъектов СФО.

зависящие от объемов взятого на хранение, от фондооснащенности, наполняемости мощностей и тарифов на услуги естественных монополий. В сельхозпредприятиях ежегодно остается зерна в 3–4 раза больше, чем поступает в хлебоприемные пункты, а производственных мощностей по хранению зерна, если учесть, что половина их не отвечает современным требованиям, явно недостаточно. Такая ситуация ведет к повышению стоимости зерна, снижению его качества, увеличению потерь, нерациональному использованию материальных, трудовых и финансовых ресурсов.

Вопрос в данном случае требует комплексного решения. Необходимо

- изменение тарифной политики действующих элеваторов;
- обеспечение производителей зерна современным оборудованием для мобильных хранилищ;
- развитие в зернопроизводящих регионах сети качественных автомобильных дорог;
- подведение к глубинным элеваторам железнодорожных путей.

Соответствующие затраты будут более оправданны, хотя потребуют больших усилий со стороны и самих производителей зерна, и территориальных органов управления по планированию и обоснованию проектов.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО РАЗВИТИЮ ИНФРАСТРУКТУРЫ ЭКСПОРТА ЗЕРНА

Отдельно следует остановиться на возможности участия в экспортных операциях разных категорий бизнеса и, соответственно, использования ими инфраструктуры экспорта. Современная инфраструктура подстроена исключительно под интересы крупных зернотрейдеров. Малый бизнес может только продавать им свою продукцию и от повышения экспортных цен ничего уже не иметь. В то же время опыт зарубежных стран показывает, что участие мелких фермеров в экспорте – обычная практика, эту задачу призваны решать сельскохозяйственные потребительские сбытовые кооперативы [5].

Но для создания в России такой системы на уровне региона требуются новые цифровые решения, гарантирующие открытость информации, которая обеспечит взаимосвязь всех элементов системы. Сегодня инфраструктура закупа для малых форм ведения бизнеса, как зернопроизводящего, так и зерноперерабатывающего, отсутствует. Наши исследования показали, что основную долю зерна его производители реализуют зернопереработчикам и организациям оптовой торговли. Сельскохозяйственная потребительская кооперация в этот процесс не включена.

Турбулентность мировых товарных рынков и связанная с ней вынужденная для отечественных экспортеров трансформация логистических цепочек, в том числе и на мировых рынках зерна, актуализируют необходимость тщательно организованного планирования развития рынка зерна в отдельно взятом макрорегионе, особенно в таком специфическом с точки зрения географического положения, как Сибирь. Информационной основой для планирования и регулирования зернового рынка должны стать региональные зерновые балансы, позволяющие видеть территориальное размещение запасов зерна и потенциальные возможности их пополнения, прослеживать отраслевые и межотраслевые потоки зерна, регулировать зерновые потоки между зернопроизводящими (вывозящими) и зернопотребляющими (ввозящими) регионами страны. Все это – на базе достоверной, своевременной и доступной для всех пользователей информации и организационно-технического обеспечения ее распространения, построенного на системной основе. Формирование рынка зерна должно начинаться с информатизации производственных процессов в сельском хозяйстве, которая гарантирует плановое ведение зернового бизнеса. Полученная от производителей зерна информация должна быть доступной региональным органам управления, отраслевым коммерческим и общественным объединениям, зернотрейдерам, транспортно-логистическим компаниям и маркетологам. Одним из инструментов объединения ее в общую систему должна стать ФГИС «Зерно», направленная на прослеживание зерновых потоков.

При этом все уровни и звенья данной системы должны иметь развитую информационно-технологическую инфраструктуру, вклю-

чающую целый спектр элементов, обеспечивающих техническую оснащенность сбора, обработки и прохождения информации. Проведенный нами анализ состояния современных средств коммуникации² в регионах Сибирского федерального округа выявил следующее:

1) по числу персональных компьютеров лидируют Республика Алтай, Алтайский и Красноярский края, по числу персональных компьютеров в расчете на 100 чел. с доступом к сети Интернет – Томская, Новосибирская области и Республика Алтай;

2) сеть Интернет получила распространение в Республике Алтай, Алтайском и Красноярском краях, а широкополосный доступ к ней имеют Омская область, Республика Тыва и Красноярский край;

3) по количеству серверов и локальных вычислительных сетей лидируют Кемеровская, Томская области и Республика Тыва, облачных сервисов – Иркутская, Новосибирская и Томская области;

4) веб-сайтов больше всего создано в организациях Томской и Новосибирской областей и Республики Тывы, а организации, использующие специализированные программы, сосредоточены в Республике Тыве, Алтайском крае и Кемеровской области;

5) к региональной системе документооборота больше всего организаций подключено в Республике Алтай, Алтайском крае и Новосибирской области;

6) электронный обмен данными между своими и внешними информационными системами чаще всего используют организации Иркутской области, Алтайского края и Республики Тывы;

7) наиболее высокая доля домашних хозяйств, оснащенных персональными компьютерами, зафиксирована в Иркутской области, Алтайском крае и Республике Алтай, имеющих доступ в сеть Интернет – в Красноярском крае, Новосибирской области и Алтайском крае, а широкополосный доступ – в Республике Тыве, Республике Алтай и Новосибирской области, число наиболее активных абонентов мобильного широкополосного доступа в сеть Интернет выше в Иркутской, Новосибирской областях и Республике Хакасии;

² См.: *Регионы России: Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб.* / Росстат. – М., 2020. – С. 982–1008; *Российский статистический ежегодник. 2021: Стат. сб.* / Росстат. – М., 2021. – С. 469–480.

8) регионами – лидерами по программному и коммуникационному оснащению организаций и доступу организаций и населения к сети Интернет являются Республика Тыва, Новосибирская область и Алтайский край.

То есть элементы информационно-технологической инфраструктуры в регионах Сибирского федерального округа имеются, но единую систему, обеспечивающую повышение эффективности экспортных операций с зерном, они не образуют.

Важнейшим инфраструктурным элементом является организационная инфраструктура, в том числе инфраструктура самоорганизации бизнеса, т.е. объединения, создаваемые самими предпринимателями, как коммерческие – для совместной реализации продукции, так и общественные – для координации действий, согласования актуальных вопросов с отраслевыми и территориальными органами управления и участия в выборных органах управления.

Коммерческие объединения зернопроизводителей и зернопереработчиков создаются с целью консолидации крупных партий продукции для поставки на внешние рынки. Они есть практически в каждом регионе округа. Наибольшее число их сосредоточено в Алтайском крае. Это Сибирский экспортный союз «SEUS» и Союз крестьянских (фермерских) хозяйств Алтайского края, в том числе экспортные операции здесь консолидируются вокруг нескольких основных операторов: ОАО «Пава», АО «Грана», ОАО «Ключевской элеватор», ЗАО «Алейскзернопродукт» им. С.Н. Старовойтова.

Сложность для поставщиков из Сибири проблем, связанных с экспортом зерна и продуктов его переработки, привела к необходимости создания в 2019 г. Межрегиональной ассоциации «Сибирский зерновой консорциум», в которую вошло 10 организаций, представляющих семь регионов округа, трейдинговая компания, имеющая многолетний опыт работы с Китаем и осуществляющая поставки в эту страну зерновых и масличных культур, и транспортная компания, занимающаяся контейнерными грузоперевозками зерновых культур и растительных масел и на экспорт, и по России. Цель консорциума – увеличение объемов экспорта, влияние на ценовую политику в данном сегменте рынка и развитие инфраструктуры экспортных операций.

Таблица 5

**Сильные стороны инфраструктуры экспорта сибирских регионов –
основных экспортеров зерна и продуктов его переработки**

Регион	Основные элементы
Алтайский край	Основной поставщик зерновых и зернобобовых на рынки Сибири и других регионов страны. Значительнее, чем в других регионах, развита зернопереработка. Регион имеет развитую сеть оптовых посредников (средних и малых), логистических услуг, развитую систему информационно-коммуникационных технологий. Есть прямой выход на сопредельные территории (Казахстан – пять пограничных переходов)
Красноярский край	Наиболее высокий среди регионов Сибири уровень обеспеченности сельского хозяйства электроэнергией, углем, ГСМ, наиболее развитая сеть дорог с твердым покрытием, одна из наиболее развитых сетей информационно-коммуникационных технологий. При средних показателях оптовой торговли регион занимает первое место по экспорту зерна, имеет высокую долю перевозок грузов автомобильным транспортом. Есть речные порты, способные принимать большегрузные суда, с выходом на Северный морской путь
Кемеровская обл.	Высокий уровень обеспеченности сельского хозяйства тепловой энергией и ГСМ, развитая сеть дорог с твердым покрытием, высокая доля перевозок грузов автомобильным транспортом
Новосибирская обл.	Регион имеет широкую сеть современных логистических центров, наибольшее число предприятий транспортировки и хранения и наибольший их оборот, самый высокий в Сибири грузооборот автомобильного транспорта, высокий уровень развития информационно-коммуникационных технологий. Есть речные порты, способные принимать большегрузные суда, имеющие через Томскую область и ХМАО выход на Северный морской путь. Есть прямой выход на сопредельные территории (Казахстан – два пограничных перехода)
Омская обл.	Достаточно высокий уровень развития оптовой торговли и предприятий транспортировки и хранения, их высокий сальдированный финансовый результат, высокий уровень широкополосного доступа организаций к сети Интернет и использования системы электронного документооборота. Есть речные порты, способные принимать большегрузные суда и имеющие выход по р. Иртыш до Обской губы (порт Сабетта) на Северный морской путь. Имеется прямой выход на сопредельные территории (Казахстан – шесть пограничных переходов)

Источник: составлено авторами на основе открытых данных.

Из-за удаленности Сибири от центра принятия стратегических решений по развитию экспорта зерна и зернопродукции в восточном направлении влияние консорциума на решения по развитию инфраструктуры пока достаточно ограничено, что требует более активной работы с окружными и федеральными органами управления.

Каждый из регионов – экспортеров зерна, входящих в Сибирский федеральный округ, имеет свои сильные и слабые стороны с точки зрения организации инфраструктуры экспортных операций. Отметим прежде всего достоинства, позволяющие развивать общую систему (табл. 5).

Организация экспорта зерна требует диверсификации. Поэтому, во-первых, необходимо исследовать потенциальные рынки сбыта. Исходя из общей переориентации внешнеторговой деятельности страны на Восток, опыта ранее сложившейся торговли с восточными и африканскими странами и потребности населения этих стран в зерновых культурах, предлагаем направления экспорта по пяти ведущим зерновым культурам: пшенице, ржи, ячменю, овсу и гречихе (табл. 6). В упомянутых странах нужно исследовать спрос на зернопродукцию и продукты переработки на основе зерна, адаптированные к местным

Таблица 6

**Наиболее перспективные страны – потребители зерновых культур,
поставляемых из Сибири**

Продукция	Перспективные страны-получатели
Пшеница и меслин	Вьетнам, Египет, Йемен, Киргизия, Ливан, Ливия, Нигерия, Саудовская Аравия, Судан, Тунис
Рожь	Израиль, Киргизия
Ячмень	Армения, Египет, Иордания, Узбекистан
Овес	Грузия, Индия, Северная Корея, Таджикистан, Южная Корея
Гречиха	Вьетнам, Узбекистан, Южная Корея

Источник: составлено авторами по: *Регионы России: Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – С. 1214–1217; на основе открытых данных.*

традициям потребления. Это актуализирует необходимость развития маркетинговых функций, реализовать которые не сможет отдельно взятая компания и даже ассоциация. Для этого требуется тесное взаимодействие с Российским экспортным центром, посольствами данных стран, торговыми представителями России в этих странах, если таковые имеются.

Во-вторых, ориентация преимущественно на одного потребителя – краткосрочная стратегия или скорее оперативная задача. В перспективе это может создать такую же ситуацию, как и с европейскими рынками. Сегодня восточное направление (т.е. отправка грузов преимущественно через порты Дальнего Востока) и так перегружено, а в самих портах не хватает зерновых терминалов. Поэтому для сибирского зерна следует создавать альтернативные логистические маршруты, основанные на использовании возможностей сибирских рек, Северного широтного хода и Северного морского пути.

Развивать общую для Сибирского федерального округа инфраструктуру экспорта зерна нужно на системной основе, обеспечив тесное взаимодействие всех ее элементов и задействуя для этого ресурсы всех входящих в округ регионов³. Решить эту задачу можно только посредством применения современных цифровых технологий. Для этого предлагается на базе Ассоциации «Сибирский зерновой консорциум» создать информационную экосистему инфраструктурного обеспечения экспорта зерна и продуктов его переработки. Данная система должна включать четыре программно-аппаратные платформы: коммерческую (обеспечение связи поставщиков с оптовыми покупателями в странах-импортерах), логистическую (объединение поставщиков с компанией, которая будет формировать крупные партии для экспорта, с транспортными компаниями и т.д.), информационную (обеспечение необходимой информацией поставщиков и по-

³ См.: *Гриценко Г.М., Маклаков А.В.* Организационный потенциал экспорта зернопродукции Алтайского края // Развитие регионального АПК и сельских территорий: современные проблемы и перспективы: Мат. XVI Междунар. науч.-практ. конф., посв. 65-летию СибНИИЭСХ СФНЦА РАН (Новосибирск, 15–16 октября 2020 г.). – Новосибирск: СФНЦА РАН, 2020. – С. 178–181.

требителей) и аналитическую (прогноз динамики рынков и их товарной конъюнктуры) (рис. 5).

В регионах Сибирского федерального округа – экспортерах зерна и продуктов его переработки следует создать информационно-технологические центры, связанные с экосистемой при Ассоциации «Сибирский зерновой консорциум», интегрированные в сайты региональных министерств сельского хозяйства, ведущих зернотрейдеров, региональных зерновых союзов и союзов зернопереработчиков, союзов малого и среднего предпринимательства, региональных экспортных центров, торгово-промышленных палат, с единым доступом к общей информационной системе. Информационная экосистема инфраструктурного обеспечения экспорта зерна и продуктов его переработки на базе Ассоциации «Сибирский зерновой консорциум» будет эффективной и окупаемой только при наличии большого числа пользователей, поэтому должна распространяться на поставщиков зерна и продукции зернопереработки из регионов не только Сибири, но и страны в целом, а также из стран ЕАЭС.

Необходим комплексный подход к развитию зерновой логистики на территории Сибири:

- в регионах – экспортерах зерна надо создать транспортно-логистические центры для концентрации партий зерна, поступающих от малых форм ведения бизнеса;
- на уровне округа следует создать самостоятельное транспортно-логистическое бюро, координирующее товарные потоки экспортируемого зерна, проходящие через региональных операторов, с возможностью их перераспределения по согласованию с поставщиком в зависимости от спроса и загруженности той или иной логистической цепочки;
- нужно расширить материально-техническую базу товародвижения: создать логистические центры перевалки зерна в припортовых зонах и обеспечить их техническое оснащение, обновить и пополнить парк средств транспортировки зерна и продуктов его переработки, в том числе контейнеров-, вагонов- и автопоездов-зерновозов.

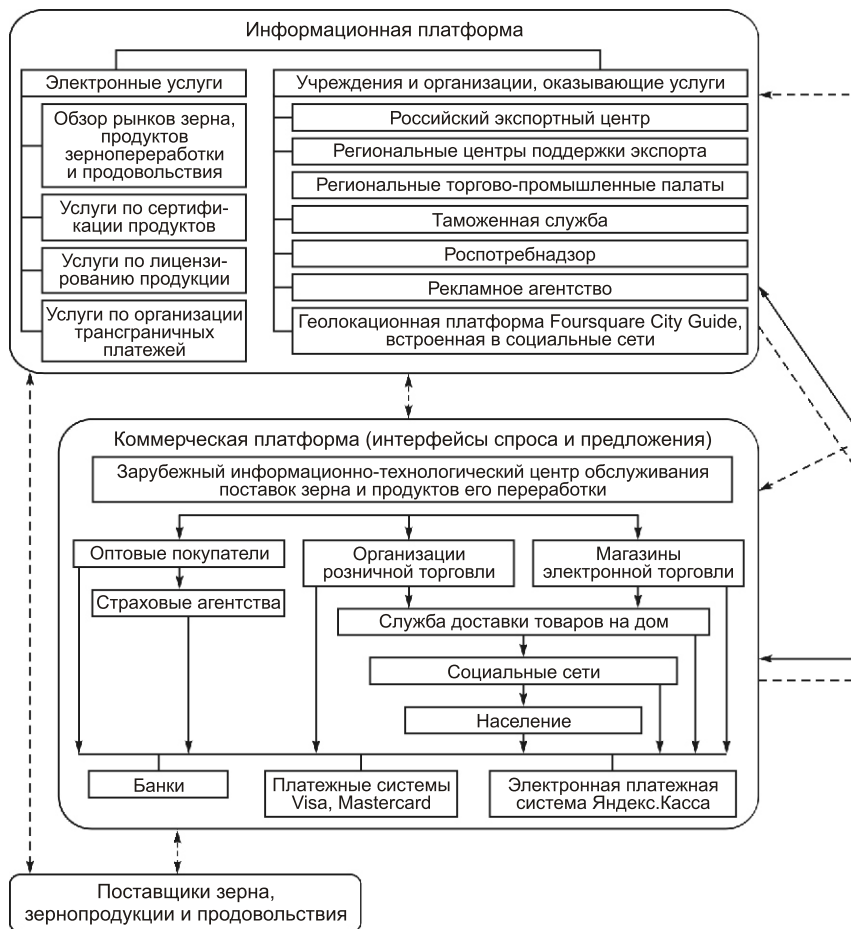
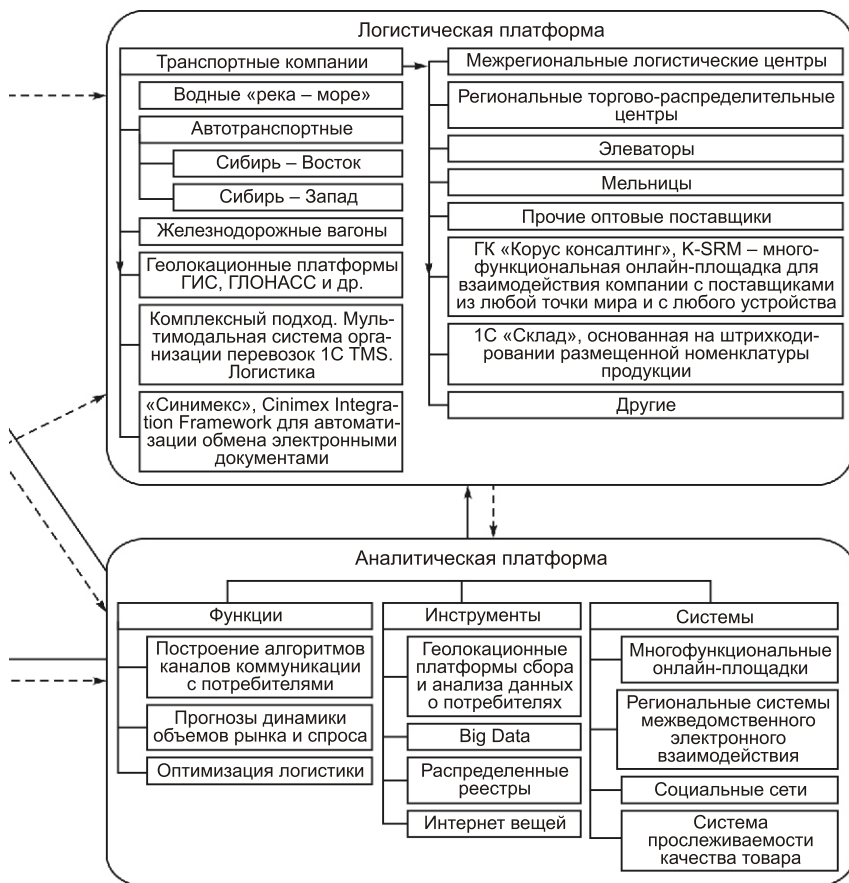

Рис. 5. Информационно-технологическая экосистема инфраструктурного

Примечание: пунктирной линией обозначено движение информации,

Источник: составлено

Надо продолжить строительство и реконструкцию дорог с асфальтовым покрытием на глубинных сельских территориях – в местах производства зерна.

обеспечения экспорта зерна и продуктов его переработки

сплошной – анализ и рекомендации

авторами с учетом [7; 8]

Для решения этой задачи необходима межрегиональная государственная программа развития инфраструктуры экспорта зерна Сибири. Кроме того, государство поспособствует созданию этой систе-

мы за счет развития ФГИС «Зерно», обеспечив не только прозрачность товаропотоков, но также контроль качества продукции и развитие цифровизации как государственной службы, так и фирм, создающих программное обеспечение. Для решения оперативных задач также требуется более обоснованный подход к вопросам регулирования объемов экспорта зерна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, инфраструктура экспорта зерна представляет собой совокупность юридических лиц и материальных объектов, обеспечивающих организацию хранения и товародвижение зерна, проведение коммерческих сделок в процессе экспортных операций, инженерное обеспечение, информационное и иные виды их обслуживания. Уровень ее развития определяет уровень затрат на экспорт зерна. Зерновой рынок Сибири отличается удаленностью от традиционных зарубежных потребителей и сложившихся логистических цепочек. Особенно это касается Алтайского края – самого крупного восточного экспортера зерна, удаленного от основных экспортных магистралей.

Под влиянием изменившейся внешнеполитической ситуации основная часть товарных потоков страны в 2022 г. была перенаправлена на Восток, в связи с чем территория Сибири рассматривается преимущественно как транзитная. В то же время Сибирь имеет существенный потенциал для самостоятельного развития рынка зерна, ориентированного на экспорт в страны Ближнего Востока, Индокитая и Африки, и инфраструктуры, базирующейся на более активном использовании речного и морского транспорта, в том числе Северного морского пути.

Инфраструктура экспорта зерна Сибири должна отвечать потребностям как крупного, так и малого бизнеса, строиться на основе системного подхода, на использовании современных цифровых технологий, на прогнозно-программной основе и принципах государственно-частного партнерства, а ее логистическая составляющая – на основе комплексного подхода, учитывающего внутри- и межрегиональный потенциал и распределение функций между регионами.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта
Президента РФ (МК-5244.2021.2)*

Список источников

1. Алещенко В.В., Алещенко О.А., Добрякова В.А., Идрисов И.Р., Рудой Е.В. Геоинформационное картографирование для анализа пространственно-временных данных сельскохозяйственного производства регионов Сибири // Геодезия и картография. – 2021. – № 3. – С. 28–35. DOI: 10.22389/0016-7126-2021-969-3-28-35.
2. Быков А.А. Факторы внешней среды, влияющие на состояние и развитие агропродовольственного рынка Сибири // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 4 (108). – С. 151–174.
3. Кулистикова Т. ПМЭФ: инвесторы в АПК по-прежнему активны. В ходе форума подписан ряд крупных инвестиционных соглашений // Агроинвестор. 18 июня 2022. – URL: <https://www.agroinvestor.ru/investments/news/38311-pmef-investor-v-apk-po-prezhnemu-aktivny/> (дата обращения: 18.06.2022).
4. Родионова М.Р. Развитие рынка зерна и его инфраструктуры: Автореф. дисс. ... канд. экон. наук / Российский государственный аграрный заочный университет. – М., 2010. – 23 с.
5. Стукач В.Ф. Институты и инфраструктурное развитие аграрного рынка: методология, практика реформирования // Московский экономический журнал. – 2020. – № 4. – С. 300–323.
6. Bocharov S., German O., Samsonov R. On the institutional conditions for the development of exports of the Altai Krai on the basis of a balanced integration into global value chains // Proceedings of the International Conference on Sustainable Development of Cross-Border Regions: Economic, Social and Security Challenges (ICSDCBR 2019). – URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/icsdcbr-19/125922294> (дата обращения: 02.10.2022).
7. Kapoguzov E.A., Chupin R.I., Aleshchenko V.V., Bykov A.A. Cereals export factors and impact on wheat price in Russian regions // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2021. – No. 14 (12). – P. 1782–1794. DOI:10.17516/1997-1370-0858.
8. Pall Z., Perkhochuk O., Teuber R. et al. Are Russian wheat exporters able to price discriminate? Empirical evidence from the last decade // Journal of Agricultural Economics. – 2013. – No. 64 (1). – P. 177–196.

Информация об авторах

Грищенко Галина Михайловна (Россия, Барнаул) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий Алтайской лабораторией СибНИИЭСХ Сибирского федерального на-

учного центра агробиотехнологий РАН (630501, Новосибирская обл., р.п. Краснообск). E-mail: gritsenko_galina_milenium@mail.ru.

Быков Александр Александрович (Россия, Новосибирск) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник СибНИЭСХ Сибирского федерального научного центра агробиотехнологий РАН (630501, Новосибирская обл., р.п. Краснообск); доцент Новосибирского государственного аграрного университета (630039, Новосибирск, ул. Добролюбова, 160). E-mail: bykov47@yandex.ru.

Алещенко Виталий Викторович (Россия, Новосибирск) – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17); доцент Новосибирского государственного аграрного университета (630039, Новосибирск, ул. Добролюбова, 160). E-mail: 564435@mail.ru.

Алещенко Ольга Александровна (Россия, Новосибирск) – младший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17). E-mail: oelab2@mail.ru.

Чупин Роман Игоревич (Россия, Омск) – кандидат социологических наук, научный сотрудник Омского научного центра СО РАН (644024, Омск, просп. Карла Маркса, 15). E-mail: roman-chupin@ya.ru.

DOI: 10.15372/REG20230203

Region: Economics & Sociology, 2023, No. 2 (118), p. 59–87

**G.M. Gritsenko, A.A. Bykov, V.V. Aleschenko,
O.A. Aleschenko, R.I. Chupin**

METHODOLOGICAL APPROACHES FOR SUBSTANTIATING THE DEVELOPMENT DIRECTIONS OF GRAIN EXPORT INFRASTRUCTURE IN SIBERIA

The article focuses on the development of export infrastructure for grain produced in the Siberian Federal District. The research aims to assess Siberia's position in grain production and export from Russia, determine the efficiency of grain production in the main exporting regions, and evaluate

the key elements of the grain export infrastructure in the district. The research aims to assess Siberia's position in grain production and export from Russia, identify the main exporting regions within the district, and evaluate the efficiency of their grain production. It also seeks to systematize the elements of grain export infrastructure and assess its most critical elements in the Siberian Federal District. The research further explores the potential prospects for grain export in the district and uses this information to develop and justify methodological approaches for the development of export infrastructure.

We identify the countries that consume wheat, oats, and barley produced in the region up to 2022 and address several issues: export-related challenges faced by the southernmost region of Siberia, Altai Krai, which is the primary grain supplier; problems associated with the use of seaports and international transport, the utilization of grain storage facilities in exporting regions, and small business participation in export operations. This article presents a case for a planned and forecast-based development of the grain market and infrastructure in the district. It discusses the role of information technologies in implementing this approach and presents an analysis of the existing IT infrastructure elements in the region. We also describe the commercial associations of grain exporters in the district and outline the tasks of the inter-regional association for further activities. The study highlights the strongest aspects of the grain export infrastructure in Siberian regions, which could help in the development of a common infrastructure. It identifies the most promising countries for consuming Siberian grain and proposes an organizational structure for an information ecosystem to support infrastructure for grain exports in the district.

Our work is based on 2017–2022 data, obtained from the state statistics system, regional agriculture and food ministry reports, and publicly available sources.

Keywords: grain export; commodity distribution network; infrastructure; grain storage facilities; information ecosystem; unified logistics system; planning and forecasting approach

For citation: Gritsenko, G.M., A.A. Bykov, V.V. Aleschenko, O.A. Aleschenko & R.I. Chupin. (2023). Metodicheskie podkhody k obosnovaniyu napravleniy razvitiya infrastruktury eksporta zerna Sibiri [Methodological approaches for substantiating the development directions of grain export infrastructure in Siberia]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (118), 59–87. DOI: 10.15372/REG20230203.

*The publication is supported by a grant from the President
of the Russian Federation (MK-5244.2021.2)*

References

1. Aleschenko, V.V., O.A. Aleschenko, V.A. Dobryakova, I.R. Idrisov & E.V. Rudoy. (2021). Geoinformatsionnoe kartografirovanie dlya analiza prostranstvenno-vremennykh dannykh selskokhozyaystvennogo proizvodstva regionov Sibiri [Geoinformation mapping to analyze the spatio-temporal data of agricultural production in Siberian regions]. *Geodeziya i kartografiya* [Geodesy and Cartography], 3, 28–35. DOI: 10.22389/0016-7126-2021-969-3-28-35.
2. Bykov, A.A. (2020). Faktory vneshney sredy, vliyayushchie na sostoyanie i razvitiye agropredovolstvennogo rynka Sibiri [Environmental factors affecting the state and development of the Siberian agri-food market]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 4 (108), 151–174.
3. Kulistikova, T. (2022). PMEF: investory v APK po-prezhnemu aktivny. V khode foruma podpisan ryad krupnykh investitsionnykh soglasheniy [SPIEF: Agro-industrial investors remain active with major investment agreements signed at the forum]. *Agro-investor* [Agroinvestor]. Available at: <https://www.agroinvestor.ru/investments/news/38311-pmef-investory-v-apk-po-prezhnemu-aktivny/> (date of access: 18.06.2022).
4. Rodionova, M.R. (2010). Razvitiye rynka zerna i ego infrastruktury: Avtoref. diss. ... kand. ekon. nauk [Development of Grain Market and Its Infrastructure: Author's abstract for the Candidate of Sociology Thesis]. Moscow, Russian State Agrarian Correspondence University, 23.
5. Stukach, V.F. (2020). Instituty i infrastrukturnoe razvitiye agrarnogo rynka: metodologiya, praktika reformirovaniya [Institutions and infrastructure the development of the agricultural market: methodology, the practice of reform]. *Moskovskiy ekonomicheskyy zhurnal* [Moscow Economic Journal], 4, 300–323.
6. Bocharov, S., O. German & R. Samsonov. (2019). On the institutional conditions for the development of exports of the Altai Krai on the basis of a balanced integration into global value chains. Proceedings of the International Conference on Sustainable Development of Cross-Border Regions: Economic, Social and Security Challenges (ICSDCBR 2019). Available at: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/icsdcbr-19/125922294> (date of access: 02.10.2022).
7. Kapoguzov, E.A., R.I. Chupin, V.V. Aleshchenko & A.A. Bykov. (2021). Cereals export factors and impact on wheat price in Russian regions. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 14 (12), 1782–1794. DOI:10.17516/1997-1370-0858.
8. Pall, Z., O. Perkhoshuk, R. Teuber et al. (2013). Are Russian wheat exporters able to price discriminate? Empirical evidence from the last decade. *Journal of Agricultural Economics*, 64 (1), 177–196.

About Authors

Gritsenko, Galina Mikhailovna (Barnaul, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher at the Siberian Federal Scientific Center for Agrobiotechnologies, Russian Academy of Sciences (Krasnoobsk, Novosibirsk Oblast, 630501, Russia). E-mail: gritsenko_galina_milenium@mail.ru.

Bykov, Alexandr Alexandrovich (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher at the Siberian Federal Scientific Center for Agrobiotechnologies, Russian Academy of Sciences (Krasnoobsk, Novosibirsk Oblast, 630501, Russia); Associate Professor at Novosibirsk State Agrarian University (160, Dobrolyubov St., Novosibirsk, 630039, Russia). E-mail: bykov47@yandex.ru.

Aleschenko, Vitaly Victorovich (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Leading Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia); Associate Professor at Novosibirsk State Agrarian University (160, Dobrolyubov St., Novosibirsk, 630039, Russia). E-mail: 564435@mail.ru.

Aleschenko, Olga Alexandrovna (Novosibirsk, Russia) – Junior Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: oelab2@mail.ru.

Chupin, Roman Igorevich (Omsk, Russia) – Candidate of Sciences (Sociology), Researcher at Omsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (15, Karl Marx Ave., Omsk, 644024, Russia). E-mail: roman-chupin@ya.ru.

Поступила в редколлегию 30.08.2022.

После доработки 13.10.2022.

Принята к публикации 17.10.2022.

© Гриценко Г.М., Быков А.А., Алещенко В.В.,
Алещенко О.А., Чупин Р.И., 2023

УДК 314.02+314.48+393

Регион: экономика и социология, 2023, № 2 (118), с. 88–120

В.Н. Лексин

ОТ ЧЕГО, ГДЕ И КАК УМИРАЮТ В РОССИИ

В статье предпринята попытка рассмотрения смерти как социального явления, в связи с чем статистические показатели смертности приводятся только для характеристики ее общероссийских, региональных и этнических масштабов, а основное внимание уделено социальным аспектам причин смерти с их условным разделением на болезни «плоти», «духа» и «общества». Среди последних особое внимание обращено на последствия нестабильности и противоречивости общероссийской ситуации и кризиса семейных отношений. Приведены факты устойчивой пространственной неоднородности распространения смертности и показано, что эти тенденции связаны не только с условиями жизни на тех или иных территориях, но и с этническим фактором, примером чего может служить опережающее вымирание русского населения. Отмечена выдающаяся роль отечественных географов в исследовании связи смертности с особенностями социально-экономических и иных параметров конкретных территорий (учение о геодемографии). Выделены причины и формы изменившегося отношения к смерти. Рассматриваемые вопросы тесно связаны со специфически российской проблематикой старения и старости, что предполагается изложить в следующей публикации.

Ключевые слова: смертность; геодемография; причины смерти; болезни плоти; болезни духа; болезни общества; симулякр

Для цитирования: Лексин В.Н. От чего, где и как умирают в России // Регион: экономика и социология. – 2023. – № 2 (118). – С. 88–120. DOI: 10.15372/REG20230204.

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

О феномене смерти, наряду с рождением единственно обязательным событием нашей жизни, испокон веку размышляли не только богословы, философы и писатели, но и каждый человек. Этот феномен соединяет свою вполне объяснимую биологическую суть со множеством иррациональных верований, обрядов и ритуалов и является предметом весьма прибыльной экономики смерти. Мир вокруг современного человека перенасыщен ежечасными напоминаниями о смерти в СМИ, кино, музыке, изобразительном искусстве и т.д., но мы отгораживаемся от мыслей о смерти самих себя и своих близких, а тем более о вымирании страны в целом. Напомню, что если в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» Правительству РФ было поручено обеспечение *устойчивого естественного роста* численности населения страны, то Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» открывает перечень таких целей словосочетанием «*сохранение населения*», а показателями достижения этой цели назначает «обеспечение *устойчивого роста численности* населения Российской Федерации (т.е. с учетом миграции. – В.Л.) и повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет».

Население России вымирает, и этому никак не противостоит увеличение продолжительности жизни. Но ведь и вымирать можно по-разному, и великие писатели убеждали читателей в том, что, например, смерть князя Андрея Болконского и Ивана Ильича или Тараса Бульбы и его сыновей – драмы разного порядка. Но в обществоведении, которое мыслит глобально и оперирует большими величинами, смерть индивидуума, как правило, находится вне поля научного интереса. Частное принято выводить из общего, исследования макромира предпочтительнее кропотливого изучения конкретных случаев, и часты пренебрежительные утверждения о многих поистине знаковых событиях: «Но ведь это частный случай!». Это относится практически ко всем областям обществоведения, за исключением географии и этнографии.

При подготовке текста этой статьи была предпринята попытка размежевания «социального» как понятия социальной антропологии, предметом которой является личность человека как такового, и «социологического» как понятия соответствующей научной дисциплины, имеющей предметом общество и его группы. Ключевые понятия «смерть» и «смертность» не рассматриваются в их биолого-медицинском, философском и богословском смыслах, а используются в соответствии с действующими в России нормативно-правовыми актами¹ и тезаурусом отечественной статистики. Из статистики же взяты и все приводимые в статье количественные параметры различных явлений и ситуаций.

Предлагаемая читателю статья, не претендуя на полноценный научный анализ социальных аспектов умирания отдельного человека, преследует цель привлечения интереса обществоведов к системному осмыслению феномена такой смерти как многоаспектного социального явления, лишь частично отраженного в доступной статистике смертности. В связи с этим кратко изложенные причины смерти представлены в виде трех групп, названных «болезни плоти», «болезни духа» и «болезни общества», и показано, что смерть человека, ее причины и срок не менее (а иногда и более), чем жизнь, связаны с конкретной территорией: с особенностями климата, образом жизни, спецификой трудозанятости и иными условиями жизнеобеспечения, которые определяются множеством пространственно опосредованных и этнонациональных факторов. Эскизно охарактеризованы кардинальные перемены в отношении к смерти, причем читателю предлагается вспомнить о концепции смерти как симулякра в контексте «символического обмена» по Ж. Бодрийяру. За пределами текста этой статьи остается актуальнейшая для современной России социальная

¹ Таковы, например, ст. 66 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 31.12.2022 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», ст. 64 Федерального закона от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ (в ред. от 24.04.2020 г.) «Об актах гражданского состояния», действующее в настоящее время Постановление Правительства РФ от 20.09.2012 г. № 950 «Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека» и др.

проблематика старения и умирания наших пожилых граждан, и я надеюсь вернуться к этому вопросу в последующей публикации.

ЧТО МОЖЕТ ПОКАЗАТЬ СТАТИСТИКА СМЕРТИ

Показатели смертности являются важнейшими и многоаспектными характеристиками состояния любого общества, и уже поэтому перечень соответствующих учетно-аналитических единиц, хорошо известных социологам, демографам, географам, этнологам и медикам, включает сотни позиций, данные по немалой части которых собираются, систематизируются и публикуются органами национальной и международной статистики, причем в России соответствующий учет ведется одновременно в органах здравоохранения, ЗАГС, собственно статистики, а в ряде случаев – МВД. Исходным источником информации о фактах смерти и ее причинах являются записи в медицинских свидетельствах о смерти, составляемых врачом относительно заболевания, несчастного случая, убийства, самоубийства и другого внешнего воздействия.

Статистика позволяет количественно выразить и такие показатели, как возрастной показатель смертности (число смертей в данной определенной возрастной группе в год к среднегодовой численности населения этой группы в тот же год), параметры выживания (вероятность наступления смерти в течение последовательных интервалов времени после постановки диагноза) и его частоты (доля выживших в группе в определенный период времени), показатели детской смертности (число смертельных случаев у детей младше 5 лет за один год на тысячу живорождений в среднем за пять лет) и ее уровня (число смертельных случаев у детей 1–4 лет на тысячу детей этой возрастной группы), индексы и индикаторы здоровья (сложно исчисляемые показатели, включающие младенческую смертность и др.), показатели потерянного здоровья (характеристики потерянной продолжительности жизни с учетом состояния здоровья), показатели летальности (доля случаев заболевания за данный период, закончившихся смертью), различных рисков для здоровья и жизни (для данного возраста и пола с учетом стиля жизни и внешних факторов) и потенциального коли-

чества потерянных лет, показатели причинной структуры смерти, пропорциональные коэффициенты смертности (доля смертности от определенного состояния, деленная на аналогичную долю в стандартной ситуации), показатели зависимости смертности от возраста (формула Гомперца – Мейкема²) и ряд других.

Отдельную группу показателей составляют различные оценки ожидаемой продолжительности жизни, т.е. среднего ожидаемого числа лет, которое может прожить человек определенного возраста при неизменном уровне смертности или другого детерминирующего признака (определяется по следующим параметрам: «при рождении», «в данном возрасте», «без инвалидности», «без социальной недостаточности», «с поправкой на качество жизни», «с поправкой на состояние здоровья», а также «продолжительность здоровой жизни»). Любопытны параметры «ожидаемого числа потерянных лет», т.е. суммы лет, которую умершие по той или иной причине прожили бы, если бы имели нормальную (близкую к средней) продолжительность жизни в этой группе. Это условный показатель преждевременности смерти.

Статистика показывает, что в начале 60-х годов прошлого века смертность в России стремительно шла на убыль, чему способствовали успехи фармакологии (в том числе началось широкое использование антибиотиков), становление разветвленной и специализированной структуры бесплатного здравоохранения, повышение уровня жизни, рост образования, пропаганда занятий физической культурой, т.е. факторы, хорошо изученные нашими демографами [2]. В целом по стране уровень смертности в 1960–1965 гг. составлял около 7,5 чел. на тысячу населения и был меньше, чем достигнутый через полвека (в 2008 г.) в США. С середины 70-х годов показатели смертности стали увеличиваться, находясь до 1990 г. в интервале 10–11 чел. на тысячу населения, и затем стремительно возросли, превысив в 2003 г. 16 смертей на тысячу населения. Обратно пропорционально росту смертности изменялась (снижалась) и без того невысокая ожидаемая продолжительность жизни при рождении. С «максимума» в 70,13 года (64,91 года у мужчин и 74,55 года у женщин) в 1986–1987 гг. этот

² В ряде изданий: Гомпертца – Майкхама.

показатель упал до 67,51 года (61,39 года у мужчин и 73,9 года у женщин) в 2007 г.

А что в двадцатые годы нашего столетия? Число умерших в России с декабря 2020 г. по декабрь 2021 г. превысило 2,4 млн чел., – это примерно на 300 тыс. больше, чем в 2003 г. Естественная убыль населения без учета миграции составила более 990 тыс. чел. (предыдущий «рекорд» по этому показателю фиксировался в 2000 г., когда убыль в стране составила 958,5 тыс. чел.). За 2021 г. смертность в России увеличилась почти на 15%, а рождаемость снизилась на 2,3%. Аномально высока смертность трудоспособных граждан: в течение многих лет (в том числе и в 2021 г.) ежегодно около 420 тыс. работников умирали, не дожив до минимального пенсионного возраста. Женщины России живут недолго, но все же умирают позже мужчин, и дело не только в том, что женщины при выявленном заболевании обычно более серьезно, чем мужчины, относятся к своему здоровью³. Главное – не долгожительство женщин, а высокая и ранняя смертность мужчин, в том числе постоянно отмечаемая демографами сверхсмертность мужчин в трудоспособном возрасте.

ОПОСРЕДОВАНО МЕСТОМ

В России продолжительность жизни и обстоятельства смерти при, казалось бы, относительно пропорциональном «бюджетном выравнивании» и единых правах граждан на медицинское обслуживание существенно различаются в зависимости от места проживания. Это вполне объяснимо, если учесть, во-первых свойственные нашей стране огромные естественные и инфраструктурные территориальные различия и, во-вторых, теснейшую связь смертности с конкретными условиями и образом жизни людей. На это давно обратили внимание отечественные демографы, но детально исследовали (и успешно про-

³ Невнимание к собственному здоровью (вынужденное или ментальное) – общая беда. Так, в 2018 г. почти у каждого пятого пациента (18%) онкологическое заболевание обнаружили уже в терминальной стадии, и от злокачественных опухолей умерло более 28 тыс. наших сограждан, не стоявших на учете в онкодиспансерах (диагноз «рак» был поставлен патологоанатомом).

должают это делать) ученые-географы, которыми, например, созданы теоретические основы такой междисциплинарной области знания, как геодемография.

Предложенное в 1974 г. Д.И. Валентеем понятие *демографической ситуации* как системы внутренних и внешних факторов, определяющих параметры воспроизводства населения на конкретной территории [9; 24], было концептуально переосмыслено замечательным географом Н.Т. Агафоновым и сформулировано им как *демографическая обстановка*, которая трактовалась как социально-экономическое и демографическое состояние населения, формируемое условиями конкретных места и времени и характеризующееся в связи с этим разными показателями по стране в целом и ее регионам [1]. Почти в то же время другой известный географ Г.М. Федоров предложил рассматривать взаимосвязи демографических и социально-экономических явлений с расселенческими, экологическими, этническими и иными особенностями территорий [28; 29].

Наиболее существенным вкладом в изучение геодемографических процессов следует считать исследования ученых Института географии РАН, где в 1960–1991 гг. работала специально организованная группа медицинской географии, результаты которой получили освещение в ряде публикаций этого и последующих периодов [15]. Упомяну, что заслуги группы отечественных медикогеографов были в 1985 г. отмечены Государственной премией СССР «за разработку теории и методов медицинской географии и внедрение их в практику народного хозяйства». В наши дни геодемографический подход как теоретико-методологическая установка стал само собой разумеющимся в большинстве работ таких ученых Института географии РАН, как К.В. Аверкиева, О.Б. Глезер, В.Н. Горлов, Г.В. Иоффе, Н.К. Куричев, Г.М. Лаппо, Т.Г. Нефедова, А.Г. Махрова, В.Н. Стрелецкий, П.М. Полян, Н.А. Слука, С.А. Тархов, А.И. Трейвиш и В.А. Шупер. Не случайно именно в этом институте в 2017 г. была защищена интереснейшая диссертация Ю.А. Ступина «Великая Отечественная война как фактор геодемографической трансформации Ленинградской области», одним из оппонентов по которой стала О.Б. Глезер.

Примером удачного обращения к геодемографической теме может служить исследование калининградских географов, в котором использована специально разработанная методика анализа демографических, миграционных и социально-экономических процессов в различных по всем параметрам субъектах Северо-Западного федерального округа [11]. Авторы подчеркивали амбивалентность складывающихся в связи с этим оценок геодемографической обстановки в конкретных регионах. Убедительны результаты геодемографических исследований ученых-географов Пермского национального исследовательского политехнического университета [6]. Назову также исследование уфимского доктора географических наук Р.Г. Сафиуллина с убедительными выводами о фактическом воздействии геодемографических факторов на развитие регионов России [23].

Выявленные и количественно оцененные отечественными географами связи демографических процессов с местом их протекания особенно четко проявляются в территориально опосредованной смертности. Так, в последние «предковидные» годы, по данным Росстата, максимум показателей смертности неизменно приходился на области Центрального федерального округа (без учета неизменно благополучной Москвы) – на 25% выше среднего по России, а минимум – на регионы Северо-Кавказского федерального округа: почти на 40% ниже среднего по стране. При этом резкие различия наблюдались даже в близко расположенных регионах. Так, смертность в Москве составляла 9,5 чел. на тысячу населения, а в Московской области – 12,0 чел., в Белгородской области – 13,3 чел., а в соседних Липецкой и Курской – 14,3 и 15,0 чел. соответственно. И так далее. Вопреки бытующим представлениям, сельские жители России никак не долгожители. Сельское население, составляющее четверть всего населения страны, умирает стремительнее городского: в первом десятилетии этого века смертность горожан была на уровне 13,9 чел. на тысячу населения, а сельских жителей – 16,6 чел. В 2021 г., например, в Рязанской области общая смертность населения в сельской местности была на 20% выше среднеобластной, а наиболее высоким этот показа-

тель был в Шацком, Спасском, Сараевском, Кадомском и Касимовском преимущественно сельских районах.

Смертность в России этнически неоднородна, и быстрее других вымирает население в местах компактного проживания русских⁴. Как показала первая перепись 1897 г., русские опережали по смертности латышей в 2 раза и отставали от них по продолжительности жизни на 16 лет, опережали по младенческой смертности иудеев в 2,5 раза и по продолжительности жизни отставали от них на те же 16 лет, отставали по последнему показателю от украинцев и белорусов на семь и более лет [17]. Были особые причины резкого снижения численности русских в первой половине XX в. В 1920 г. за счет военных потерь, эпидемий, эмиграции и отторжения западных территорий страна потеряла около 14% населения – преимущественно русского [20]. Во время Великой Отечественной войны Советский Союз потерял примерно такую же часть населения, причем русских погибло 12,6 млн, в том числе мирного населения – 6,9 млн [3; 21]. Последние переписи показали, что численность людей, считающих себя русскими, сократилась с 119,9 млн чел. в 1989 г. до 115,9 млн в 2002 г. и до 111,0 млн в 2010 г., т.е. почти на 7%; при этом сокращение численности русских шло в 2 раза быстрее, чем численности всего населения страны (около 3% за тот же период). В начале 2023 г. Росстат опубликовал данные о национальном составе населения России по результатам Всероссийской переписи населения 2021 г.⁵, согласно которым по сравнению с 2010 г. русских стало меньше на 5,4 млн чел., т.е. тенденция опережающего вымирания «государствообразующей нации» сохраняется.

⁴ Здесь и далее под русскими понимается сообщество, состоящее из той части этнических русских и людей других национальностей, которую отличают хорошо ощущаемая ими (и видимая со стороны) специфическая русская ментальность, русский язык как родной, подсознательное единство с миром русской истории, русской культуры и русского православия (что совсем не означает личностное православие), а также ряд других идентификационных признаков, рассмотренных в моей книге «Судьбы цивилизаций и русский вопрос. Опыт системной диагностики» (М.: ЛЕНАНД, 2016).

⁵ Данные неточны, поскольку более 10% граждан России национальную принадлежность не указали.

У русских женщин меньше всего детей в Санкт-Петербурге, Москве и Московской области, где условия для рождения и воспитания детей не самые худшие в России, а максимумы рождений детей у русских женщин наблюдаются в регионах, где русские не доминируют, а традиционная семья и дети – общественно признаваемая ценность, например в республиках Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Карачаево-Черкесии, Дагестане, Ингушетии. Смертность среди русских трудоспособного возраста – традиционно одна из самых высоких в России⁶. Неудивительно, что русские – нация вдов. Уже к пятидесятилетию в каждой тысяче русских женщин – около 100 вдов (каждая десятая!). В возрасте от 55 до 59 лет вдовствуют уже 200 из тысячи русских женщин, в возрасте от 65 до 69 лет – 430, а среди семидесятилетних и старше их более 700. Доля русских снижается на территориях их традиционного доминирования, например в Брянской, Владимирской, Вологодской, Воронежской, Костромской, Курской, Липецкой, Орловской, Тамбовской, Тульской и Ярославской областях (там сейчас 95–96% русских). Именно в таких преимущественно русских регионах статистика зафиксировала в 2021 г. самые высокие показатели смертности. Так, на тысячу человек населения приходилось смертей (напомню: в среднем по России – 12,3 чел.): в Тверской области – 16,3, в Тульской – 15,9, в Ивановской – 15,8, во Владимирской – 15,6, в Рязанской – 15,2, в Смоленской – 15,1 в Курской и Тамбовской – по 15,0, в Брянской, Костромской и Ярославской – по 14,7, в Калужской – 14,6 и т.д.

ПРИЧИНЫ СМЕРТИ ПО-НАУЧНОМУ

Предваряя дальнейшее описание причин смерти («от чего мы умираем?»), следует хотя бы эскизно охарактеризовать существующие подходы к формированию перечня таких причин, к их классифи-

⁶ В настоящее время ожидаемая продолжительность жизни в России максимальна в тех национальных республиках европейской части страны, где доля русского населения меньше трети. Результаты системного анализа причин смертности см.: *Лексин В.Н.* Умереть в России // Мир России. – 2010. – № 4. – С. 124–161.

кации и номенклатуре. Полагаю, что наличие общедоступных медицинских справочников и энциклопедий⁷ позволяет ограничиться изложением содержащихся в них базовых понятий этиологии и нозологии с добавлением собственных представлений о трех важнейших социальных группах причин смертности.

Этиология (греч. *aitia* причина + *logos* учение) – синтез знаний о причинах и условиях возникновения болезней или патологического состояния. Таких причин и условий множество, и в общем случае причиной болезни стали считать тот фактор, без которого она не может возникнуть ни при каких условиях. В отличие от этиологии, *нозология* (греч. *nosos* болезнь + *logos* учение) – наука о самих болезнях, об их этиологии, патогенезе, патоморфологии, клинике и эпидемиологии. Сегодня медицине известно более 5 тыс. нозологических форм, для каждой из которых характерны определенная причина, однозначный патогенез, типичные внешние проявления и специфические структурные нарушения в органах и тканях. Обилие этиологических и нозологических характеристик различных заболеваний создает определенные трудности в объективной оценке тех из них, что являются основными причинами смертности.

Международная классификация причин смерти впервые была принята еще в 1885 г. на Втором международном статистическом конгрессе в Париже. Она часто дополнялась и уточнялась, и через несколько лет в Чикаго приняли Международный перечень причин смерти («классификация Бертильона»), положивший начало Международной классификации болезней (МКБ), которая пересматривается один раз в десятилетие (создаются так называемые «пересмотры»), и в настоящее время мир и Россия пользуются узаконенной ВОЗ ее десятой версией (МКБ-10)⁸. В относительно предковидном 2019 г. в России в соответствии с МКБ-10 было зафиксировано смертей по

⁷ В магазинах и в сети Интернет в конце 2022 г. можно было найти более 20 таких книг: от третьего издания многотомной «Большой медицинской энциклопедии» до «Большого популярного медицинского справочника» (М.: Славянский дом книги, 2018. – 768 с.).

⁸ Ее полное название – «Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем».

причинам (тыс. случаев): болезни органов кровообращения – 841, новообразования – 295, болезни нервной системы – 100, болезни органов пищеварения – 97, болезни органов дыхания – 58, болезни эндокринной системы – 43, инфекционные и паразитарные болезни – 31.

Самой любопытной группой причин смерти в МКБ-10 представляется 16-я («Симптомы, признаки и отклонения от нормы, выявленные при клинических и лабораторных исследованиях, не классифицированные в других рубриках»), где одной из причин смерти названа старость. Для разъяснения «симптомов и признаков» смерти от старости Департамент мониторинга, анализа и стратегического развития Министерства здравоохранения РФ (письмо Минздрава РФ № 13-2/1750 от 19.12.2014 г.) сообщил: «...Термин “Старость” относится к неточно обозначенным состояниям... и оно... не может быть выбрано в качестве первоначальной причины смерти при наличии любого состояния, классифицированного в других рубриках МКБ-10. Критериями использования кода МКБ-10 “Старость” в качестве первоначальной причины смерти являются: возраст старше 80 лет, отсутствие в медицинской документации указаний на хронические заболевания, травмы и их последствия, способные вызвать смерть, отсутствие подозрений на насильственную смерть». Проще говоря, если совершенно здоровый 80-летний человек умирает, то причиной смерти следует считать именно старость. В 2020 г. в России по причине старости умерло 103 211 чел.

Не оспаривая научную обоснованность подходов к классификации причин смерти по МКБ-10, в настоящей статье далее предлагаю разделить эти причины на три группы: «болезни плоти», «болезни духа» и «болезни общества». Если смысл болезней плоти общепонятен (это большинство поводов обращения в поликлиники и больницы), то под болезнями духа понимается провоцируемое самим человеком наступление смерти в связи с его асоциальным поведением, сознательным отказом от норм морали и т.п.⁹ Третья рассматриваемая здесь категория причин смерти – болезни общества понима-

⁹ Не думаю, что такое понятие вызовет неприятие у верующих, часто читающих, например, в «Каноне молебном ко Пресвятой Богородице» слова «лютое телесе озлобление и... души моей болезнь», «неможение души и телесные болезни».

ется как приводящая к гибели людей совокупность доминирующих в обществе экономических и поведенческих установок, государственных насильственных действий (войны, геноцид и проч.) и т.п.

ОТ ЧЕГО МЫ УМИРАЕМ: БОЛЕЗНИ ПЛОТИ

Люди не могут победить смерть, но вполне способны (и доказали это!) победить многие болезни плоти или по крайней мере не без успеха бороться с ними. Эти болезни объединяет то, что все они связаны с нарушениями физиологии, условно привязаны к конкретным органам или системам жизнедеятельности, относительно легко диагностируются и, главное, поддаются лечению. К ним можно уверенно отнести подавляющую часть этиологий, статистически сведенных в основные классы причин смерти. Это в первую очередь «некоторые инфекционные и паразитарные болезни», «новообразования», «болезни системы кровообращения», «болезни органов дыхания», «болезни органов пищеварения», «болезни мочеполовой системы», «болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ» и «симптомы, признаки и отклонения от нормы, выявленные при клинических и лабораторных исследованиях»¹⁰. Они – причины 86% всех смертей в России.

Инфекционные и паразитарные заболевания, некогда бывшие главными причинами смертности, постепенно отступают и, например, в 2019 г. в России на них приходилось 1,9% всех смертей. Успехи медицины привели к тому, что оспа, чума и холера остались только на страницах романов и исторических хроник. Однако борьба со смертностью от «некоторых инфекционных и паразитарных заболеваний», видимо, никогда не закончится, и этому будут в равной степени способствовать появление новых видов инфекций и новые возможности их распространения (высокая мобильность населения, его концентрация в крупных городах, межгосударственные перемещения людей и т.п.). Такой инфекцией в начале первого тридцатилетия на-

¹⁰ Не включаю сюда такие относительно мало распространенные классы причин смерти, как, например, «болезни глаза и его придаточного аппарата», от которых в России в 2020 г. погибло 12 чел.

шего века стал ковид¹¹ – потенциально тяжелое острое респираторное заболевание, вызываемое коронавирусом SARS-CoV-2 (2019-nCoV). Считают, что с начала обнаружения ковида до 2022 г. этой инфекцией в мире болели более 400 млн чел., из которых умерло 5,8 млн. В США зарегистрировали 76,5 млн заболеваний (при смертности 1,2%), в Индии – 42,2 млн при такой же смертности, в Бразилии – 26,5 млн при вдвое более высокой смертности. В России было зарегистрировано 12,8 млн заболевших при смертности 2,6%, что в значительной степени зависело от низких темпов включения населения в предлагаемый процесс вакцинации (52,8% по сравнению с 75,5% в США и 68,7% в Индии). Смертность в России в 2020 г. выросла на 18% – на 323,8 тыс. чел., из которых половина (162 тыс. чел.) – умершие от ковида [18; 22; 27]. Перенесенный ковид в связи с его негативным влиянием на систему кровообращения, эндокринную систему и т.д. стал причиной смерти еще многих наших соотечественников, что не попадает в официальные данные о «ковидной» смертности. Так, в 2020 г. смертность от инфаркта миокарда, снижавшаяся в 2012–2019 гг., выросла на 6%, от нарушения мозгового кровообращения – на 5% [13].

Серьезнейшей болезнью плоти остается туберкулез – одна из десяти ведущих причин смерти в мире. Согласно данным ВОЗ, ежегодно в мире туберкулезом заболевают до 10 млн чел. и около 1,5 млн чел. умирают от этой болезни, в том числе 20% от коинфекции ВИЧ/туберкулез. Практически ликвидированный в СССР в 70-е годы прошлого века, туберкулез на территории России «возродился» в конце 80-х годов, и, по оценке ВОЗ, пик заболеваемости (127 чел. на 100 тыс. населения) был достигнут к 2000 г. За этот же период в России смертность мужчин от туберкулеза возросла в 2,4 раза, смертность женщин – в 3,6 раза¹², причем и мужчины, и женщины в основном погибают в молодом и среднем трудоспособном возрасте. В последние годы Россия демонстрирует впечатляющие темпы снижения заболеваемости и смертности от туберкулеза: число забо-

¹¹ COVID-19 – аббревиатура от Corona Virus Disease 2019 (коронавирусная инфекция 2019 г.).

¹² Туберкулез в России особенно опасен именно для женщин, которые заболевают им втрое реже, чем мужчины, но умирают от него в 1,5 раза чаще.

левших за период с 2000 по 2019 г. снизилось более чем в 2 раза (с 133 229 чел. в 2000 г. до 60 531 чел. в 2019 г.), а число умерших от туберкулеза – более чем в 4 раза (с 29 966 до 7 264 чел.). В 2019 г. заболеваемость туберкулезом по сравнению с 2018 г. снизилась на 7,2% (с 44,4 до 41,2 чел. на 100 тыс. населения), а смертность от туберкулеза – на 11,8% (с 5,9 до 5,2 чел. на 100 тыс. населения). Тем не менее на туберкулез до сих пор приходится около 0,5% всех российских смертей. В 2020 г. был зафиксирован 6 841 случай смертности от всех форм туберкулеза: 4 616 случаев в городах и 2 225 – в сельских населенных пунктах. При этом более 85% умерших от туберкулеза – люди в трудоспособном возрасте.

Самыми безнадежными болезнями плоти в нашей стране считали и считают новообразования, и, несмотря на возможности раннего выявления и лечения рака, установление такого диагноза в массе населения сопровождается страхом и унынием у самого больного и его близких. А узнавая, от чего умер онкологический больной, воспринимают это как причину почти естественную. За 2016–2020 гг. смертность от злокачественных новообразований составляла (по годам): 295,7 тыс. чел., 290,7 тыс., 293,7 тыс., 294,4 тыс. и 291,5 тыс. В обстоятельном труде известных российских онкологов [12] сообщается, что в 2020 г. в России было выявлено 556 036 случаев новых злокачественных новообразований (в том числе 256 069 у мужчин и 299 967 у женщин). Это было меньше показателей 2019 г. на 13,2%. Всего на конец 2020 г. в территориальных онкологических учреждениях России состояло на учете 3,4 млн пациентов (в 2019 г. – 3,9 млн), и совокупный показатель распространенности составил 2 712,9 чел. на 100 тыс. населения. К сожалению, в России, как и во всем мире, в период пандемии COVID-19 снизилась выявляемость онкологических заболеваний, и рост числа пациентов с этим заболеванием, диагностированным на поздних стадиях, происходит из-за того, что сокращаются объемы плановых осмотров, а люди откладывают диагностику. Специалисты считают, что результатом этого станет снижение эффективности лечения и, соответственно, уменьшатся показатели выживаемости: «Максимальный рост смертности, скорее всего, придется на 2023–2025 годы. А в 2022–2023 годах мы будем

свидетелями роста заболеваемости злокачественными новообразованиями – избытка случаев онкологии, которые не были диагностированы в предыдущие годы» [14].

Третьей и самой масштабной причиной смерти справедливо называют группу болезней системы кровообращения. В 2020 г. они стали причиной смерти свыше 900 тыс. чел., из которых более 700 тыс. были жителями городов с относительно развитой системой здравоохранения. На последствия этих заболеваний приходится свыше 50% всех смертей в России. Инфаркта боятся многие, но еще более ужасными представляются цереброваскулярные болезни, и прежде всего инсульты с их нелетальными последствиями: многие считают постинсультную инвалидность хуже смерти. В первом десятилетии нашего века от инсульта в России ежегодно погибало около 175 чел. на каждые 100 тыс. населения, это один из самых высоких показателей в мире [25]. В возрасте 45–54 лет инсульт возникал у одного из тысячи человек, в возрасте 65–74 лет – у одного из ста, а у тех, кто старше 80 лет, – у одного из четырех мужчин и у одной из пяти женщин (мужчины в трудоспособном возрасте заболевали на 30% чаще, чем женщины) [26]. Высокая заболеваемость, высокая летальность заболевших инсультом и частые инвалидные последствия у выживших взаимосвязаны и имеют общие причины: неправильный образ жизни людей и недостатки здравоохранения.

Повторю, что болезней плоти множество, и от них более чем на 80% умирают наши соотечественники. Но рядом с этими недугами и во многом их провоцирующие располагаются сотни заболеваний, отнесенных мной к болезням духа.

ОТ ЧЕГО МЫ УМИРАЕМ: БОЛЕЗНИ ДУХА

Инстинкт самосохранения, знания об аномально высокой смертности и крайне малой ожидаемой продолжительности жизни, а также доступная всем информация о губительном образе жизни и его последствиях, подстерегающих молодых и трудоспособных людей, казалось бы, должны надежно ограждать жителей России от действий, приближающих преждевременную смерть. Однако все обстоит не

так, и наши соотечественники (и я в их числе) представляются мне племенем приближающих смерть – и свою, и своих близких. Мы подгоняем себя к смерти, находясь в состоянии, которое я называю «болезнями духа», и среди них медицинские расстройства, ранее именовавшиеся «душевными заболеваниями», занимают отнюдь не первое место. Например, в 2020 г. умерших от болезней нервной системы было зафиксировано 122,3 тыс. чел., от психических расстройств и расстройств поведения – 24,2 тыс. чел., или соответственно 6 и 1% от числа умерших от всех классов болезней. Медицина постепенно сокращает смертность от болезней плоти, но она почти бессильна против болезней духа. Росстат сообщает, что с 2016 по 2020 г. число умерших от болезней нервной системы возросло с 83,9 тыс. до уже названных 122,3 тыс. чел. Среди этих причин смерти и неинфекционный менингит, и болезни Альцгеймера и Паркинсона, и рассеянный склероз, и эпилепсия, и церебральный паралич, и токсическая энцефалопатия, и болезни алкогольного происхождения.

В число болезней духа, торопящих наступление преждевременной смерти, я включаю пьянство и курение, самоубийства и убийства, любовь к экстриму и наркотикам, нездоровый образ жизни и отказ от семейных ценностей, сознательное нахождение в «зонах риска», эпатажный аморализм и т.п. Такие болезни духа исключительно «заразные», но они передаются не в обычном инфекционном контакте, а через социальные сети, пропаганду смертестремительного движения жизни по радио и телевидению, через СМИ и книги, через кино и театральный балаган. И спасение от всего этого – только в столь трудно обретаемой устойчивости и твердости духа, в духовной иммунозащите.

Выделяемые в составе официально установленных классов причин смерти болезни нервной системы, психические расстройства и расстройства поведения крайне редко возникают сами по себе (наследственность и проч.), а обычно являются следствием душевных неурядиц, в основе которых чаще всего находится дисбаланс между завышенными представлениями человека о себе (о своих талантах, о своем достатке, о своей внешности, об интересе собственной персоны для других и т.п.) и реальной жизнью. В старину такие психические расстройства называли «помрачением разума», но, видимо,

еще правильнее было бы говорить не о разуме, а все о той же душе (сейчас депрессию часто называют «темной стороной души»).

Подтверждением ранее высказанного соображения о несопоставимости формальных количественных оценок причин смерти от различных проявлений болезней духа и их фактической роли в преждевременной смертности является неумеренное и частое потребление алкоголя в форме алкогольной зависимости. К сожалению, говоря о ее причинах, привычно оправдывают алкоголизм безысходностью, горем, пьющим окружением, снятием послерабочего «напряжения», творческим «допингом» и т.п. и, более того, создают представление о пьянстве как о чем-то мало зависящем, особенно на ранних стадиях, от самого человека (в конце XIX в. об этом говорили «среда заела»). Мои многолетние наблюдения показывают, а мнения психологов, профессионально занимающихся проблемами алкоголизма, подтверждают, что корень этого зла не вне, а внутри человека, в его духовной пустоте и в безвольной податливости пьяному окружению. В России сложился и бытует «пьяный образ жизни». Это страшная социальная болезнь, которая, к сожалению, лишь в незначительной степени учитывается в качестве первопричины преждевременной смерти от самых различных нозологических поводов (те же атеросклероз, онкологические и многие другие заболевания).

В связи с этим представляет интерес одно из доказательных исследований зависимости смертности в России от причин собственно алкогольной этиологии [4]. Авторы этого исследования обнаружили среди всех нозологических единиц, установленных МКБ-10, почти три десятка кодов, содержащих слово «алкоголь» или производные от этого слова. От причин смерти, соответствующих кодам «психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением алкоголя», в 1999–2007 гг. в России погибло около 770 тыс. чел. (5% всех умерших). К счастью, сейчас пить стали меньше, и алкогольные причины смерти (по МКБ-10) в 2020 г. составили 2%. Но не забудем, что это лишь причинно-смертная статистика смертельных последствий алкоголизма, которая не учитывает, например, не только число смертей на дорогах по вине пьяных водителей, число смертей от убийств

по вине пьяных, число самоубийств «по пьянке», число смертей от других опосредованных алкогольных причин, но и «алкогольный след» в большинстве классов и поводов смертности, в первую очередь в болезнях органов пищеварения и системы кровообращения. Следовало бы обратить внимание и на то, что среди вышеотмеченных двух процентов есть частые причины смерти, поражающие своей величиной. Так, в России смертность от алкогольной кардиомиопатии в несколько раз выше, чем в США, Франции и даже самой пьющей среди северных стран Финляндии, а уровень смертельных отравлений алкоголем в США и Франции по сравнению с нашей страной вообще ничтожно мал. Да и умирают наши алкоголики рано, в основном до 50 лет. Примечательно то, что смертность от алкогольных психических расстройств прямо связана с русскими запоями – крайними формами алкогольной зависимости.

Бесспорно, болезнью духа следует считать никотинозависимость, и соответствующую ситуацию в нашей стране никак не оправдывает то, что мы в этом отношении не одиноки: в мире от болезней, спровоцированных курением, еще 10 лет назад ежегодно умирало 6 млн чел. Сегодня, по достоверным результатам опросов, около 80% населения поддерживают запрет курения в общественных местах, но тем не менее Россия остается одной из самых курящих стран мира. Рост цен на табачную продукцию привел к тому, что в России доля продажи «нелегальных сигарет» за один только 2019 г. выросла с 8,4 до 15,6%. Среднестатистический российский курильщик выкуривал пачку в день, и покупая контрафакт, он сэкономил за год около 24 тыс. руб.

Наркозависимость – одна из наиболее прогрессирующих и наименее отслеживаемых статистикой болезней духа. Об этом российском бедствии говорят и пишут довольно много, и по всем признакам наркомания – единственная из всех причин чрезмерной смертности в России, которая, видимо, еще не достигла максимума. О масштабах этой болезни можно судить не только по медицинской статистике, но и по объемам наркоторговли, выявленным соответствующими органами. В нашей стране проблемы с наркоманией стали особенно актуальны в 1980-х, когда общество «освободилось» от прежних запретов. За последние 40 лет количество зависимых от психоактивных

веществ выросло в десятки раз, причем возраст наркоманов с каждым годом стремительно снижается¹³. При этом за пределами статистики остаются наркоманы, не совершавшие преступлений, не поставленные на учет в государственных медицинских учреждениях, лечившиеся или проходившие реабилитацию в частных центрах (они не всегда передают информацию о пациентах в государственные органы), а также наркоманы, употребляющие новые психоактивные вещества, еще не включенные в перечень наркотических.

В 2020 г. в стране было зарегистрировано около 460 тыс. наркозависимых, однако Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков утверждает, что в России насчитывается около 6 млн наркоманов, большинство из которых – молодежь от 16 до 30 лет. Снижение в 2020 г. величин официальных статистических показателей (число наркоманов уменьшилось на 7,5%, из них подростков – на 24%) объясняют уже названными особенностями учета, и эксперты полагают, что реальное число наркоманов выше данных официальной статистики примерно в 7 раз. Считают также, что в 2020 г. с активизацией пандемии наркоторговцам удалось в несколько раз увеличить объемы реализуемых наркотических средств. В обстановке общей тревоги, неорганизованности подростков и молодежи из-за дистанционного обучения и сокращения рабочих мест оборот наркотиков резко возрос и в России, и во всем мире. С 2012 по 2020 г. объем изъятых из оборота наркотиков в нашей стране увеличился более чем на 3 т и достиг 35,6 т – пятой части от всех изъятых в мире.

Чаще всего наркоманы умирают от передозировки (остановка сердца, асфиксия и т.п.) и от последствий частого применения наркотика («ломка», ВИЧ-инфекция, суицид и т.п.). Если в СССР наркотики были относительно «натуральными» (конопля, мак, кокаин), то в новой России они все активнее заменялись тяжелыми синтетическими наркотиками, вызывающими быстрое привыкание и мощно

¹³ Официальная информация об употреблении наркотиков базируется на доступных данных Минздрава России о числе наркозависимых, состоящих на учете или проходящих лечение в государственных медицинских учреждениях, а также на данных МВД о задержанных наркодилерах и объеме изъятых наркотиков.

воздействующими на головной мозг с необратимыми нарушениями его функций и, соответственно, психики и на другие жизненно важные органы. Употребляющие «легкие» наркотики живут не более шести лет, а героиновые и «солевые» наркоманы – до одного года с частыми изнурительными «ломками». И зная, что наркозависимость ежегодно убивает до 70 тыс. молодых людей (большая часть наркоманов, ставших таковыми в 15–20 лет, не доживают до тридцатилетия), около 90 тыс. каждый год начинают впервые употреблять психотропные препараты. И не нужно радоваться снижению численности токсикоманов, поскольку токсикомания «выходит из моды» и ее в 80% случаев сменяют инъекции «настоящих» наркотиков [10].

Чудовищно огромны потери от так называемых «внешних причин смерти», в основе которых все те же болезни духа. Статистика к ним относит все случаи смерти, наступившие «от случайных отравлений алкоголем, от всех видов транспортных несчастных случаев, от самоубийств, от убийств, от повреждений с неопределенными намерениями, от случайных падений» и ряд других. О масштабах преждевременной смерти в связи с транспортными дорожными происшествиями все знают. Виноваты дороги? Но ведь по узкой или топкой тропинке никто не несется вскачь. Безжалостные сводки МВД свидетельствуют: каждое второе ДТП связано с безответственным поведением на дорогах (лихачество, водительская самоуверенность, переутомление водителей из-за переработок), а еще треть – с пьянством. Это ли не болезни духа?

От всех этих «внешних причин» в России в 1995 г. погибло 348,5 тыс. чел., в 2000 г. – 318,7 тыс. и в 2007 г. – 259,4 тыс., что составляло соответственно 16, 14 и 12% от общего числа смертей. Доля снижалась, но в любом случае от «внешних», т.е. не связанных ни с возрастом, ни со здоровьем человека, причин в первом десятилетии нашего века погибало четверть миллиона человек в год: каждый восьмой (!) из умерших. В последующие годы число погибших от «внешних причин» уменьшалось и, например, за 2016–2020 гг. сократилось с 167 тыс. до 140 тыс. чел.

ОТ ЧЕГО МЫ УМИРАЕМ: БОЛЕЗНИ ОБЩЕСТВА

Здорово ли наше общество? Не стимулируют ли его болезни высокую смертность и общую депопуляцию населения в собственной стране? Если оно действительно больно, то это только наша национальная проблема или следствие мировой кризисности бытия? Вопросы не праздные и менее всего отвлеченно-философские. Не случайно наш современник, сокрушаясь о тяготах бытия и запущенных заболеваниях, привычно возлагает вину за это на «внешние причины» – от внешнеэкономических санкций до руководства страной (городом, селом), на школу, работодателей, соседей по дому и т.д. «От чего он умер?» – спрашивает в известном анекдоте один зевака другого, глядя на похоронную процессию. – «А ты читай, что на венках написано: от жены, от тещи, от детей, от коллег, от партии “Единая Россия”, от администрации города». И это совсем не анекдотическая ситуация. О том, что мы живем в болезненно кризисном мире, говорят и пишут не только блогеры и СМИ, но и серьезные политики во всех странах. Турбулентность международных отношений и разрушение прежнего миропорядка, нарастание агрессивной конкуренции, гедонизм и усиление социального расслоения, стремительное обновление техники и потеря традиционных рабочих мест, неуверенность в завтрашнем дне и т.п. – ключевые слова большинства публикаций о проблемах современности. И все мы не только плоть от плоти этого больного общества, но и самые активные его созидатели. Назову лишь одну из таких болезней – кризис традиционных семейных отношений.

Не секрет, что большинство умерших «от внешних причин» не состояли в браке, жили в семьях с ужасающими семейными отношениями или были разведены. В 1913 г. Синод зарегистрировал 4 060 разводов (на 95 млн православного населения страны), к 2000 г. православными называли себя примерно столько же людей, а число разводов среди них возросло более чем в 200 раз, на 100 ежегодно заключаемых браков стало приходиться 80 разводов. Через 20 лет, в 2020 г., Росстат отметил снижение числа браков по сравнению с предыдущим годом почти на 20% (объяснение – пандемия ковида). Лидером по количеству зарегистрированных браков стала Москва:

почти 66,5 тыс., но это на 19,7% (на 16,3 тыс.) меньше, чем в 2019 г. В 2020 г. на 1000 чел. в России пришлось 5,3 зарегистрированных брака и 3,9 развода. Россия вступила в совершенно новую для нее сферу добрачных, брачных и вместобрачных отношений [16]. Эта ситуация наконец-то начинает всерьез анализироваться, и было бы полезно в ходе этого анализа учитывать ее воздействие не только на рождаемость, но и на смертность.

Большинство отечественных исследователей сходятся в том, что западная модель семейных отношений без каких-либо изъятий (так называемая «вестернизация») быстро воплотилась в современной России. Идеологические основы таких «поворотов» рассмотрены в одной из моих книг¹⁴. В России поколение матерей лишь наполовину замещается поколением дочерей¹⁵, и каждые четверть века, если не наступят перемены в отношении самих людей к семье и к своим детям, население страны будет уменьшаться на четверть. Разрушение традиций отношения к старшему поколению в русских семьях в значительной степени связано с тем, что вся энергия молодых направлена на выживание и утверждение в неустойчивой конкурентно-рыночной и общественно-политической среде, на это же расходуется их основное время. Идиллические бабушки, посвятившие себя воспитанию внуков, в большинстве своем также остались в советском прошлом¹⁶. Сейчас в период появления внуков люди старшего поколения вынужденно предпочитают работать (фактически работающих пенсионеров сегодня вдвое больше, чем в 1985 г.) и во многих случаях больше материально помогают детям и внукам, чем те – им. Вопреки прогнозам начала 90-х годов, отцы и матери оказались более подготовлены к любым жизненным переменам, чем их дети. И становится понятным, почему по большинству кодов причин смерти на

¹⁴ См.: Лексин В.Н. Обычная русская семья в период трансформации института семьи: Опыт системной диагностики. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011.

¹⁵ Об этом в своих выступлениях неоднократно говорил профессор А.И. Антонов (МГУ), известнейший отечественный демограф.

¹⁶ Еще в конце 80-х – начале 90-х годов социологи отметили появление «новых бабушек», предложивших своим внукам обращаться к перешедшим на молодежную моду бабушкам только по именам (просто Катя, Надя и т.д.).

территориях с мусульмански ориентированным отношением к семье соответствующие коэффициенты смертности минимальны.

Самым явным симптомом болезни российского общества я считаю его *неосознанную ориентацию на последовательное вымирание*. Параметры этого смертельного заболевания общества представлены в отчете Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ «Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития» (июнь 2020 г.).

ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ

«Во времена короля Хлодвига, – говорит Р.М. Рильке устами своего alter ego, – умирали здесь на немногих кроватях. Теперь умирают на пятистах пятидесяти девяти. Разумеется, фабричным способом. При такой огромной продукции каждая смерть уж не отделяется столь тщательно; но ведь это неважно... Кому нынче нужна безупречно выполненная смерть? Никому... Желание умереть своей собственной смертью встречается реже и реже. Еще немного, и она станет такой же редкостью, как своя собственная жизнь. Господи! Ведь как бывает. Ты приходишь, жизнь тебя поджидает, готовенькая, остается только в нее влезть. Ты хочешь, или тебя принуждают уйти – и опять ни малейших усилий. *Voila votre mort, monsieur*¹⁷. Умираешь как попало. Умираешь той смертью, которая положена твоей болезнью... а не данному лицу» [19]. В XX веке и в начале нового тысячелетия такие или схожие с ними сетования на непочтительность отношения к смерти стали редкостью, и люди (по крайней мере люди общества потребления), даже соблюдая привычные обычаи, идут «в ногу со временем», т.е. стараются минимизировать затраты времени и душевного беспокойства, связанные со смертью родных и знакомых.

О смене отношения к смерти на каждой ступени существования человечества писал в своем замечательном труде Ф. Аррес, который

¹⁷ Вот ваша смерть, сударь (фр.).

остроумно назвал смерть времен Средневековья «прирученной смертью», а нашего времени – «перевернутой смертью» [5]. Она действительно «перевернута»: стали привычными одинокая кончина в больнице, скорый приход чужого профессионала, предлагающего организовать погребение, удобная и нехлопотная кремация, отпевание православного человека иногда непосредственно в морге, заказанные в столовой, кафе или ресторане поминки и их более скромное продолжение на девятый и на сороковой день. Стали привычными аплодисменты при выносе гроба с телом популярных артистов. Изменилось и вошло в привычку многое, но смерть как досадное явление повседневной рутины осталась той же, и по-прежнему люди стараются от нее скорее отмежеваться. Привычное приглушенное памятование о смерти родителей и друзей, а тем более о грядущей собственной кончине стало часто замещаться мастерски поданными и способными выдать слезу теле- и радиопередачами о последних месяцах (днях) жизни и о смерти популярных артистов и деятелей шоу-бизнеса. На эти сюжеты появились даже постоянные телепрограммы, которые с разной степенью скорбности ведут известные деятели театра и кино. Повествуют о предсмертной заброшенности бывшей знаменитости, о забывчивости близких, о скандальных отношениях родителей и детей сразу после похорон родного человека, выступают с воспоминаниями неутешные и быстро утешившиеся вдовушки и вдовцы.

В современном отношении к смерти зримо воплощается одно из направлений современной западной философии, отразившее характерные для нашего времени расхождение реальности и ее видимости, «неподлинность» повседневного бытия и перенасыщенность его иллюзорными смыслами. Об этом в той или иной степени писали многие (в том числе хорошо знакомые нашему читателю Р. Барт, Г. Маркузе, Ж. Батай и М. Бланшо), но исследование феномена неподлинности смерти получило, по моей оценке, предельное выражение в трудах Ж. Бодрийяра, который, следуя своему принципу «радикализации гипотез», заменяет бартовский «миф» как ложный, но укрепившийся в культуре смысл [7] более радикальным понятием «симулякр». Это понятие – не философский «новояз», ведь понятием

«симулякр» (мнимые подобию и даже подобию мнимости) в несколько ином, чем у Ж. Бодрийяра, значении пользовались, например, и Платон, и Ж. Делез, но Ж. Бодрийяр применял его не для характеристики естественного отличия настоящего от его идеального образа, а для описания увиденного им в нашей обычной жизни торжества специально создаваемых симулякров, в том числе и всего относящегося к смерти.

В книге «Символический обмен и смерть», говоря о «важнейшем вкладе М. Фуко в подлинную историю культуры, в Генеалогию Дискриминации», Ж. Бодрийяр напоминает о том, что «есть еще один акт исключения, который состоялся раньше всех других и был радикальнее, чем исключение безумцев, детей и низших рас, который предшествовал им и служил для них образцом, который вообще лежит в основе всей “рациональности” нашей культуры: это исключение мертвых и смерти» [8, с. 233]. Философия Ж. Бодрийяра зиждется на порицании общественных отношений, основанных на принципах безличностной универсализации. В главе «Политическая экономика и смерть. Выдворение мертвых» он пишет: «Мало-помалу мертвые перестают существовать»¹⁸... Ибо сегодня *быть мертвым – ненормально... быть мертвым – совершенно немыслимая аномалия... Смерть – это антиобщественное, неисправимо отклоняющееся поведение*» [8, с. 234]. Отталкиваясь от возведенного в абсолют «основополагающего закона символического обязательства», Ж. Бодрийяр (в главе «Послежитие, или Эквивалентная смерть») считает «справедливым сказать, что гонимые и изолируемые от живых мертвые и нас, живых, обрекают на эквивалентную смерть – ибо все равно действует, на благо или во зло» [8, с. 235]. Приводя пример безумия как *раздела* между безумными и нормальными, он показывает, что «вопреки безрассудным иллюзиям живых, мнящих себя живыми при исключении мертвых... нерушимая логика символического обмена восстанавливает эквивалентность жизни и смерти в форме безразлично-фатального послежития» [Там же]. И отсюда – жесткий вывод, представляющийся естественным в пределах языка и логики Ж. Бод-

¹⁸ Здесь и далее курсив Ж. Бодрийяра.

рийяра: «когда смерть вытесняется в послежитие, то, в силу хорошо известного возвратного процесса, и сама жизнь оказывается всего лишь доживанием, детерминированным смертью (выделено мной. – В.Л.)».

«Символический обмен и смерть» может показаться пестрым собранием парадоксов, сгруппированных в небольшие главы с многоговорящими названиями¹⁹. Но эта «пестрота» иллюзорна, ибо на всем протяжении текста Ж. Бодрийяр, поворачивая разными гранями главный предмет книги, по сути дела, говорит об одном и том же – о вытеснении смерти в виртуальную и иную нереальность. «Наша культура, – пишет Ж. Бодрийяр, – сплошь гигиенична – она стремится очистить жизнь от смерти... поместить в защитную оболочку, подкрасить и “оформить”, преследуя ее столь же ожесточенно, как грязь, секс или бактериологические и радиоактивные отходы» [8, с. 315]. И в другом месте: «Почитание мертвых идет на убыль. На кладбищах участки предоставляются на срок, вечных концессий больше нет... Не стало больше торжественной смерти в семейном кругу, теперь люди умирают в больницах – смерть сделалась экстерриториальной. Умиравший теряет свои права, включая право знать, что он умирает. Смерть непристойна и неудобна; таким же становится и траур – считается хорошим тоном его скрывать, ведь это может оскорбить других людей в их убогатости. Приличие запрещает любые упоминания о смерти... Смерть больше не вызывает головокружения – она упразднена. И огромная по масштабам коммерция вокруг смерти – больше не признак благочестия, а именно знак упразднения, потребления смерти» [8, с. 318]. Слова горькие и правдивые.

¹⁹ «Death power», «Обмен смерти при первобытном строе», «Символическое/реальное/воображаемое», «Бессознательное и первобытный строй», «Политическая экономия и смерть», «Двойник и раздвоение», «Влечение к смерти», «Упразднения смерти», «Смерть у Батая», «Смерть моя повсюду, смерть моя в мечтах», «Смерть точечная», «Смерть биологическая», «Несчастный случай и катастрофа», «Естественная смерть», «Старость и третий возраст», «Шантаж безопасностью», «Funeral homes и катакомбы», «Обмен болезни», «Сексуализированная смерть, смертоносность пола».

* * *

Представленный читателю текст – не о смерти, а о жизни, о нашей жизни, которая переполнена быстро забываемой информацией о смерти. Смерть каждого человека – сложнейшее социальное явление, причины и следствия которого столь же разнообразны, как и жизнь, в том числе пространственно опосредованная. Часто говорят: «страшусь не смерти, а умирания», т.е. угасания (физически и морально ощущаемого) жизненных функций, появления неизбежных возрастных недугов и усиливающегося одиночества. Но в России страшно не только умирать, но и почувствовать себя пожилым человеком, а это тяжелейшая социальная проблема десятков миллионов наших сограждан. Поэтому в продолжение этой публикации я надеюсь предложить читателю систематизированные материалы о том, как у нас «доживают до старости», насколько результативна паллиативная помощь и зачем существуют хосписы, почему концепция active aging разбивается об отечественные реалии эйджизма, как пытаются «обмануть старость» и выйти «за пределы естества», и даже дерзну изложить свой ответ на вопрос о том, «сколько нужно жить».

Список источников

1. Агафонов Н.Т. Региональная экономико-демографическая обстановка (основные положения концепции) // Социальная география Калининградской области. – Калининград: Калинингр. гос. ун-т, 1982. – С. 26–35.
2. Андреев Е.М., Вишневский А.Г. Вызов высокой смертности в России // Народонаселение. – 2004. – № 3. – С. 75–84.
3. Андреев Е.М., Добровольская В.М., Шабуров К.Ю. Этническая дифференциация смертности // Социологические исследования. – 1992. – № 7. – С. 43–49.
4. Андреев Е.М., Збарская И.А. Статистика смертности в России от причин алкогольной этиологии // Вопросы статистики. – 2009. – № 8. – С. 44–50.
5. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. – М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – 528 с.
6. Балина Т.А., Пономарева З.В., Чекушева Л.Ю. Территориальные особенности демографических процессов в регионах России: анализ и типология // Вестник Пермск. нац. исслед. политехн. ун-та. Социально-экономические науки. – 2019. – № 4. – С. 31–43.
7. Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, Универс, 1994. – С. 72–130.
8. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: КДУ, Добросвет, 2008.

9. *Валентей Д.И.* О системе демографических знаний // Вопросы экономики. – 1973. – № 5. – С. 74–84.
10. *Георгиевская Ю.В.* Социологическое исследование наркомании как наиболее социально опасной формы девиантных отклонений молодежи // Наука. Культура. Общество. – 2020. – Т. 26, № 3. – С. 43–55.
11. *Емельянова Л.Л., Ежова В.К.* Типология геодемографической обстановки в регионах Северо-Запада России // Вестник Балт. федер. ун-та им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. – 2018. – № 4. – С. 33–46.
12. *Злокачественные новообразования в России в 2020 г.* / Под ред. А.Д. Коприна, В.В. Старинского, А.О. Шахзадовой. – М.: МНИОИ им. П.А. Герцена, 2021. – 252 с.
13. *Кашепов А.В.* Ковидный мультипликатор смертности, или Новый методический подход к анализу избыточной смертности населения в 2020–2021 гг. // Социально-трудовые исследования. – 2021. – № 44 (3). – С. 54–64.
14. *Костарнова Н., Осипов А.* Коронавирус отложил рак до поздних стадий: Из-за пандемии в России может вырасти число запущенных случаев онкологии // Коммерсантъ. – 2022. – № 21/П. – С. 1.
15. *Максимова Л.В.* Медицинская география в Институте географии РАН // Известия РАН. Серия географическая. – 2011. – № 2. – С. 127–132.
16. *Михеева А.Р.* Рождаемость и брачность в современной Сибири: опыт анализа на макро- и микроуровне // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Социально-экономические науки. – 2005. – Т. 5, вып. 2. – С. 83–99.
17. *Новосельский С.А.* Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России // Календарь для врачей всех ведомств за 1916 г. Ч. 2. – Петроград, 1916. – С. 14–94.
18. *Положихина М.А.* Смертность в период пандемии COVID-19 и направления снижения риска: предварительные итоги 2020 г. // Экономические и социальные проблемы России. – 2021. – № 2. – С. 50–73.
19. *Рильке Р.М.* Записки Мальте Лауридаса Бригге // Рильке Р.М. Проза поэта. – М.: Вагриус, 2001. – С. 16–17.
20. *Рыбаковский Л.Л.* Прикладная демография. – М.: ИСПИ РАН, 2003. – 206 с.
21. *Рыбаковский Л.Л.* Россия и новое зарубежье: миграционный обмен и его влияние на демографическую динамику. – М.: ИСПИ РАН, 1996. – 55 с.
22. *Савченко С.В., Грицингер В.А., Тихонов В.В., Ламанов А.Н., Новоселов В.П., Кошляк Д.А.* Клинико-анатомический анализ летальности от COVID-19 при скоропостижной смерти и у умерших в лечебно-профилактических учреждениях // Судебно-медицинская экспертиза. – 2021. – № 64 (3). – С. 5–10.
23. *Сафиуллин Р.Г.* Геодемографический фактор развития регионов России: реальность и перспективы // Фундаментальные исследования. – 2019. – № 12, ч. 1. – С. 181–185.
24. *Система знаний о народонаселении* / Под ред. Д.И. Валентея. – М.: Статистика, 1976. – 367 с.

25. Сковорцова В.И. Снижение заболеваемости, смертности и инвалидности от инсульта // Инсульт: Приложение к журналу неврологии и психиатрии. – 2007. – Вып. 1. – С. 25–27.

26. Сковорцова В.И., Чазова И.Е., Стаховская Л.В. Вторичная профилактика инсульта. – М.: ПАГРИ, 2002.

27. Смирнов А.Ю. Анализ смертности от коронавирусной инфекции в России // Народонаселение. – 2021. – Т. 24, № 2. – С. 76–86.

28. Федоров Г.М. Геодемографическая обстановка: Теоретические и методические основы. – Л.: Наука, 1984. – 112 с.

29. Федоров Г.М. Об актуальных направлениях геодемографических исследований в России // Балтийский регион. – 2014. – № 2 (20). – С. 7–28.

Информация об авторе

Лексин Владимир Николаевич (Россия, Москва) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН (117312, Москва, просп. 60-летия Октября, 9). E-mail: leksinvn@yandex.ru.

DOI: 10.15372/REG20230204

Region: Economics & Sociology, 2023, No. 2 (118), p. 88–120

V.N. Leksin

DEATH IN RUSSIA: EXPLORING THE WHAT, WHERE, AND HOW

The article attempts to explore death as a social phenomenon, where statistical indicators of mortality are provided only to describe their nationwide, regional, and ethnic scopes. Focusing on the social aspects of the causes of death, we divide them into the diseases of the flesh, diseases of the spirit, and diseases of society. Among the latter, highlighted is the impact of the unstable and inconsistent situation in Russia and the crisis of family relationships on mortality rates. We also present evidence of a steady variation in the spatial distribution of mortality, which can be attributed not only to living conditions in specific areas but also to ethnic factors, such as the outstripping decline of the Russian population. The article acknowledges the significant role of Russian geographers in the study of the relationship between mortality and specific

socio-economic and other factors of different territories, i.e., the geodemographic doctrine. Furthermore, it discusses the causes and forms of the changing attitudes toward death. The covered topics are closely linked to the unique challenges associated with aging and old age in Russia, which will be brought to light in a subsequent publication.

Keywords: mortality; geodemography; causes of death; diseases of the flesh; diseases of the spirit; diseases of society; simulacrum

For citation: *Leksin, V.N. (2023). Ot chego, gde i kak umirayut v Rossii [Death in Russia: exploring the what, where, and how]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (118), 88–120. DOI: 10.15372/REG20230204.*

References

1. *Agafonov, N.T. (1982). Regionalnaya ekonomiko-demograficheskaya obstanovka (osnovnye polozheniya kontseptsii) [Regional economic and demographic situation: The main provisions of the concept]. Sotsialnaya geografiya Kaliningradskoy oblasti [Social Geography of the Kaliningrad Region], Kaliningrad State University, 26–35.*
2. *Andreev, E.M. & A.G. Vishnevsky. (2004). Vyzov vysokoy smernosti v Rossii [Challenge of high mortality in Russia]. Narodonaselenie [Population], 3, 75–84.*
3. *Andreev, E.M., V.M. Dobrovolskaya & K.Yu. Shaburov. (1992). Etnicheskaya differentsiatsiya smernosti [Ethnic differentiation of mortality]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Research], 7, 43–49.*
4. *Andreev, E.M. & I.A. Zbarskaya. (2009). Statistika smernosti v Rossii ot prichin alkogolnoy etiologii [Statistics of mortality in Russia caused by alcoholic ethiology]. Voprosy statistiki [Issues of Statistics], 8, 44–50.*
5. *Aries, Ph. (1992). Chelovek pered litsom smerti [The Human Encounter with Death]. Moscow, Progress Publ., Progress-Akademiya Publ., 528.*
6. *Balina, T.A., Z.V. Ponomareva & L.Yu. Chekmeneva. (2019). Territorialnye osobennosti demograficheskikh protsessov v regionakh Rossii. Analiz i tipologiya [Territorial features of demographic processes in the regions of Russia: Analysis and typology]. Vestn. Permsk. nats. issled. politekhn. un-ta. Sotsialno-ekonomicheskie nauki [PNRPU Sociology and Economics Bulletin], 4, 31–43.*
7. *Bart, R. (1994). Mif segodnya [The myth of today]. In: R. Bart. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress Publ. Group, Univers Publ., 72–130.*
8. *Baudrillard, J. (2008). Simvolicheskiy obmen i smert [Symbolic Exchange and Death]. Moscow, KDU Publ., Dobrosvet Publ.*
9. *Valentey, D.I. (1973). O sisteme demograficheskikh znaniy [On the system of demographic knowledge]. Voprosy ekonomiki [Issues of Economics], 5, 74–84.*

10. *Georgievskaya, Yu.V.* (2020). Sotsiologicheskoe issledovanie narkomanii kak naibolee sotsialno opasnoy formy deviantnykh otkloneniy molodezhi [Sociological research of drug addiction as the most socially dangerous form of deviant deviations of young people]. *Nauka. Kultura. Obshchestvo*. [Science. Culture. Society], Vol. 26, No. 3, 43–55.
11. *Emelyanova, L.L. & V.K. Ezhova.* (2018). Tipologiya geodemograficheskoy obstanovki v regionakh Severo-Zapada Rossii [Typology of the geodemographic situation in the regions of the north-west of Russia]. *Vestnik Balt. feder. un-ta im. I. Kanta. Ser.: Estestvennye i meditsinskie nauki* [Vestnik IKBFU. Natural and Medical Sciences], 4, 33–46.
12. *Koprin, A.D., V.V. Starinsky & A.O. Shakhzadova* (Eds.). (2021). Zlokachestvennyye novoobrazovaniya v Rossii v 2020 g. [Malignant Neoplasms in 2020 Russia]. P. Hertsen Moscow Oncology Research Institute Publ., 252.
13. *Kashepov, A.V.* (2021). Kovidnyy multiplikator smernosti ili novyy metodicheskiiy podkhod k analizu izbytochnoy smernosti naseleniya v 2020-2021 gg. [COVID mortality multiplier and a new methodological approach to the analysis of excess mortality in 2020-2021]. *Sotsialno-trudovye issledovaniya* [Social & Labor Research], 44 (3), 54–64.
14. *Kostarnova, N. & A. Osipov.* (2022). Koronavirus otlozhil rak do pozdnykh stadiy: Iz-za pandemii v Rossii mozhnet vyrasti chislo zapushchennykh sluchaev onkologii [Coronavirus delayed cancer to late stages: The pandemic could lead to rise in neglected oncology cases in Russia]. *Kommersant*, 21/P, 1.
15. *Maksimova, L.V.* (2011). Meditsinskaya geografiya v Institute geografii RAN [Medical geography in the Institute of Geography]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series], 2, 127–132.
16. *Mikheeva, A.R.* (2005). Rozhdaemost i brachnost v sovremennoy Sibiri. Opyt analiza na makro- i mikrourovne [Fertility and marriage in modern Siberia. Experience of analysis at the macro- and micro-levels]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsialno-ekonomicheskie nauki* [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Social and Economic Sciences], Vol. 5, No. 2, 83–99.
17. *Novoselskiy, S.A.* (1916). Obzor glavneyshikh dannykh po demografii i sanitarnoy statistike Rossii [Overview of the main data on demography and sanitary statistics of Russia]. In: *Kalendar dlya vrachey vsekh vedomstv za 1916 g.* [Calendar for Doctors of All Departments for 1916], Part 2, Petrograd, 14–94.
18. *Polozhikhina, M.A.* (2021). Smertnost v period pandemii COVID-19 i napravleniya snizheniya riska: predvaritelnye itogi 2020 g. [Mortality during the COVID-19 pandemic and risk reduction directions: preliminary results for 2020]. *Ekonomicheskie i sotsialnye problemy Rossii* [Economic and Social Problems of Russia], 2, 50–73.
19. *Rilke, R.M.* (2001). Zapiski Malte Lauridisa Brigge [The Notebooks of Malte Laurids Brigge]. In: *R.M. Rilke. Proza poeta* [Prose of a Poet]. Moscow, Vagrius Publ., 16–17.
20. *Rybakovsky, L.L.* (2003). *Prikladnaya demografiya* [Applied Demography]. Moscow, Institute of Socio-Political Research, 206.
21. *Rybakovsky, L.L.* (1996). *Rossiya i novoe zarubezhye. Migratsionnyy obmen i ego vliyaniye na demograficheskuyu dinamiku* [Russia and the New Abroad: Migration

Exchange and its Impact on Demographic Dynamics]. Moscow, Institute of Socio-Political Research, 55.

22. *Savchenko, S.V., V.A. Gritsinger, V.V. Tikhonov, A.N. Lamanov, V.P. Novoselov & D.A. Koshlyak.* (2021). Kliniko-anatomicheskiy analiz letalnosti ot COVID-19 pri skoropostizhnoy smerti i u umershih v lechebno-profilakticheskikh uchrezhdeniyakh [Clinical and anatomical analysis of mortality from COVID-19 in sudden death and in those who died in health care facilities]. Sudebno-meditsinskaya ekspertiza [Forensic Medical Expertise], 64 (3), 5–10.

23. *Safiullin, R.G.* (2019). Geodemograficheskiy faktor razvitiya regionov Rossii: realnost i perspektivy [Geodemographic factor of development of Russian regions: reality and prospects]. Fundamentalnye issledovaniya [Fundamental Research], No. 12, Part 1, 181–185.

24. *Valentey, D.I.* (Ed.). (1976). Sistema znaniy o narodonaselenii [Population Knowledge System]. Moscow, Statistika Publ., 367.

25. *Skvortsova, V.I.* (2007). Snizhenie zabolevaemosti, smernosti i invalidnosti ot insulta [Reducing incidence, mortality, and disability from stroke]. Insult: Prilozhenie k Zhurnalu nevrologii i psikiatrii [S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry. Stroke], 1, 25–27.

26. *Skvortsova, V.I., I.E. Chazova & L.V. Stakhovskaya.* (2002). Vtorichnaya profilaktika insulta [Secondary Stroke Prophylaxis]. Moscow, PARGI Publ.

27. *Smirnov, A.Yu.* (2021). Analiz smernosti ot koronavirusnoy infektsii v Rossii [Analysis of mortality from the coronavirus infection in Russia]. Narodonaselenie [Population], Vol. 24, No. 2, 76–86.

28. *Fedorov, G.M.* (1984). Geodemograficheskaya obstanovka: Teoreticheskie i metodicheskiye osnovy [Geo-demographic Situation: Theoretical and Methodological Foundations]. Leningrad, Nauka Publ., 112.

29. *Fedorov, G.M.* (2014). Ob aktualnykh napravleniyakh geodemograficheskikh issledovaniy v Rossii [Current issues in the geodemographic studies in Russia]. Baltiyskiy region [The Baltic Region], 2 (20), 7–28.

About Author

Leksin, Vladimir Nikolaevich (Moscow, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher at the Federal Research Center “Computer Science and Control”, Russian Academy of Sciences (9, 60-letiya Oktyabrya Ave., Moscow, 117312, Russia). E-mail: leksinvn@yandex.ru.

Поступила в редколлегию 30.01.2023.

После доработки 02.03.2023.

Принята к публикации 03.03.2023.

© Лексин В.Н., 2023

В.П. Бабинцев, Г.Н. Гайдукова, Ж.А. Шаповал

ФОРМИРОВАНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В РОССИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

В статье анализируется состояние социокультурных оснований формирования субъектности региональных сообществ в современной России, выявляются возможности и ограничения их использования для повышения самостоятельности субъектов РФ в конструировании социальной реальности. Методологическую основу работы составили разрабатываемая рядом зарубежных и отечественных исследователей теория идентичности и теория социокультурной динамики П. Сорокина. Работа опирается на интерпретацию результатов эмпирического социологического исследования «Реновация социокультурных констант как фактор воспроизводства и развития региональных сообществ», проведенного авторами в 2021 г. в Белгородской области. Исследование включало: 1) анкетный опрос населения (N=500; выборка районированная, квотная; в качестве квотных признаков выступали: место жительства, пол, возраст); 2) экспертный опрос (N=30; критерии отбора экспертов: стаж научно-исследовательской работы в сфере социологии, наличие научных публикаций по проблемам социологии культуры и социологии региона); 3) фокус-групповое интервьюирование (три группы: молодежь, работники бюджетных учреждений, относящихся к социокультурной сфере, работники масс-медиа, общее количество участников – 32 чел.).

Выявленная в ходе исследования неготовность большинства респондентов соотносить себя с регионом, дополняемая их сомнениями в наличии сложившегося в его границах сообщества, позволяет сделать заключение о незначительной роли идентичности как предпосылки формирования у регионального сообщества атрибута субъектности. Анализ

диспозиций участников исследования позволяет довольно критически оценить перспективы повышения уровня субъектности регионального сообщества посредством актуализации специфического ценностно-нормативного комплекса, включающего ценности, нормы и образцы поведения, на основе которых возможна консолидация (интеграция) социума.

Ключевые слова: регион; региональное сообщество; субъектность; ценностно-смысловой комплекс; идентичность; социокультурные константы; ценности; социальные нормы; образцы поведения

Для цитирования: Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А. Формирование субъектности региональных сообществ в России: социокультурный аспект // Регион: экономика и социология. – 2023. – № 2 (118). – С. 121–143. DOI: 10.15372/REG20230205.

ВВЕДЕНИЕ

Население любого субъекта Российской Федерации представляет собой потенциальное сообщество, т.е. сформировавшуюся на конкретной территории популяцию, для которой характерно наличие общих интересов, возникающих на их основе межличностных и межгрупповых связей, а также осознание региональной идентичности. Потенциальный характер превращения населения регионов в сообщества определяется противоречивостью их развития. С одной стороны, интеграция регионов является естественным и едва ли не единственно адекватным решением, позволяющим обеспечить воспроизводство и конкурентоспособность в ситуации, когда ресурсы развития становятся все более ограниченными, а число претендентов на них возрастает. Но с другой стороны, в современном обществе существуют довольно жесткие барьеры на пути интеграции локальных территориальных систем. Во-первых, она противоречит глобализации мирового развития, в ходе которой фактически устраняются границы и у человека размываются представления об особенностях и смысле своего существования, на которых базируется региональная идентичность [8, с. 507]. Этот барьер сохраняет свое значение, несмотря на попытки представить глобализацию как глокализацию, подчеркивая тем самым значение локальных субъектов. Во-вторых, в России

оформление региональных сообществ осложнено выстраиванием жесткой вертикали власти, которая фактически (хотя это и не декларируется официально) минимизирует возможности агрегирования и артикулирования региональных интересов.

Между тем тенденция к формированию региональных сообществ объективно детерминирована. И даже не столько наличием очевидных преимуществ у интегрированных и консолидированных социальных ассоциаций по сравнению с разобщенными (снижение уровня конфликтности, возможность эффективной мобилизации ресурсов), сколько тем, что только такое сообщество может быть реальным носителем атрибута субъектности, наличие которого необходимо для стабильного воспроизводства и развития локальных систем.

В научной литературе концепция социальной субъектности разработана в основном применительно к отдельной личности или группе [1; 3; 7; 9; 11], и обычно социальная субъектность трактуется как способность общества, группы или отдельного человека быть творцом социальной реальности [9, с. 146]. В нашем понимании субъектность регионального сообщества представляет собой его способность самостоятельно определять стратегию своего развития в пределах, обозначенных Конституцией и федеральными законами, а также противодействовать скрытому (манипулятивному) воздействию, признаком которого является «десубъективизация» объекта [12].

Процесс обретения региональным сообществом атрибута субъектности не может осуществляться стихийно. Он требует регулирования и саморегулирования, которые могут быть эффективными лишь при учете воздействия на него разноплановых условий и факторов. В настоящее время региональные элиты, ориентированные на формирование субъектности, чаще всего используют административные и политические возможности решения данной задачи, что не всегда приводит к ожидаемым результатам. Как правило, мало внимания уделяется недостаточно исследованным в социологии социокультурным основаниям формирования субъектности, воплощенным в системе ценностно-нормативных комплексов, интериоризированных акторами и выступающих в качестве регулятивов их поведения. Между тем от их состояния в значительной мере зависит превра-

щение региональных сообществ в самостоятельных «игроков» в публичном пространстве.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема, поставленная в настоящем исследовании, определяется наличием противоречия между потребностью у региональных сообществ в современной России в формировании у них атрибута субъектности, детерминированной общей логикой их развития, и дефицитом концептуальных представлений о состоянии социокультурных оснований этого процесса, создающих как возможности, так и ограничения для его реализации.

Предмет данного исследования – социокультурные основания формирования субъектности региональных сообществ в современной России. *Цель* – проанализировать состояние социокультурных оснований формирования субъектности региональных сообществ в современной России, выявив возможности и ограничения их использования для повышения самостоятельности субъектов РФ в конструировании социальной реальности.

Методологическую основу работы составили:

во-первых, разрабатываемая рядом зарубежных (А. Аппадурай [17], К. Джерджен [4], Б. Парекх [18], Э. Эриксон [16] и др.) и отечественных (П.С. Гуревич [2], Д.Н. Замятин [5], И.С. Семененко [8] и др.) исследователей теория идентичности, рассматриваемой как «форма отражения субъективных представлений о себе и о других, утверждающихся в ходе соотнесения себя со значимыми другими» [8, с. 24]. Утверждение региональной (локальной) идентичности в сознании большинства населения интерпретируется как важнейшая социокультурная предпосылка превращения его в сообщество и в перспективе – формирования атрибута субъектности;

во-вторых, теория социокультурной динамики П. Сорокина, в которой обосновывается, что «каждый процесс значимого социального действия состоит из трех компонентов. ...Эти компоненты включают в себя: 1) мыслящих, действующих и реагирующих людей, являющихся субъектами взаимодействия; 2) значения, ценности и нормы,

благодаря которым индивиды взаимодействуют, осознавая их и обмениваясь ими; 3) открытые действия и материальные артефакты как двигатели или проводники, с помощью которых объективируются и социализируются нематериальные значения, ценности и нормы» [13, с. 193]. В контексте теории П. Сорокина представляется возможным рассматривать формирование субъектности регионального сообщества как нелинейный процесс, аттрактором в котором выступает ценностно-нормативный комплекс, интериоризированный большинством населения и представляющий собой своего рода социокультурную константу, способную консолидировать различающиеся по своим интересам группы.

Работа опирается на интерпретацию результатов эмпирического социологического исследования «Реновация социокультурных констант как фактор воспроизводства и развития региональных сообществ», проведенного авторами в 2021 г. в Белгородской области. Исследование включало

- анкетный опрос населения. Выборочная совокупность составила 500 респондентов. Выборка районированная, квотная. В качестве квотных признаков выступали: место жительства; пол; возраст. Статистическая погрешность планировалась на уровне не более 2%;
- экспертный опрос. Выборочная совокупность составила 30 экспертов. Критериями отбора экспертов явились: стаж научно-исследовательской работы в сфере социологии; наличие научных публикаций по проблемам социологии культуры и социологии региона;
- фокус-групповое интервьюирование (три группы, общее количество участников – 32 чел.). В состав фокус-групп входили: 1) молодежь; 2) работники бюджетных учреждений, относящихся к социокультурной сфере; 3) работники масс-медиа.

Поскольку исследование было осуществлено лишь в одном субъекте РФ, его результаты не могут некритически экстраполироваться на территорию всей страны, хотя они отражают некоторые общие для регионов Центральной России тенденции.

Гипотеза исследования включала в себя несколько взаимосвязанных предположений:

- наиболее благоприятные перспективы для формирования субъектности региональных сообществ возникают при условии их консолидации, расширяющей возможности для артикулирования и агрегирования интересов составляющих их групп;
- при этом наличие региональной идентичности в силу ее символического характера создает лишь предпосылку для утверждения атрибута субъектности. Поддержание и реализация его требуют иных аттракторов, которыми могут быть общее дело, личность харизматичного лидера-руководителя, традиции, ценностно-нормативный консенсус;
- два первых аттрактора, как правило, в большинстве субъектов РФ малозначимы из-за высокого уровня социальной дифференциации и деградации института регионального лидерства. Поэтому в своем стремлении (чаще всего непоследовательном и нечетко выраженном) к обретению субъектности региональные элиты обычно апеллируют к традиционным ценностям, нормам и образцам поведения;
- однако чтобы превратиться в аттрактор процесса формирования субъектности регионального сообщества, они должны быть реновированы (восстановлены с учетом современного контекста) и актуализированы в массовом сознании;
- сложность этого процесса заключается в размытости у большинства населения представлений о содержании коллективистских ценностно-нормативных комплексов и в их значительной девальвации.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Результаты исследования подтвердили предположение относительно размытости представлений респондентов о собственной идентичности. Более того, они дают основание для утверждения об относительно невысокой значимости для респондентов региональной идентичности в сравнении с ее иными формами.

Показательно, что только 3,2% респондентов воспринимают себя в качестве представителей региона. Жители Белгородской области ощущают себя прежде всего россиянами (50,2%), жителями своего города или района (20,6%), представителями своего народа (10,6%) (см. таблицу)¹. При этом идентификационные установки различаются у представителей отдельных возрастных когорт. И примечательно, что молодые люди 18–24 лет чаще, чем граждане старших возрастов, идентифицируют себя с регионом.

Но в целом вектор идентификации населения в настоящее время ориентирован преимущественно на макросоциальные общности, хотя следует обратить внимание на то, что изначально можно было ожидать более высокие значения индикаторов, по меньшей мере в отношении российской идентичности. В содержательном плане основанием для такого ожидания служило то, что в последние десятилетия власть предприняла значительные усилия, преимущественно символического характера, направленные на повышение значимости внутреннего имиджа страны. В техническом плане подобное ожидание базировалось на понимании, что респонденты довольно часто выби-

¹ Безусловно, при интерпретации полученных результатов нельзя не учитывать сложности семантического характера, связанные с неоднозначностью формулировок предлагаемых респондентам вариантов ответов. В одном смысловом ряду нами были использованы термины «россиянин», прямо соотносящий человека с государством, рассматриваемым в данном случае как административно-политический и социокультурный феномен, «представитель» (применительно к региону и народу) и «житель» (применительно к городу или району). Недостаточная корректность терминологии в данном случае, на наш взгляд, компенсируется тем, что использованы словосочетания, обычно употребляемые в повседневном общении, вполне понятные участникам опроса. Практика проведенных нами исследований показывает, что в общении термин «россиянин» обычно употребляется для обозначения гражданской идентификации, «житель» – для идентификации с местом проживания (крайне редко говорят «житель России» – в единственном числе), «представитель» – для этнической идентификации (при этом представительство понимается как принадлежность). Несколько сложнее обстоит дело с применением последнего термина в отношении региона; он может быть интерпретирован как указание на участие в работе институтов, в той или иной мере репрезентирующих регион. Однако подобная интерпретация все же является неочевидной, опыт показывает, что обычно его трактуют как равнозначный термину «житель».

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Кем вы себя ощущаете прежде всего?» с учетом возраста, %**

Вариант ответа	Возраст, лет				
	18–24	25–39	40–59	60 и старше	В с е г о
Россиянином	37,04	45,39	60,00	48,57	50,20
Жителем своего города, района	29,63	17,73	16,97	24,29	20,60
Представителем своего народа	5,56	9,22	8,48	16,43	10,60
Гражданином мира	9,26	17,02	4,24	3,57	8,20
Затрудняюсь ответить	5,56	4,26	3,03	2,14	3,40
Представителем своего региона	9,26	1,42	2,42	3,57	3,20
Европейцем	1,85	4,26	1,82	–	2,00
Другое	1,85	0,71	1,81	0,71	1,20
Не ответили	–	–	1,21	0,71	0,60
И т о г о	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

рают первый по порядку вариант ответа, если он прямо не противоречит их установкам.

Полученные результаты мы склонны рассматривать как свидетельство кризиса «больших идентичностей» в относительно стабильной реальности (исследование проводилось до начала специальной военной операции на Украине). Более того, вектор идентичности, скорее всего, и дальше будет все более смещаться в направлении «малых» сообществ, самоорганизующихся на основе семейно-родственных связей, совместной деятельности либо субкультурной специфики. Регион в контексте данного процесса явно проигрывает тем и другим. Прежде всего потому, что его «промежуточное» положение не способствует продуцированию смыслов и значений, привлекательных для большей части населения. В этом контексте региональное сообщество воспринимается многими жителями как симулякр, что и подтвердило проведенное фокусированное интервью. Его участники в большинстве своем вообще усомнились в наличии регионального сообщества.

Достаточно типичными в ходе дискуссии были следующие высказывания. Светлана, работник сферы образования: *«Региональное сообщество характеризует прежде всего сплоченность населения, а также наличие единых ценностей и смыслов, а применительно к нашему региону я не вижу ни первого, ни второго»*. Оксана, представитель СМИ: *«Если раньше людей объединяла вера в светлое будущее и коммунизм, то теперь людям не во что верить. Старшее поколение озлоблено на власть и никому не верит, а молодое поколение зациклено на своих гаджетах и зарабатывании денег и довольно инертно»*.

Участниками фокус-групп была высказана и поддержана идея о том, что регион – это скорее множество различных сообществ (территориальных, профессиональных, по интересам и т.д.), выступающих своего рода корпорациями. Татьяна, представитель СМИ: *«Можно говорить о сформированном региональном сообществе в различных профессиональных сферах»*.

Таким образом, можно с большой долей уверенности утверждать, что в актуальном плане региональная идентичность как предпосылка для оформления сообщества и формирования у него атрибута субъектности фактически не работает, существуя в качестве возможности. Примечательно, что участники фокус-групп не отрицали, а напротив, даже подчеркивали наличие оснований для формирования сообщества, содержащихся в региональной культурно-исторической традиции. Почти абсолютное одобрение получили следующие высказывания. Алина, представитель СМИ: *«Людей сплачивает история их области, края, республики, ценности, которые в нее закладываются. Белгород имеет очень сильную историческую культуру, которая помогает формировать региональное сообщество»*. Олеся, представитель СМИ: *«Регион, во-первых, объединяет история, так как люди стараются ценить традиции и обычаи. Во-вторых, это человеческая сплоченность, которая зарождалась с времен мировых войн»*.

Допуская возможность формирования регионального сообщества, белгородцы связывали ее преимущественно с феноменами ретроархаики. Но при этом многие из них констатировали: значительная часть традиций утрачена и вряд ли может быть возрождена в современных условиях, что создает существенный барьер для утверждения

дения региональной идентичности. Пожалуй, наиболее точно резюмировал суть позиции большинства один из участников. Василий, работник сферы образования: *«В социокультурном смысле уровень воспроизводства региональной идентичности и особенностей низок, что обусловлено десятилетиями унификаторской политики и подавлением региональных особенностей, но это скорее общероссийская проблема. Характерен высокий уровень централизации, отсутствие реального федерализма и местного самоуправления, отрицательная кадровая селекция, в том числе и в сфере культурно-гуманитарной политики».*

Таким образом, неготовность большинства участников исследования соотносить себя с регионом, дополняемая сомнениями в наличии сложившегося в его границах сообщества, позволяет сделать заключение о незначительной роли идентичности как реально действующего фактора формирования у регионального сообщества атрибута субъектности.

Анализ диспозиций участников исследования позволяет также довольно скептически оценить перспективы укрепления свойства субъектности посредством актуализации специфического ценностно-нормативного комплекса. Этот вывод естественным образом следует из оценки высказываний респондентов о характерных для них ценностях, нормах и образцах поведения, на основе которых (при условии их взаимосвязанности и «просоциальности») способен консолидироваться (интегрироваться) социум.

Роль консолидации в данном контексте важна хотя бы уже потому, что консолидация минимизирует возможность внутренних конфликтов, которые препятствуют формированию общей позиции по актуальным проблемам развития. При этом наиболее значительным консолидирующим потенциалом в структуре ценностно-нормативного комплекса обладают ценности. Как резонно заключает В.Н. Кузнецов, «ценностный консенсус – важный фактор функционирования и поддержания стабильности общества на основе согласия, базирующегося на сходстве взглядов или ориентаций относительно значимых ценностей, целей, норм, правил поведения, ролей, отношений власти и т.д. между субъектами социальных отношений» [10, с. 37].

Однако наше исследование выявило, что консенсус имеет место только в отношении ценности семьи и семейного благополучия. Эта ценность значима для 78,2% респондентов. Остальные «просоциальные» ценности разделяют меньшинство участников исследования: справедливость значима для 30,2%, патриотизм – для 24,4%, доброта – для 22,8%, доверие к людям – для 22,2%. Наименьшее значение для жителей Белгородской области имеют ценности интернационализма (5,4%), коллективизма (11,8%) и солидарности (17,2%) (рис. 1). Однозначное преобладание ценности семьи подтверждается и тем, что для большинства опрошенных (73,8%) главной жизненной установкой является семейное счастье (рис. 2).

Полученные результаты не стали неожиданными, они в значительной степени являются следствием дискредитации консолидирующих «просоциальных» ценностей в потребительском обществе. Ука-

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие традиционные ценности представляются вам наиболее значимыми? (укажите не более трех вариантов ответа)», %

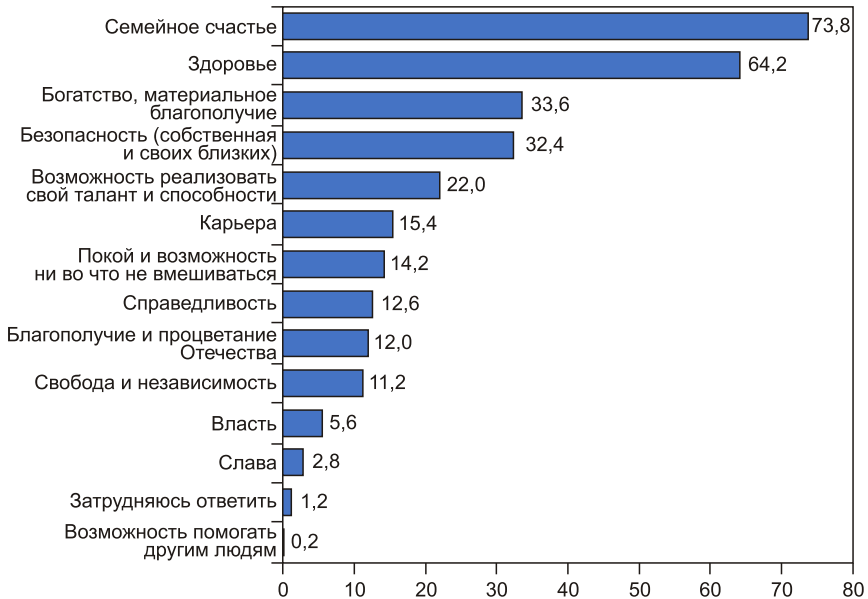

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Что для вас сегодня является главным в жизни?
(укажите не более трех вариантов ответа)», %

зывая на это, А.С. Запесоцкий пишет, что «ценности, выстраданные человечеством за тысячелетия его развития, теряют смысл: труд, честность, патриотизм, уважение к старшим, любовь, дружба, служение закону — все это предано осмеянию и глумлению. Поруганию предаются и такие либеральные ценности, как демократия, свобода слова, равенство перед законом, уважение к личности, право частной собственности. Прямыми производными от этой идеологии являются: тотальная экономическая неэффективность, судебный произвол, коррупция, anomия и социальная дезорганизация, практически всесторонняя деградация социума, разрушение нашего главного национального богатства — великой культуры» [6, с. 138].

При всем позитивном значении ценности семьи вряд ли можно оспорить тезис о том, что она консолидирует людей преимущественно в пределах короткой социальной дистанции, мало влияя на

формирование субъектности всего регионального сообщества. Более того, несмотря на ее «просоциальный» характер, ориентация на семейное счастье в ситуации, когда оно прямо не увязывается с идеей развития субъекта РФ (по модели «благополучная семья – сильная держава»), способна не интегрировать, но в известной мере дезинтегрировать социальное пространство.

Неоднозначно влияет на формирование атрибута субъектности состояние второго компонента ценностно-нормативного комплекса – социальных норм. На первый взгляд, они соблюдаются большинством белгородцев, что объективно способствует интеграции сообщества. Однако нельзя не учитывать структурированность социальных норм, среди которых выделяют правовые нормы, нравственные нормы и обычаи. Отношение респондентов к каждому из этих типов различно. Так, 71,6% респондентов стараются всегда соблюдать законы, но уже только 61,8% – придерживаться нравственных норм и 47,2% – не нарушать обычаи (рис. 3).

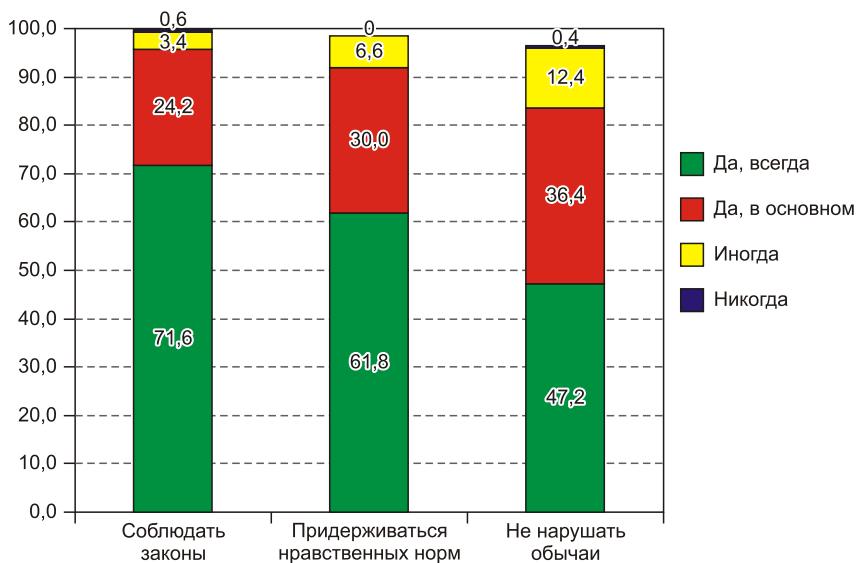

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «В повседневной жизни вы стараетесь ...?», %

Однако, по нашему мнению, последний индикатор не вполне адекватен реальной ситуации. Его относительно низкая величина, скорее всего, обусловлена тем, что обычаи чаще всего связываются с так называемой «стариной». Нередко для их характеристики используют понятие «народные обычаи», сдвигая генезис данного феномена в глубь веков, в то время как в повседневной жизни люди опираются на обычаи, сложившиеся относительно недавно, но тем не менее превратившиеся в устойчивые поведенческие паттерны, которые принимаются автоматически, без глубокой рефлексии. При этом следование обычаям рассматривается не столько как «дань традиции», сколько как своего рода «гарантия» стабильности образа жизни, которая, как бы парадоксально это ни выглядело, востребована даже молодежью, ориентированной преимущественно не на прошлое, а на будущее.

В частности, исследования А.Э. Ушамирского показали, что традиция, сохранение привычного образа жизни высоко оценивается молодыми людьми и входит в число шести наиболее значимых ценностей. Так, средняя оценка у респондентов значимости традиции по шкале от 1 до 10 составила 6,79 балла и оказалась равной оценке ценностной установки на личный успех. Немного более значимы для молодых людей лишь ценности доверия к людям (7,23 балла), благожелательности, готовности помочь другим (7,38 балла), жизни в свое удовольствие (7,06 балла), богатства (6,89 балла) [14, с. 131]². Несмотря на то что эти данные получены шесть лет назад, наши исследования подтверждают: и сегодня обычаи, выступающие наряду с нарративами в качестве важнейших элементов традиции, рассматриваются значительной частью граждан как существенный фактор региональной интеграции. Так, в ходе фокус-группового интервьюирования почти все его участники согласились со следующим

² Данные рассчитаны на основе результатов исследования «Интересы современной молодежи», проведенного А.Э. Ушамирским методом анкетирования в Волгоградской области (2016 г., N=501). Расчет балльных оценок осуществлялся по формуле $x = (h_1 - m) + (h_2 - m_1) + \dots (h_n - m_n) : n$, где $h_1 \dots h_n$ – баллы оценки каждой из позиций; m – количество выборов; n – число респондентов, выбравших позицию.

утверждением. Светлана, работник СМИ: *«Конечно, традиции нужно сохранять и по возможности возобновлять давно забытые, так как они играют очень важную роль в жизни общества. Они являются факторами стабильности общества, чем больше традиций и чем четче они соблюдаются, тем характер сообщества выражен отчетливее, тем сообщество однороднее. Однако стабильность не должна превращаться в неизменность».*

Консолидирующая роль обычаев определяется тем, что в отличие от норм права, которые носят формальный характер, они наполнены реальным содержанием. Зачастую следование обычным практикам становится приоритетным даже по отношению к нравственным нормам, поскольку эти практики поддерживаются договоренностями, предполагающими добровольное принятие сторонами обязанности следовать им и брать на себя ответственность за последствия действий или бездействий.

В условиях, когда правовые и нравственные нормы теряют свое значение и утверждается то, что А.С. Кравченко называет «нормальной аномией», договоренности (конвенции), заключаемые от имени групп интересов их легитимными представителями, превращаются в наиболее надежное основание для интеграции сообществ и обретения ими атрибута субъектности. Однако этот процесс может успешно осуществляться лишь в обществе, для которого характерна развитая культура доверия. Как полагает П. Штомпка, она должна опираться на нормативную согласованность, стабильность социального порядка, прозрачность, социальную организацию, ощущение понятности окружающего мира, подотчетность других людей и институтов [19].

При отсутствии этих оснований, что имеет место в современной России, возникает феномен дефицита доверия, отмечаемый многими исследователями. В частности, исследование «Ценностная солидаризация и общественное доверие в России» (N=2600), которое группа ЦИРКОН проводит с 2018 г., фиксирует тенденцию снижения уровня межличностного доверия. Так, в 2020 г. доля граждан, считающих, что людям можно доверять, составила 31% и уменьшилась по сравнению с 2019 г. на 9,4%, а в сравнении с 2018 г. на 16% [15].

Низкие готовность и способность доверять друг другу оборачиваются на практике усилением фрагментации региональных сооб-

ществ, их деконсолидацией. Так, в ходе проведенного нами исследования «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды» 16 из 18 опрошенных экспертов, указавших на неготовность граждан к объединению, причиной этого назвали именно дефицит доверия (экспертный опрос был проведен авторами статьи в 2022 г., опрошено 50 экспертов – работников сферы государственного и муниципального управления, представителей общественных организаций, научного сообщества в Курской, Белгородской, Воронежской областях).

Крайне неоднозначным представляется состояние третьего компонента ценностно-нормативного комплекса, потенциально способного поддерживать атрибут субъектности региональных сообществ, – доминирующих образцов поведения. Исследование показало, что основная масса населения ориентируется в своей повседневной жизни на подражание близким и родственникам, что является вполне логичным следствием индивидуализации сознания, сосредоточенности его на феноменах, относящихся к непосредственному узкому окружению. Фактически девальвированными являются сегодня символические образы, олицетворяющие собой более широкий по содержанию общественный интерес, идеи социального служения. Показательно, в частности, что персонажи художественной литературы и исторические личности, чьи поведенческие модели обычно реплицируются в качестве типизированных, служат примером лишь для 23,4% респондентов. В то же время треть опрошенных (32,6%) отметили, что не имеют устоявшихся образцов поведения и никому не подражают, а каждый десятый и вовсе затруднился ответить на поставленный вопрос (рис. 4).

Допустимо предположить, что данное обстоятельство является еще одним свидетельством высокого уровня атомизации регионального сообщества, поскольку при всей понятности и естественности ориентации граждан в своих жизненных практиках на ближайшее окружение она означает замещение общих для больших групп населения ориентиров (идеалов) множеством узкогрупповых примеров для подражания. Безусловно, каждый из них может иметь «просоциальное» содержание, стимулировать адекватные ему индивидуальные

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Откуда вы обычно берете образцы для своего поведения?»
(укажите не более трех вариантов ответа)», %

действия, но эти примеры сами по себе не консолидируют региональное сообщество, поскольку радиус их влияния ограничен семейно-родственной или соседской локацией, и тем самым они объективно ограничивают возможности формирования у этого сообщества атрибута субъектности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Принцип федеративного устройства российского государства, закрепляющий формальную самостоятельность его субъектов (крупных административно-территориальных единиц), пределы которой ограничены Конституцией и законами, по-разному рефлексированы в массовом и элитарном сознании. Одним из вариантов такой рефлексии является представление о превращении населения субъекта РФ в региональное сообщество, составляющее целостное образование с общими интересами, и о возможности приобретения им атрибута

субъектности. Субъектность в данном случае фактически становится синонимом реальной самостоятельности и связывается со способностью такого сообщества быть самостоятельным «игроком» в публичном пространстве на федеральном, а иногда и на международном уровне. Сложности, возникающие в связи с попытками целенаправленного формирования субъектности региональных сообществ при помощи экономических, политических и административных мер, заставляют обращаться к проблеме социокультурных оснований данного процесса, создание которых начинает рассматриваться в качестве возможного решения, компенсирующего недостатки иных способов. В структурном отношении эти основания включают в себя, во-первых, утверждение региональной идентичности как важнейшей предпосылки процесса формирования субъектности сообщества и, во-вторых, наличие разделяемого большинством жителей ценностно-нормативного комплекса, выступающего в качестве его аттрактора.

Однако проведенное нами исследование показало, что применительно к российскому региону оба компонента оснований субъектности в настоящее время являются скорее симулякрами, чем реально существующими феноменами публичного дискурса. Региональная идентичность в значительной степени размыта и проигрывает в конкуренции с оппонирующими ей макросоциальной (государственной) и микросоциальной (местной) идентичностями. Ценностно-нормативный комплекс, объединяющий население, фактически отсутствует, поскольку лишь ценность семьи представляется безусловной «просоциальной» ценностью для жителей субъекта РФ. При всей позитивной значимости ценности семьи, поскольку в массовом сознании она жестко не увязана с идеей субъектности сообщества, эта ценность не способна существенно стимулировать формирование региональной идентичности. К тому же индивидуализация и корпоративизация публичного пространства, выступая в качестве дополнительных ограничителей региональной консолидации, минимизируют способность жителей региона выйти за рамки частных и групповых интересов и включиться в процесс конструирования собственного, общего для них, будущего.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 21-18-00150, <https://rscf.ru/project/21-18-00150/>*

Список источников

1. Алиев В.В. Основы исследования социальной субъектности молодежи // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 1. – С. 152–161. DOI: 10.17805/zpu.2015.1.14.
2. Гуревич П.С., Спирова Э.М. Идентичность как социальный и антропологический феномен. – М.: Канон+, 2015. – 367 с.
3. Дарган А.А. Развитие идей о способности субъекта к самостоятельному выбору и современная дискуссия о социальной субъектности // Знание. Понимание. Умение. – 2019. – № 2. – С. 82–94. DOI: 10.17805/zpu.2019.2.7.
4. Джерджен К.Дж. Социальное конструирование и педагогическая практика / Пер. с англ. А.М. Корбута // Образовательные практики: амплификация маргинальности / Под ред. А.А. Забиро. – Минск: Технопринт, 2000. – С. 74–101.
5. Замятин Д.Н. Сопространственность, территориальная идентичность и место: к пониманию политик постмодерна // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2014. – № 2 (3). – С. 4–36.
6. Запесоцкий А.С. Ультралиберальная идея капитализма и деформации общественного развития России // Социологические исследования. – 2013. – № 2. – С. 137–141.
7. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся: Ежегодник. Вып. 15 / Отв. ред. М.К. Горшков. – М., 2017. – С. 12–48.
8. Идентичность: Личность, общество, политика: Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Весь Мир, 2017. – 992 с.
9. Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи: Теоретические вопросы. – М.: Социум, 1999. – 350 с.
10. Кузнецов В.Н. О социологическом смысле идеологии консолидации: геокультурный аспект // Безопасность Евразии. – 2003. – № 3. – С. 7–47.
11. Луков В.А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ. – М.: Канон+, 2012. – 528 с.
12. Нуриджанов А.Э. Социальные технологии скрытого воздействия в управлении предприятиями малого и среднего бизнеса современной России (региональный аспект): Дисс. ... д-ра социол. наук. – Белгород, 2019. – 392 с.
13. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
14. Ушамирский А.Э. Социальный механизм регулирования процесса реализации интересов молодежи в условиях конфликта: Дисс. ... д-ра социол. наук. – Белгород, 2020. – 477 с.
15. Ценностная солидаризация и общественное доверие в России. – URL: <http://doverie.zircon.tilda.ws/> (дата обращения: 02.11.2021).

16. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.
17. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis; London: Univ. of Minnesota Press, 1996.
18. Parekh B. Ethnocentricity of the nationalist discourse // *Nations and Nationalism*. – 1995. – Vol. 1, No. 1. – P. 25–32.
19. Sztompka P. *The Sociology of Social Change*. – Oxford: Blackwell. – 1993. – URL: <http://www.books.google.ru> (дата обращения: 20.09.2022).

Информация об авторах

Бабинцев Валентин Павлович (Россия, Белгород) – доктор философских наук, профессор. Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, Белгород, ул. Победы, 85). E-mail: babintsev@bsu.edu.ru.

Гайдукова Галина Николаевна (Россия, Белгород) – кандидат социологических наук, доцент. Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, Белгород, ул. Победы, 85). E-mail: g_gaidukova@bsu.edu.ru.

Шаповал Жанна Александровна (Россия, Белгород) – кандидат социологических наук, доцент. Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, Белгород, ул. Победы, 85). E-mail: shapoval@bsu.edu.ru.

DOI: 10.15372/REG20230205

Region: Economics & Sociology, 2023, No. 2 (118), p. 121–143

V.P. Babintsev, G.N. Gaidukova, Zh.A. Shapoval

FORMATION OF REGIONAL COMMUNITY SUBJECTNESS IN RUSSIA: A SOCIO-CULTURAL ASPECT

The article aims to analyze the sociocultural foundations that shape the so-called “subjectness” of regional communities in modern Russia and identify their potential and limitations in increasing the autonomy of the Russian Federation’s constituent entities in constructing social reality. To achieve this, we draw upon the identity theory developed by several foreign and

domestic researchers, as well as the sociocultural dynamics theory by P. Sorokin. The research is based on an empirical sociological study, "Renovation of Sociocultural Constants as a Factor of Reproduction and Development of Regional Communities," conducted by the authors in Belgorod Oblast in 2021. The study included three methods of data collection. Firstly, a questionnaire survey was conducted among 500 participants, picked by their place of residence, gender, and age – a zoned quota sampling technique. Secondly, an expert survey was carried out involving 30 experts, who were selected based on their research experience in sociology, as well as their published works on topics related to the sociology of culture and the sociology of region. Finally, the researchers conducted focus-group interviews with 32 participants divided into three groups: youth, employees of budget institutions in the sociocultural field, and mass media workers.

The study revealed that most respondents were not willing to identify themselves with the region, and they had doubts about the existence of a community formed within its borders. Therefore, we conclude that identity plays an insignificant role as a prerequisite for establishing subjectness in regional communities. Additionally, examining the participants' dispositions allows a fairly critical assessment of the potential for increasing the level of subjectness within the regional community. This is done through the actualization of a specific axiological-normative complex, consisting of values, norms, and behavior patterns that can facilitate the consolidation or integration of the society.

Keywords: region; regional community; subjectness; axiological-semantic complex; identity; sociocultural constants; values; social norms; behavior patterns

For citation: Babintsev, V.P., G.N. Gaidukova & Zh.A. Shapoval. (2023). Formirovanie subyektnosti regionalnykh soobshchestv v Rossii: sotsiokulturnyy aspekt [Formation of regional community subjectness in Russia: a socio-cultural aspect]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (118), 121–143. DOI: 10.15372/REG20230205.

The research was carried out within the framework of the project No. 21-18-00150 (<https://rscf.ru/project/21-18-00150/>) supported by a grant from the Russian Science Foundation

References

1. *Aliev, V.V.* (2015). Osnovy issledovaniya sotsialnoy subyektности molodezhi [The foundations of studying social subjectness of the youth]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 1, 152–161. DOI: 10.17805/zpu.2015.1.14.
2. *Gurevich, P.S. & E.M. Spirova.* (2015). Identichnost kak sotsialnyy i antropologicheskiy fenomen [Identity as a Social and Anthropological Phenomenon]. Moscow, Kanon+ Publ., 367.
3. *Dargan, A.A.* (2019). Razvitie idey o sposobnosti subyektа k samostoyatelnomu vyboru i sovremennaya diskussiya o sotsialnoy subyektности [Development of the ideas about a subject's ability to choose and modern discussion on social subjectness]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. [Knowledge. Understanding. Skill], 2, 82–94. DOI: 10.17805/zpu.2019.2.7.
4. *Gergen, K.J.* (2000). Sotsialnoe konstruirovaniye i pedagogicheskaya praktika [Social Construction and Pedagogical Practice]. Transl. from English by A.M. Korbut. In: A.A. Zabirko (Ed.). *Obrazovatelnye praktiki: amplifikatsiya marginalnosti* [Educational Practices: Amplification of Marginality]. Minsk, Tekhnoprint Publ., 74–101.
5. *Zamiatin, D.N.* (2014). Soprotivleniye, territorialnaya identichnost i mesto: k ponimaniyu politik postmoderna [Co-spatiality, territorial identity and place: towards understanding of the politics of postmodernity]. *Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki* [The Arctic XXI century. Humanities], 2 (3), 4–36.
6. *Zapesotskiy, A.S.* (2013). Ultraliberalnaya ideya kapitalizma i deformatsii obshchestvennogo razvitiya Rossii [The ultraliberal idea of capitalism and deformations of social development in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2, 137–141.
7. *Zubok, Yu.A. & V.I. Chuprov.* (2017). Sovremennaya sotsiologiya molodezhi: izmenyayushchayasya realnost i novye teoreticheskie podkhody [Modern youth sociology: changing reality and new theoretical approaches]. In: M.K. Gorshkov (Ed.). *Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik: Vyp. 15* [Russia in Reform: Yearbook: Issue 15]. Moscow, 12–48.
8. *Semenenko, I.S.* (Ed.). (2017). Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika: Entsiklopedicheskoe izdanie [Identity: the Individual, Society, and Politics: An Encyclopedia]. Moscow, Ves Mir Publ., 992.
9. *Kovaleva, A.I. & V.A. Lukov.* (1999). Sotsiologiya molodezhi: Teoreticheskie voprosy [Sociology of Youth: Theoretical Issues]. Moscow, Sotsium Publ., 350.
10. *Kuznetsov, V.N.* (2003). O sotsiologicheskom smysle ideologii konsolidatsii: geokulturnyy aspekt [On sociological meaning of the ideology of consolidation: a geo-cultural aspect]. *Bezopasnost Evrazii* [Eurasian Security], 3, 7–47.
11. *Lukov, V.A.* (2012). Teorii molodezhi: Mezhdistsiplinarnyy analiz [Theories of Youth: Interdisciplinary Analysis]. Moscow, Kanon+ Publ., 528.
12. *Nuridzhanov, A.E.* (2019). Sotsialnye tekhnologii skrytogo vozdeystviya v upravlenii predpriyatiyami malogo i srednego biznesa sovremennoy Rossii (regionalnyy aspekt): Diss. ... d-ra sotsiol. nauk. [Social Technologies of Hidden Impact in the Ma-

nagement of Small and Medium-Sized Businesses in Modern Russia (Regional Aspect): Doctor of Sociology Thesis]. Belgorod, 392.

13. *Sorokin, P.A.* (1992). *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat Publ., 542.

14. *Ushamirskiy, A.E.* (2020). *Sotsialnyy mekhanizm regulirovaniya protsessa realizatsii interesov molodezhi v usloviyakh konflikta: diss. ... d-ra sotsiol. nauk.* [Social Mechanism for Regulating the Process of Youth Interests Implementation in the Conditions of Conflict: Doctor of Sociology Thesis]. Belgorod, 477.

15. *Tsennoostnaya solidarizatsiya i obshchestvennoe doverie v Rossii* [Value Solidarity and Public Trust in Russia]. Available at: <http://doverie.zircon.tilda.ws/> (date of access: 02.11.2021).

16. *Erikson, E.* (1996). *Identichnost: yunost i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Transl. from English. Moscow, Progress Publ., 344.

17. *Appadurai, A.* (1996). *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis; London: Univ. of Minnesota Press.

18. *Parekh, B.* (1995). *Ethnocentricity of the nationalist discourse*. Nations and Nationalism, Vol. 1, No. 1, 25–32.

19. *Sztompka, P.* (1993). *The Sociology of Social Change*. Oxford, Blackwell. Available at: <http://www.books.google.ru> (date of access: 20.09.2022).

About Authors

Babintsev, Valentin Pavlovich (Belgorod, Russia) – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor at Belgorod State National Research University (85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia). E-mail: babintsev@bsu.edu.ru.

Gaidukova, Galina Nikolaevna (Belgorod, Russia) – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor at Belgorod State National Research University (85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia). E-mail: g_gaidukova@bsu.edu.ru.

Shapoval, Zhanna Aleksandrovna (Belgorod, Russia) – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor at Belgorod State National Research University (85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia). E-mail: shapoval@bsu.edu.ru.

Поступила в редколлегию 24.07.2022.

После доработки 17.10.2022.

Принята к публикации 19.10.2022.

Д.А. Ситкевич

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ МИГРАЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Статья посвящена миграционным настроениям в республиках Северного Кавказа, которые являются одними из основных российских регионов – миграционных доноров. Цель работы – выявить экономические и социокультурные факторы, влияющие на предпочтения жителей региона в отношении переезда в другой субъект Федерации или другую страну. Гипотезы исследования заключаются в том, что миграционные настроения на Северном Кавказе связаны как с негативными оценками динамики социально-экономического развития региона, так и с культурными факторами: уровнем доверия, традиционалистскими воззрениями, конформизмом.

Для проверки выдвинутых гипотез был проведен репрезентативный телефонный опрос 1419 жителей Дагестана и Кабардино-Балкарии. Результаты построенных на основании полученных данных регрессий показали, что ключевым фактором, влияющим на миграционные настроения, являются социоэкономические показатели, отражающие возможность самореализации в родном регионе. Респонденты, которые хуже оценивают качество образования и институциональной среды в регионе, при контроле на социодемографические показатели более склонны поддерживать отъезд с Северного Кавказа. Кроме того, готовность уехать прямо связана с восприятием карьеры в крупной компании как оптимальной жизненной стратегии, особенно у молодежи. Значимыми и негативно влияющими на миграционные настроения оказались показатели доверия (закрытого социального капитала у пожилых респондентов и открытого – у молодых) и традиционалистских воззрений респондентов,

в то время как как гипотеза о влиянии конформизма и неконформизма респондентов была отвергнута.

Полученные результаты дают лучшее понимание причин миграции жителей Северного Кавказа и позволяют выделить основные возможные направления мер по сдерживанию утечки мозгов и квалифицированной рабочей силы из региона.

Ключевые слова: миграция; миграционные настроения; Северный Кавказ; институциональная среда; социокультурные ценности; мотивационная теория

Для цитирования: Ситкевич Д.А. Экономические и социокультурные факторы миграционных настроений жителей Северного Кавказа // Регион: экономика и социология. – 2023. – № 2 (118). – С. 144–170. DOI: 10.15372/REG20230206.

Проблема миграции уроженцев национальных республик Северного Кавказа в другие регионы России остается актуальной уже более 30 лет, с начала активных миграционных процессов в регионе. Хотя, как указывает Н.В. Мкртчян [6], качественной статистики в отношении потоков граждан из Северо-Кавказского федерального округа не существует, даже имеющиеся данные позволяют многим экспертам, например М. Кудаевой и И. Редозубову [4], говорить о Северном Кавказе как о регионе – доноре мигрантов. Причина миграции – сохраняющийся в регионе естественный прирост населения при низком уровне экономического развития и высоком (по сравнению с другими субъектами Федерации) уровне безработицы. Подобная ситуация побуждает российские власти даже формировать программы привлечения мигрантов с Северного Кавказа в регионы с недостатком работников. Так, в июле 2022 г. Минтруд предлагал начать выплачивать им «подъемные» деньги в размере более 100 тыс. руб.¹ Утечка мозгов и квалифицированной рабочей силы при этом является существенным барьером для развития региона.

¹ URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/07/18/931911-mintrud-doplachivat-pereezd-natsionalnih>.

Вопросу о том, какие факторы влияют на готовность жителей республик Северного Кавказа переехать в другой регион, обычно уделяется не так много внимания. Большинство работ на тему миграции в целом и миграции северокавказцев в частности посвящено стратегиям адаптации приехавших в новом обществе, а в качестве причин для отъезда авторы указывают различия в потенциальном уровне дохода на Северном Кавказе и в российских мегаполисах, а также в уровне безопасности [10]. В отдельных работах отмечается влияние таких причин, как наличие на новом месте жительства родственных связей [2] и преследования в родном регионе [17]. Однако, как будет далее показано в обзоре литературы, это далеко не единственные факторы, от которых могут зависеть миграционные настроения.

В настоящей работе на основе данных телефонного опроса жителей Республики Дагестан и Кабардино-Балкарской Республики уточнены факторы, влияющие на миграционное поведение жителей Северного Кавказа. Показано, что даже при учете уровня и динамики доходов, а также оценки развития своего региона на предпочтения в отношении миграции оказывают влияние и иные факторы. Так, более готовы мигрировать с Северного Кавказа те, кто при прочих равных ниже оценивает состояние институциональной среды в регионе, а также возможность как накопить, так и реализовать человеческий капитал. Кроме того, на миграционные настроения влияют социокультурные ценности, в особенности закрытый социальный капитал и готовность следовать традициям. При этом, вопреки утверждениям в отдельных работах, на предпочтения относительно переезда не влияют ни воспринимаемый уровень безопасности, ни то, насколько ценностные установки человека совпадают с установками большинства окружающих его людей.

Данная работа построена следующим образом: в первой части представлены теоретические подходы к изучению факторов, влияющих на миграционные настроения, а также сформулированы гипотезы исследования; во второй части описаны методология исследования и использованные данные; третья часть содержит результаты построения эконометрических моделей, которые анализируются в заключительной части статьи.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МИГРАЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ

Базовые работы на тему факторов, влияющих на миграционное поведение, стали появляться в конце 1970-х годов. Так, Р. Селл и Г. Де Йонг [18] предложили «мотивационную теорию» принятия решения о миграции, согласно которой миграционные настроения связаны с теми стимулами и издержками, с которыми сопряжен переезд в другой город. В качестве ключевых факторов принятия решения они выделяют наличие возможности совершить переезд, наличие личных мотивов для переезда (связанных, к примеру, с воссоединением семьи), наличие ожиданий от жизни в новом городе, а также ряд социоэкономических причин. К последним эти авторы относят: то, какие доходы получает человек в своем родном месте жительства и какие он может получать в новом городе; то, насколько у человека состоялась карьера в месте выбытия; наличие тесных связей с родным сообществом; чувство безопасности. Стоит при этом отметить, что данные выводы сделаны на основании построенных авторами теоретических моделей и обзора литературы, количественной же оценки влияния указанных факторов на миграционное поведение в работе не представлено.

Впрочем, стандартные теории, касающиеся принятия решений о миграции, в последние два десятилетия подвергаются критике. Согласно М. Томпсон [19], подобного рода модели в чистом виде не дают ответа на вопрос, почему миграционные потоки с учетом различий в уровне доходов в развитых и развивающихся странах являются достаточно скромными. По ее мнению, культурные факторы (например, наличие «миграционной культуры», в рамках которой в социуме принято уезжать работать в другую страну, или восприятие в национальной культуре понятия «дом») оказывают решающее влияние на готовность человека к переезду. М. Томпсон отмечает существенные различия между странами в «миграционной культуре» и в том, что воспринимается как достойные причины для отъезда. Из-за этого факторы миграционного поведения, важные в одних странах, будут незначимыми в других. Более того, как отмечают М. Чайка, Я. Бияк и Т. Прайк [15], во многих случаях для миграционных решений харак-

терна ориентация на глубоко личные потребности, а сами решения принимаются в условиях высокой неопределенности относительно будущего как в стране выбытия, так и в стране прибытия.

При том что «мотивационная теория» упрощает представление о процессе принятия миграционных решений, существующие эмпирические исследования демонстрируют, что выделенные ею факторы действительно влияют на решения о переезде. Так, в работе Г. Де Йонга [16] на данных из Таиланда показано, что оценка перспективы жизни в своей стране и в чужой стране (насколько там больше зарплаты, выше уровень комфорта, насколько там возможно построить желаемую карьеру) влияет на предпочтения в отношении миграции, причем уровень текущего дохода и уровень образования в данном исследовании оказались незначимыми. Важно и состояние социальных связей: как показало исследование, проведенное в Австралии [14], высокий уровень социального капитала в родной стране негативно влияет на готовность к миграции. Исследование К. Такер и ее коллег [20], основанное на качественных полевых интервью, демонстрирует также роль ожиданий от системы образования: чем они ниже, тем более информанты были готовы уехать в другую страну с целью накопления человеческого капитала.

Существенным фактором также является качество институциональной среды. Как показано в работе Н. Эшби [11], мигранты при выборе места жительства сопоставляют не только уровни дохода, но и то, в какой стране лучше защищены их права и свободы, и поэтому наличие плохо работающих институтов может подтолкнуть их к отъезду в страну с более качественной институциональной средой. Эти предположения подтверждаются и эмпирически: страны, в которых лучше защищены экономические свободы, даже при контроле на уровень дохода более привлекательны для мигрантов. Более того, на решение о миграции может влиять несогласие индивида с существующими в обществе нормами, т.е. миграция выступает реализацией стратегии «выхода» по Хиршману и становится альтернативой протесту [12].

С учетом отмеченного выше влияния «миграционной культуры» на то, как жители страны или региона принимают решение об отъезде,

особый интерес представляют работы о России и Северном Кавказе. Стоит обратить внимание на то, что тема мотивации у кавказцев к отъезду из родного региона в литературе практически не поднимается, чаще анализируется то, как они адаптируются в новой среде. Как отмечалось в начале статьи, основными факторами переезда в данных исследованиях называются неблагоприятная социальная среда на Северном Кавказе, а также наличие родственников в местах переезда.

Более подробно тема факторов миграционного поведения рассмотрена в литературе, посвященной другим регионам. Так, опрос, проведенный в Еврейской автономной области, показал, что респонденты с более высоким уровнем дохода, более престижной работой и «хорошим социально-культурным окружением» [5, с. 135] скорее готовы уехать из региона. Похожее исследование, предпринятое во Владимирской области [7], показало, что менее образованные респонденты, более довольные качеством здравоохранения и работой местных властей, а также те, кто демонстрирует большую приверженность установкам традиционного общества и имеет более крепкие социальные связи, менее склонны думать о переезде в другой регион. Статья Т.Ю. Богомоловой, И.П. Глазыриной и Н.Л. Сидоренко [1] о миграционных настроениях студентов Забайкалья показывает, что ключевым фактором отъезда для респондентов являются невозможность построить успешную карьеру в регионе и невозможность реализовать свой человеческий потенциал. Отдельные исследования фиксируют в качестве фактора миграции неудовлетворенность институциональной средой [8] и качеством образования в своем регионе [3].

На основе обзора литературы можно выдвинуть несколько гипотез о том, от чего зависят миграционные предпочтения жителей Северного Кавказа. Эти гипотезы связаны как с «мотивационной теорией», так и с ее критикой. В большинстве работ отмечается, насколько важны при принятии решения о переезде те условия и возможности, которые доступны человеку в своем регионе. Поэтому первая гипотеза формулируется следующим образом.

Н1: Низкая оценка социально-экономического развития Северного Кавказа оказывает положительное влияние на желание мигрировать из региона.

Вторая гипотеза связана с карьерными перспективами жителей Северного Кавказа. Для данного региона характерна меньшая распространенность крупного бизнеса (в том числе и меньшее присутствие представленных на федеральном уровне корпораций) при широком распространении малого бизнеса и индивидуального предпринимательства [9]. Для тех же, кто не планирует открывать свое дело или идти на госслужбу, а хочет работать в крупной компании, миграция может стать разрешением проблемы.

Н2: Предпочтение крупной компании как оптимальной карьерной траектории оказывает положительное влияние на желание мигрировать из региона.

Третья и четвертая гипотезы связаны с тем, как социокультурные ценности влияют на готовность уезжать в другой город. Хотя имеющаяся литература говорит нам о том, что культура и социальный капитал могут оказывать существенное влияние на принятие решения о переезде, в работах на эту тему преимущественно не делаются поправки на экономическое положение региона и страны выбытия, а также не учитывается северокавказская специфика: низкий уровень обобщенного доверия при больших запасах закрытого социального капитала, наблюдаемого особенно в традиционалистской части общества². Поэтому мы проверим следующие гипотезы.

Н3: Наличие как закрытого, так и открытого социального капитала внутри региона оказывает негативное влияние на желание мигрировать из региона.

Н4: Более традиционалистские воззрения человека оказывают негативное влияние на желание мигрировать из региона.

Пятая гипотеза связана с тем, как общественные воззрения человека влияют на его готовность к отъезду. Хотя имеющиеся исследования говорят о том, что несогласие с доминирующими в обществе взглядами может приводить к желанию мигрировать, возможно, на Кавказе, несмотря на наличие конфликтов в регионе, данный фактор

² Подробнее см.: Ситкевич Д.А. Социальный капитал в модернизирующемся обществе: пример Дагестана // Экономическая социология. – 2021. – Т. 22, № 3. – С. 11–38.

будет не таким значимым. Тем не менее гипотеза сформулирована следующим образом.

H5: Менее конформистские взгляды человека оказывают положительное влияние на желание мигрировать из региона.

ДАННЫЕ И МЕТОДОЛОГИЯ

Для проверки выдвинутых гипотез нами будут использоваться данные социологического исследования, проведенного в октябре 2021 г. Институтом прикладных экономических исследований РАНХиГС³ среди жителей двух национальных республик Северного Кавказа: Дагестана и Кабардино-Балкарии. Исследование проводилось путем телефонного опроса по случайной выборке, репрезентативной по полу, проживанию в городской или сельской местности, а также по принадлежности к одной из трех (18–34 года, 35–54 года, 55 лет и старше) возрастных групп. Всего было опрошено 1419 респондентов: 814 из Дагестана и 605 из Кабардино-Балкарии. Из-за неполноты данных было отброшено 36 наблюдений. Описательная статистика представлена в табл. 1.

Как можно заметить, в половозрастной структуре выборки есть незначительные перекосы. Доля опрошенных мужчин в Дагестане чуть выше, чем доля мужчин в населении республики. Данные по возрастным когортам и долям городского населения также несколько отличаются от официальной статистики. Так, в обеих республиках, согласно Росстату, выше доля сельского населения (55% в Дагестане и 48% в Кабардино-Балкарии) и пожилых граждан. Однако, как отмечает И.В. Стародубовская с коллегами [9], качество статистических данных о численности населения на Северном Кавказе оставляет желать лучшего: в регионе плохо учитываются процессы миграции из сел в города, а также смертность, поэтому различия между выборкой и генеральной совокупностью объяснимы.

Для выявления факторов, влияющих на миграционные настроения, в настоящей работе будет использоваться регрессионный анализ:

³ Автор благодарит И.В. Стародубовскую и Д.М. Рогозину за помощь в разработке опросника и организацию социологического исследования.

Таблица 1

Описательная статистика количественного исследования

Демографическая группа	Доля в выборке в Дагестане, %	Доля в выборке в Кабардино-Балкарии, %
Мужчины	56,76	50,08
Женщины	43,24	49,92
Горожане, жители п.г.т.	61,67	64,63
Сельские жители	37,84	35,21
Респонденты 18–34 лет	35,75	31,07
Респонденты 35–54 лет	43,73	40,83
Респонденты 55 лет и старше	20,52	28,10

Примечание: суммарное количество городских и сельских жителей не равно 100% из-за того, что часть респондентов затруднились ответить на вопрос. Далее не ответившие на вопрос о месте жительства исключены из выборки.

Источник: собственные вычисления автора.

будет построено шесть логит-моделей, в каждой из которой зависимой переменной является показатель *migrate*. Сам показатель *migrate* рассчитывается на основе данных, полученных из ответа на вопрос: «Как вы думаете, чтобы добиться успеха в жизни, молодому человеку лучше остаться или уехать из вашего региона?». Переменная принимает значение 1, если респондент выбрал вариант «лучше остаться», или 0 в остальных случаях. Использование подобной формулировки (а не более прямой, когда респондента спрашивают о том, хочет ли он уехать из своего региона) позволяет более точно выявить именно отношение к миграции как жизненной стратегии, а не готовность самого человека уехать, которая во многом может быть связана с личными (например, семейными) причинами⁴.

Статистика ответов на данный вопрос в двух исследуемых регионах представлена в табл. 2. Большинство респондентов (53,63%)

⁴ Хотя вопрос о том, как семья влияет на миграционное поведение, широко исследуется в научной литературе (см., например, [13]), данная тема выходит за рамки настоящей статьи.

Таблица 2

Статистика ответов на вопрос: «Как вы думаете, чтобы добиться успеха в жизни, молодому человеку лучше остаться или уехать из вашего региона?», %

Вариант ответа	Дагестан	Кабардино-Балкария	Общий итог
Лучше остаться	39,19	34,71	37,28
Лучше уехать	52,21	55,54	53,63
Затрудняюсь ответить	8,60	9,75	9,09

Источник: собственные вычисления автора.

считают, что молодому человеку из региона лучше уехать; лишь 37% полагают, что лучше остаться. При этом значительных различий между двумя регионами нет.

В модели 1 будет проверяться, насколько оценка развития региона влияет на готовность респондента уехать. Для этого будут использоваться данные по ответу на вопрос: «Насколько вы удовлетворены развитием вашего региона за последние пять лет?». Переменная, образованная на базе этого вопроса, принимает значение от 1 до 4 в зависимости от степени удовлетворенности положением дел в регионе (1 – «полностью не удовлетворены», 4 – «полностью удовлетворены»)⁵. Ответ на данный вопрос позволяет оценить, насколько в целом респонденты удовлетворены происходящим в регионе. Также в модель будут добавлены контрольные переменные, связанные с регионом, полом, уровнем образования, статусом занятости, статусом обучения, уровнем дохода, проживанием в городе, возрастом (точнее, возрастной когортой, в которую входит респондент) и изменением доходов. Последняя контрольная переменная была получена с помощью косвенного вопроса о том, какие расходы может себе позволить респондент; при этом использовалась стандартная формулировка российских социологических служб. Более подробная информация о контрольных переменных представлена в табл. 3.

⁵ На этот вопрос 69 респондентов ответили «затрудняюсь ответить», из-за чего их пришлось убрать из выборки.

Таблица 3

Контрольные переменные

Регион	1 – респондент из Дагестана, 0 – респондент из Кабардино-Балкарии
Пол	1 – мужчина, 0 – женщина
Образование	1 – есть высшее образование, 0 – нет высшего образования
Занятость	1 – респондент работает, 0 – респондент не работает
Обучение	1 – респондент учится, 0 – респондент не учится
Доход	1 – «не хватает денег даже на еду», 2 – «денег хватает на еду, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги затруднительно», 3 – «денег хватает на еду и одежду, но не можем позволить себе покупку товаров длительного пользования», 4 – «денег хватает на еду, одежду и товары длительного пользования, но не можем себе позволить покупку автомобиля, квартиры», 5 – «средств достаточно, чтобы купить все, что считаем нужным»
Город	1 – респондент живет в городе или п.г.т., 0 – респондент живет в селе
Возраст	1 – респонденту 18–34 года, 2 – респонденту 35–54 года, 3 – респонденту больше 55 лет
Изменение доходов	–1 – за последние 3 года доходы семьи уменьшились; 0 – за последние 3 года доходы семьи не изменились; 1 – за последние 3 года доходы семьи увеличились

Источник: собственные вычисления автора.

В модели 2 будет проверяться, насколько иные характеристики социально-экономического развития региона влияют на миграционные настроения. Для этого кроме контрольных переменных в модель будут добавлены показатели, связанные с удовлетворенностью качеством образования, здравоохранения, безопасностью жизни в регионе, карьерными и предпринимательскими возможностями. Данные показатели были получены на основе вопроса, в котором респондентов просили согласиться или не согласиться со следующими высказываниями.

- В регионе, где вы живете, можно дать детям хорошее образование.

- В регионе, где вы живете, можно получить квалифицированную медицинскую помощь.
- В вашем регионе безопасно жить.
- В регионе, где вы живете, квалифицированные специалисты могут найти хорошую работу без связей и взяток.
- В регионе, где вы живете, можно организовать успешный бизнес без связей и взяток.

Значимость или незначимость первых двух переменных будет определяться тем, насколько на миграционные настроения влияет возможность накопить человеческий капитал в регионе, насколько регион безопасен и насколько качественная в нем институциональная среда.

В *модели 3* будет проверено, насколько карьерные предпочтения респондентов влияют на их готовность уехать. Для этого используется вопрос следующего содержания: «Чем бы вы посоветовали заняться молодому человеку в первую очередь, чтобы добиться успеха в жизни: пойти на госслужбу, открыть свой бизнес, устроиться работать к родственнику или устроиться работать в крупную компанию?». Факт выбора любой из четырех обозначенных альтернатив образует бинарную переменную, которая принимает значение 1, если респондент выбрал эту жизненную стратегию, и 0 во всех остальных случаях.

В *моделях 4* и *5*, кроме контрольных переменных добавлены переменные, связанные с социокультурными ценностями жителей Дагестана и Кабардино-Балкарии. В *модели 4* присутствуют показатели обобщенного доверия (показатель основан на вопросе: «Как вы считаете, большинству людей можно или нельзя доверять?»), бондингового социального капитала (основан на готовности согласиться с утверждением: «Лучше работать с друзьями и родственниками»), а также показатель, связанный с наличием традиционных для региона ценностей (основан на готовности согласиться с утверждением: «Молодежь должна слушаться старших и продолжать семейные традиции»).

Модель 5, в свою очередь, содержит в себе показатели, связанные с предпочтениями в сфере общественных отношений. Они получены с помощью вопроса, в котором респондентов просят согласиться или не согласиться со следующими утверждениями.

- Традиции и нормы моего народа очень важны для меня.
- Религиозные нормы очень важны для меня.
- Я чувствую себя человеком современного мира, живу по его нормам и правилам.

Результаты опроса показывают, что с каждым из этих утверждений согласны около 80% опрошенных, а большинство респондентов (61,4%) согласны со всеми тремя. Данная группа респондентов при этом демонстрирует большую удовлетворенность социально-экономическим развитием региона: так, среднее значение показателя удовлетворенности социально-экономическим развитием у нее составляет 2,36 против 2,02 у всех остальных респондентов. Из этого можно предположить, что согласные со всеми тремя высказываниями являются «конформистами» и чувствуют себя в современном северокавказском обществе более комфортно, чем те, кто отрицает либо традиционные нормы, либо религиозные аспекты жизни, либо современный уклад. Поэтому в модель будут добавлены бинарные переменные, описывающие не согласие с традиционными, религиозными ценностями и ценностями модерна, а наоборот, несогласие с ними и противопоставление их доминирующим в обществе настроениям.

Модель 6 будет построена для проверки устойчивости результатов, полученных в моделях 1–5. Для этого в нее помимо контрольных переменных будут добавлены все независимые переменные из предыдущих моделей, которые оказались значимыми. Кроме того, с целью получения более точных данных по отдельным возрастным группам модели 1–6 будут воспроизведены на выборке респондентов 18–34 лет, на выборке респондентов 35–54 лет и на выборке респондентов старше 55 лет.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Результаты оценивания моделей 1–6 представлены в табл. 4. Как видно из регрессии 1, уровень удовлетворенности развитием региона оказывает значимое отрицательное влияние на предпочтение отъезда из региона. Иными словами, даже при контроле на уровень дохода и его динамику (которые, в отличие от утверждений в некоторых

Таблица 4

Модели 1–6 (зависимая переменная – *migrate*)

Независимая переменная	Модели					
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Регион	–0,344*** (0,123)	–0,248** (0,124)	–0,139 (0,115)	–0,067 (0,117)	–0,114 (0,116)	–0,281** (0,135)
Пол	–0,257** (0,122)	–0,156 (0,124)	–0,252** (0,115)	–0,056 (0,119)	–0,271** (0,116)	–0,099 (0,135)
Образование	–0,057 (0,123)	–0,025 (0,123)	0,066 (0,116)	0,068 (0,117)	0,042 (0,116)	–0,052 (0,133)
Занятость	0,147 (0,128)	0,091 (0,128)	0,185 (0,121)	0,153 (0,123)	0,163 (0,121)	0,115 (0,138)
Обучение	0,210 (0,300)	0,201 (0,310)	–0,134 (0,286)	–0,011 (0,292)	–0,090 (0,286)	0,271 (0,327)
Доход	–0,257*** (0,065)	–0,202*** (0,065)	–0,327*** (0,065)	–0,301*** (0,061)	–0,307*** (0,060)	–0,182*** (0,070)
Город	0,250** (0,126)	0,184 (0,127)	0,277** (0,119)	0,203* (0,121)	0,262** (0,119)	0,059 (0,137)
Возраст	–0,231*** (0,087)	–0,184** (0,087)	–0,167** (0,082)	–0,028 (0,084)	–0,140* (0,082)	–0,202** (0,099)
Изменение доходов	–0,210** (0,095)	–0,218** (0,096)	–0,323*** (0,090)	–0,340*** (0,091)	–0,313*** (0,090)	–0,212** (0,103)
Удовлетворенность развитием региона	–0,639*** (0,063)					–0,418*** (0,071)
Качество образования		–0,832*** (0,133)				–0,761*** (0,133)
Качество медицины		–0,341*** (0,132)				–0,149 (0,144)
Безопасность		–0,462** (0,194)				–0,236 (0,208)
Можно найти работу без связей		–0,750*** (0,155)				–0,534*** (0,167)

Продолжение табл. 4

Независимая переменная	Модели					
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Можно открыть бизнес без связей		−0,754*** (0,138)				−0,730*** (0,147)
Лучше открыть свой бизнес			−0,070 (0,196)			
Пойти на госслужбу			−0,028 (0,216)			
Пойти работать в крупную компанию			0,454** (0,204)			0,516*** (0,147)
Пойти работать к родственникам			0,857** (0,338)			0,941*** (0,334)
Доверие				−0,531*** (0,117)		−0,232* (0,134)
Лучше иметь дело с родственниками				−0,564*** (0,127)		−0,399*** (0,189)
Слушаться старших и продолжать традиции				−0,550*** (0,146)		−0,499*** (0,170)
Традиции неважны					0,381 (0,238)	
Религия неважна					0,340** (0,164)	−0,051 (0,189)
Не человек современного мира					0,609*** (0,161)	0,205 (0,182)
Константа	3,021*** (0,358)	2,778*** (0,373)	1,382*** (0,349)	1,954*** (0,323)	1,251*** (0,305)	3,763*** (0,444)
Кол-во наблюдений	1 324	1 378	1 378	1 378	1 378	1 324

Окончание табл. 4

Независимая переменная	Модели					
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Log Likelihood	–818,797	–805,835	–900,600	–881,774	–899,944	–730,916
Akaike Inf. Crit.	1 659,594	1 641,669	1 829,201	1 789,549	1 825,887	1 507,832
Pseudo R-squared	0,178	0,253	0,194	0,114	0,095	0,314

Примечания: 1) в скобках указаны стандартные ошибки оценок коэффициентов;
2) * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Источник: собственные вычисления автора.

упомянутых в обзоре литературы работах, оказались значимыми) мнение о том, как развивается регион, влияет на готовность из него уехать. При добавлении других значимых переменных в регрессии 6 данная переменная остается значимой. Такой результат получен для всех возрастных групп.

Несколько иные результаты получаются при добавлении в модели других переменных, связанных с социально-экономическим развитием региона. Все пять показателей, добавленных в модель 2, оказались статистически значимыми, однако в итоговой модели 6, которая, судя по значениям псевдо-R-квадрата, является наиболее точной, переменные, связанные с уровнем медицины и безопасностью, перестали оказывать влияние на *migrate*. В то же самое время негативная оценка качества институциональной среды и образования в регионе значительно повышает вероятность того, что респондент скорее предпочтет уехать из него. Между возрастными группами различия наблюдаются в вопросах безопасности и возможности найти хорошую работу (эти факторы, как показано в табл. 5, значимы на 5%-м уровне только для наиболее молодой когорты респондентов).

Что касается переменных, связанных с возможными альтернативами трудоустройства, то, как и предполагалось после обзора литературы, устойчиво значимым оказался показатель, отражающий желание работать в крупной компании. При этом положительно повлияла на предпочтения в отношении миграции также переменная, описы-

Таблица 5

Модели 2 и 6 для разных возрастных когорт (зависимая переменная – *migrate*)

Независимая переменная	Модели					
	(2) 18–34	(2) 35–54	(2) 55+	(6) 18–34	(6) 35–54	(6) 55+
Безопасность	–1,002*** (0,365)	–0,106 (0,270)	–0,582 (0,498)	–0,954** (0,403)	0,158 (0,288)	–1,059* (0,623)
Можно найти работу без связей	–0,917*** (0,257)	–0,451* (0,237)	–1,162*** (0,384)	–0,808*** (0,280)	–0,282 (0,261)	–0,801* (0,437)

Примечания: 1) в скобках указаны стандартные ошибки оценок коэффициентов;
2) * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Источник: собственные вычисления автора.

вающая желание работать у родственников. Выбор иных альтернатив (бизнес или госслужба) не коррелирует с миграционным поведением. Стоит заметить, что среди возрастных когорт, как видно из табл. 6, данные факторы не являются значимыми у респондентов 35–54 лет.

Другими факторами, влияющими на предпочтения в отношении отъезда из региона, являются бондинговый социальный капитал и де-

Таблица 6

Модели 3 и 6 для разных возрастных когорт (зависимая переменная – *migrate*)

Независимая переменная	Модели					
	(3) 18–34	(3) 35–54	(3) 55+	(6) 18–34	(6) 35–54	(6) 55+
Пойти работать в крупную компанию	0,931** (0,381)	0,435 (0,317)	0,020 (0,385)	0,639** (0,274)	0,361 (0,227)	0,554* (0,315)
Пойти работать к родственникам	1,357** (0,600)	0,592 (0,510)	0,913 (0,753)	1,342** (0,619)	0,513 (0,494)	1,551** (0,741)

Примечания: 1) в скобках указаны стандартные ошибки оценок коэффициентов;
2) * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$.

Источник: собственные вычисления автора.

кларирование традиционалистского набора ценностей. Однако по этим вопросам между возрастными когортами наблюдаются существенные различия. Для выборки в целом и предпочтительность работы с родственниками, и мнение о важности традиций негативно влияют на показатель *migrate*. Но при анализе значимости на уровне возрастных когорт (табл. 7) заметно, что бондинговый социальный капитал влияет на миграционные настроения только у наиболее пожилых респондентов, которые наименее склонны мигрировать, тогда как показатель традиционности негативно влияет на желание уехать в большей степени лишь у молодых респондентов. Что касается обобщенного доверия, то при добавлении всех переменных влияние открытого социального капитала на миграционные настроения остается значимым лишь на уровне 10%, однако переменная значима для информантов младше 35 лет.

Незначимыми в итоге оказались и все переменные, связанные с общественными предпочтениями: ни на общей выборке, ни среди возрастных когорт ни одно потенциально конфликтное воззрение не оказало значимого влияния на желание уехать из региона.

Таблица 7

Модели 4 и 6 для разных возрастных когорт (зависимая переменная – *migrate*)

Независимая переменная	Модели					
	(4) 18–34	(4) 35–54	(4) 55+	(6) 18–34	(6) 35–54	(6) 55+
Доверие	–0,758*** (0,204)	–0,404** (0,178)	–0,514** (0,258)	–0,557** (0,240)	0,034 (0,209)	–0,033 (0,321)
Лучше иметь дело с родственниками	–0,400* (0,231)	–0,331* (0,195)	–1,260*** (0,389)	–0,151 (0,280)	–0,207 (0,224)	–1,313*** (0,328)
Слушаться старших и продолжать традиции	–0,773*** (0,233)	–0,550** (0,262)	–0,328 (0,292)	–0,621** (0,286)	–0,519* (0,309)	–0,669* (0,358)

Примечания: 1) в скобках указаны стандартные ошибки оценок коэффициентов;
2) * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Источник: собственные вычисления автора.

Если говорить о контрольных переменных, то значимыми оказались показатели возраста (чем моложе респондент, тем больше вероятность, что он хочет уехать), а также дохода (низкий уровень дохода и его снижение тоже вызывают миграционные настроения). Несколько более склонны к миграции жители Кабардино-Балкарии, хотя данный результат оказался неустойчив. Значимых различий, связанных с полом, местом жительства и статусом занятости, выявлено не было.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ И ВЫВОДЫ

Что говорят полученные результаты в разрезе выдвинутых гипотез? Имеющиеся данные позволяют лишь *частично принять* гипотезу 1. Действительно, даже при контроле на уровень дохода (который, впрочем, в отличие от выводов в статье Г. Де Йонга [16], оказался значимым фактором) некоторые переменные, связанные с удовлетворенностью развитием региона, оказывают влияние на желание мигрировать в другой регион. Однако значимыми оказались именно те показатели, которые наиболее связаны с перспективами проживания в родном регионе, а именно с оценкой динамики его развития, с возможностями по накоплению и реализации человеческого капитала, а также с качеством институциональной среды. При этом влияние качества медицинской системы на готовность уехать при добавлении всех переменных не является значимым, а показатель, связанный с безопасностью, значим лишь для респондентов младше 35 лет. Объяснить это можно тем, что миграционные настроения, как предсказывает «мотивационная теория», вызваны недостатком подходящих условий для профессионального и карьерного развития. Качество системы здравоохранения в этом контексте скорее не может повлиять на решения молодого человека. Плохое экономическое состояние региона, низкое качество системы образования и институтов, напротив, делают возможность самореализации в регионе затруднительной. Характерно, что именно эти показатели при добавлении их в экономические модели наиболее существенно увеличивают коэффициент детерминации, что говорит об их особой важности.

Относительно гипотезы 2 можно однозначно сказать, что она *принимается*. Действительно, те, кто считает оптимальной карьерой работу в крупной компании, не имеют возможности реализовать свои

стремления на Северном Кавказе, что стимулирует их миграционные настроения. Характерно, что данный эффект наблюдается даже при контроле на показатель, отражающий возможность найти в регионе хорошую работу без денег и связей, что указывает на то, что дело не только в клановости, из-за которой действительно сложно найти хорошую вакансию без помощи друзей и родственников, но и в отсутствии желаемых рабочих мест в принципе. Подобного рода эффекты не наблюдаются у тех, кто бы посоветовал открыть бизнес или пойти на госслужбу, что говорит о том, что такого рода карьерные перспективы в Дагестане и Кабардино-Балкарии более реализуемы. Интересным результатом является то, что те, кто бы посоветовал найти работу у родственников, также скорее посоветуют уехать в другой регион. Объяснить это можно тем, что, как показало исследование миграции северокавказцев в Астрахань [2], для них типична адаптация в принимающем сообществе с помощью родственников, которые содействуют им в поиске жилья и работы. Значит, для тех, кто предпочитает работу у родственников, идея переезда в новый город может сопровождаться ожиданиями реализации оптимальной, на их взгляд, карьерной стратегии.

Гипотеза 3, как и гипотеза 1, может быть *принята лишь частично*. Действительно, социальный капитал оказывает влияние на миграционные настроения, однако этот эффект различается у разных возрастных когорт. Так, у самой молодой когорты отрицательное влияние на готовность мигрировать оказывает обобщенное доверие, а у более пожилой когорты – доверие к родственникам. Объяснить это можно также в рамках «мотивационной теории»: крепкие социальные связи (родственники у более пожилых, друзья у более молодых) являются ресурсом, который может создавать стимул оставаться в своем родном регионе.

Что касается гипотезы 4, то она *частично подтвердилась*. Мнение о том, что молодежь должна слушаться старших и соблюдать традиции, сильно отрицательно коррелирует с мнением о том, что из региона лучше уехать, особенно у молодежи. В то же самое время показатель, выраженный через более декларативный вопрос о важности традиций лично для респондента, оказался никак не связан с показателем *migrate*. Скорее всего, это обусловлено тем, что на решение

о миграции влияют внутренние предпочтения человека (которые лучше оцениваются через непрямой вопрос), а не то, готов ли он себя ассоциировать с традиционными нормами и правилами, распространенными в обществе.

Полностью отвергнутой оказалась гипотеза 5. Ни один из показателей, связанных с соотношением себя с общественными взглядами, распространенными в Дагестане и Кабардино-Балкарии, не оказался значимым. Это говорит о том, что даже если у респондента взгляды на распространенные в регионе традиционные регуляторы, на религию или на модернизацию северокавказского общества отличаются от взглядов большинства, это не стимулирует у него миграционные настроения. Значит, несмотря на наличие в регионе определенной традиции миграции, вызванной политическими причинами [17]⁶, для опрошенных ценностные причины не являются ключевыми при формировании мнения о миграции.

Рассуждая о выводах, стоит иметь в виду, что выявленные факторы – далеко не единственные, которые могут влиять на миграционные настроения северокавказцев. Об этом свидетельствует псевдо-R-квадрат у модели 6, который равен 0,314. Данный не очень высокий результат подтверждает имеющуюся критику исследований миграционных настроений: подобного рода решения часто связаны с личными жизненными траекториями, которые крайне сложно оценить с помощью количественных методов. Дальнейшие исследования, в которых выявленные в настоящей статье факторы миграционного поведения контролируются на особую «мигрантскую культуру» и наличие у респондентов ресурсов для адаптации в новом сообществе, могли бы дополнить дискуссию о миграционном поведении.

Тем не менее уже имеющиеся результаты дают существенную информацию о том, что определяет готовность жителей Северного Кавказа мигрировать из своего региона. Помимо уровня дохода и возраста (более молодые и менее состоятельные, как и показывает теория, более склонны поддерживать идею переезда), ключевым факто-

⁶ Стоит, впрочем, отметить тот факт, что в основном подобного рода миграция характерна для Чеченской Республики, а не для регионов, в которых был проведен опрос.

ром оказалось социоэкономическое положение региона. Невозможность накопить качественный человеческий капитал, а также его реализовать, работая в крупной компании, общее недовольство развитием региона и состоянием его институциональной среды тесно связаны с присутствием у респондента миграционных настроений. Кроме того, личные факторы, связанные с наличием социального капитала как вне, так и внутри региона, а также с наличием традиционных поведенческих установок, также влияют на готовность к отъезду из региона: большие консервативность и крепость родственных связей могут удерживать респондента от переезда. Это значит, что первичная причина миграции с Северного Кавказа – именно невозможность реализации себя в регионе и худшие карьерные перспективы по сравнению с другими российскими регионами.

С учетом масштаба тех экономических проблем, с которыми сталкиваются северокавказские республики, а также естественного прироста населения, из-за которого регион еще долго будет оставаться трудоизбыточным, кажется маловероятным (вне зависимости от экономической и социальной политики), чтобы в краткосрочном периоде отток рабочей силы (в особенности высококвалифицированной) с Северного Кавказа прекратился. Однако имеющиеся данные позволяют предположить, что при улучшении качества образования и государственного управления, а также при достижении большего равенства возможностей (до которого, судя по тому, что 60% респондентов не верят, что можно открыть бизнес или найти хорошую работу без связей, далеко) поток мигрантов с Северного Кавказа может существенно уменьшиться. Кроме того, динамичное экономическое развитие позволит создать рабочие места, которые подтолкнут жителей Северного Кавказа к тому, чтобы оставаться в регионе. Так, уже имеющиеся свидетельства из проведенного автором полевого исследования говорят о том, что в дагестанские села, ставшие туристическими центрами, зачастую возвращаются те, кто уехал из них много лет назад. Негативная экономическая динамика, напротив, может усилить миграционные процессы.

*Статья отражает результаты исследований, выполненных в рамках
НИР государственного задания РАНХиГС*

Список источников

1. Богомолова Т.Ю., Глазырина И.П., Сидоренко Н.Л. Приграничье Востока России: миграционные настроения студенческой молодежи // Регион: экономика и социология. – 2013. – № 4 (80). – С. 154–173.
2. Казенин К.И., Стародубровская И.В. Дагестанские мигранты в Астрахани: опыт исследования интеграции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 4. – С. 405–428. DOI: 10.14515/monitoring.2021.4.1901.
3. Корепина Т.А., Леонидова Г.В. Образовательные факторы миграции населения (на примере Вологодской области) // Социальное пространство. – 2018. – № 2 (14). – С. 1–11. DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.2.
4. Кудаева М., Редозубов И. Влияние миграционных потоков на экономическую активность и рынок труда России в целом и региональном аспекте / Банк России. – М., 2021. – 45 с.
5. Кутовая С.В. Миграционные настроения населения Еврейской автономной области // Социологические исследования. – 2014. – № 362 (6). – С. 134–136.
6. Мкртчян Н.В. Миграция на Северном Кавказе сквозь призму несовершенной статистики // Журнал исследований социальной политики. – 2019. – Т. 17, № 1. – С. 7–22. DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-1-7-22.
7. Новиков К.Е. Миграционные настроения во Владимирской области в контексте проблем российской урбанизации // Социологический журнал. – 2014. – № 4. – С. 72–89.
8. Симонян Р.Х. Миграционные настроения российской молодежи: региональный аспект // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – № 142 (6). – С. 313–326. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.16.
9. Стародубровская И.В., Зубаревич Н.В., Интигринова Т.П., Соколов Д.В. Северный Кавказ: модернизационный вызов. – М.: Дело, 2011. – 328 с.
10. Сченснович В. Миграционные процессы на Северном Кавказе (аналитический обзор) // Россия и мусульманский мир. – 2019. – № 4. – С. 23–38. DOI: 10.31249/rimm/2019.04.02.
11. Ashby N.J. Freedom and international migration // Southern Economic Journal. – 2010. – No. 1 (77). – P. 49–62. DOI: 10.4284/sej.2010.77.1.49.
12. Baudassé T., Bazillier R., Issifou I. Migration and institutions: exit and voice (from abroad)? // Journal of Economic Surveys. – 2018. – No. 3 (32). – P. 727–766. DOI: 10.1111/joes.12212.
13. Brugh R.F., McAleese S., Dicker P. Passing through – reasons why migrant doctors in Ireland plan to stay, return home or migrate onwards to new destination countries // Human Resources for Health. – 2016. – Vol. 14, No. 1. – P. 45–54.
14. Clark W.A.V., Lisowski W. Extending the human capital model of migration: The role of risk, place, and social capital in the migration decision // Population, Space and Place. – 2019. – Vol. 25, No. 4. – e2225. DOI: 10.1002/psp.2225.

15. *Czaika M., Bijak J., Prike T.* Migration decision-making and its key dimensions // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science.* – 2021. – Vol. 697, No. 1. – P. 15–31. DOI: 10.1177/00027162211052233.
16. *De Jong G.F.* Expectations, gender, and norms in migration decision-making // *Population studies.* – 2000. – Vol. 54, No. 3. – P. 307–319. DOI: 10.1080/713779089.
17. *Molodikova I.* Muslim refugees from Russia: do the Chechens bring their own “aul” from Chechnya to the EU? // *Muslim Minorities and the Refugee Crisis in Europe* / Ed. by K. Górák-Sosnowska, M. Pachocka and J. Misiuna. – Warsaw: SGH Publishing House, 2019. – P. 119–133.
18. *Sell R.R., Dejong G.F.* Toward a motivational theory of migration decision making // *Journal of Population.* – 1978. – Vol. 1, No. 4. – P. 313–335.
19. *Thompson M.* Migration decision-making: a geographical imaginations approach // *Area.* – 2017. – Vol. 49, No. 1. – P. 77–84. DOI: 10.1111/area.12292.
20. *Tucker C.M., Torres-Perreda P., Minnis A.M., Bautista-Arrendodo S.A.* Migration decision-making among Mexican youth: Individual, family, and community influences // *Hispanic Journal of Behavioral Sciences.* – 2013. – Vol. 35, No. 1. – P. 61–84. DOI: 10.1177/0739986312458563.

Информация об авторе

Ситкевич Даниил Андреевич (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики Института прикладных экономических исследований РАНХиГС (117571, Москва, просп. Вернадского, 84, корп. 9); научный сотрудник лаборатории институционального анализа экономического факультета МГУ (119991, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 46). E-mail: Sitkevich@iepr.ru.

DOI: 10.15372/REG20230206

Region: Economics & Sociology, 2023, No. 2 (118), p. 144–170

D.A. Sitkevich

THE ECONOMIC AND SOCIOCULTURAL FACTORS SHAPING MIGRATION ATTITUDES OF RESIDENTS IN THE NORTH CAUCASUS

The article examines migration attitudes in the North Caucasus republics, which are some of Russia's primary regions that lose population due to migra-

tion. The study aims to identify the economic and sociocultural factors that influence residents when it comes to relocating to another Russian constituent entity or country. We hypothesize that migration attitudes in the North Caucasus are linked to negative evaluations of the region's socio-economic development dynamics and cultural factors such as the level of trust, traditionalist views, and conformity.

To test these hypotheses, a representative telephone survey was conducted among 1,419 residents from Dagestan and Kabardino-Balkaria. The results of the regression analyses based on the data obtained demonstrate that the main factor influencing migration attitudes is socio-economic indicators associated with the possibility of self-fulfillment in the home region. Those who have a lower assessment of the quality of education and institutional environment in the region, when controlling for sociodemographic factors, were more likely to support leaving the North Caucasus. Willingness to relocate is directly related to the perception of working for a large company as an optimal life strategy, which is especially evident among young people. The analysis found that trust indicators (bonding social capital for elders and bridging social capital for youth) and traditionalist views of respondents are statistically significant and negatively affect migration attitudes. However, the analysis did not confirm the hypothesis regarding the influence of conformism and non-conformism.

The study's findings provide insight into the reasons behind North Caucasus residents' migration and identify primary potential measures to curb the outflow of skilled labor from the region.

Keywords: migration; migration attitudes; North Caucasus; institutional environment; sociocultural values; motivational theory

For citation: Sitkevich, D.A. (2023). Ekonomicheskie i sotsiokulturnye faktory migratsionnykh nastroyeniy zhitel'ey Severnogo Kavkaza [The economic and sociocultural factors shaping migration attitudes of residents in the North Caucasus]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (118), 144–170. DOI: 10.15372/REG20230206.

*The article reflects the results of research carried out within
the RANEPA government order*

References

1. *Bogomolova, T.Yu., I.P. Glazyrina & N.L. Sidorenko.* (2013). Prigranichnye Vos-toka Rossii: migratsionnye nastroyeniya studentcheskoy molodezhi [Eastern border-zones of Russia: student-age population's attitudes towards migration]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (80), 154–173.
2. *Kazenin, K.I. & I.V. Starodubrovskaya.* (2021). Dagestanskie migranty v Astrak-hani: opyt issledovaniya integratsii [Daghestanian migrants in Astrakhan: a study of integration processes]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 4, 405–428. DOI: 10.14515/monitoring.2021.4.1901.
3. *Korepina, T.A. & G.V. Leonidova.* (2018). Obrazovatelnye faktory migratsii naseleniya (na primere Vologodskoy oblasti) [Educational factors in population migra-tion (case study of the Vologda Oblast)]. Sotsialnoe prostranstvo [Social Area], 2 (14), 1–11. DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.2.
4. *Kudaeva, M. & I. Redozubov.* (2021). Vliyanie migratsionnykh potokov na ekonomicheskuyu aktivnost i rynek truda Rossii v tselom i regionalnom aspekte [The Impact of Migration Flows on Economic Activity and the Labor Market of Russia in General and in the Regional Aspect]. Moscow, Bank of Russia, 45.
5. *Kutovaya, S.V.* (2014). Migratsionnye nastroyeniya naseleniya Evreyskoy avto-nomnoy oblasti [Migration attitudes of the population of the Jewish Autonomous Oblast]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Research], 362 (6), 134–136.
6. *Mkrtychyan, N.V.* (2019). Migratsiya na Severnom Kavkaze skvoz prizmu neso-vershennoy statistiki [Migration in the North Caucasus and the accuracy of statistics]. Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki [Journal of Social Policy Studies], Vol. 17, No. 1, 7–22. DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-1-7-22.
7. *Novikov, K.E.* (2014). Migratsionnye nastroyeniya vo Vladimirskoy oblasti v kon-tekste problem rossiyskoy urbanizatsii [Migratory intentions in Vladimirskaya oblast in the perspective of Russian urbanization]. Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal], 4, 72–89.
8. *Simonyan, R.Kh.* (2017). Migratsionnye nastroyeniya rossiyskoy molodezhi: regionalnyy aspekt [Migration moods of the Russian youth: a regional dimension]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 142 (6), 313–326. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.16.
9. *Starodubrovskaya, I.V., N.V. Zubarevich, T.P. Intigrinova & D.V. Sokolov.* (2011). Severnyy Kavkaz: modernizatsionnyy vyzov [The North Caucasus: A Moderni-zation Challenge]. Moscow, Delo Publ., 328.
10. *Schensnovich, V.* (2019). Migratsionnye protsessy na Severnom Kavkaze (ana-liticheskii obzor) [Migration processes in the North Caucasus (analytical review)]. Rossiya i musulmanskiy mir [Russia and the Moslem world], 4, 23–38. DOI: 10.31249/rimm/2019.04.02.
11. *Ashby, N.J.* (2010). Freedom and international migration. Southern Economic Journal, 1 (77), 49–62. DOI: 10.4284/sej.2010.77.1.49.

12. *Baudassé, T., R. Bazillier & I. Issifou.* (2018). Migration and institutions: exit and voice (from abroad)? *Journal of Economic Surveys*, 3 (32), 727–766. DOI: 10.1111/joes.12212.
13. *Brugha, R.F., S. McAleese & P. Dicker.* (2016). Passing through – reasons why migrant doctors in Ireland plan to stay, return home or migrate onwards to new destination countries. *Human Resources for Health*, Vol. 14, No. 1, 45–54.
14. *Clark, W.A.V. & W. Lisowski.* (2019). Extending the human capital model of migration: The role of risk, place, and social capital in the migration decision. *Population, Space and Place*, Vol. 25, No. 4, e2225. DOI: 10.1002/psp.2225.
15. *Czaika, M., J. Bijak & T. Prike.* (2021). Migration decision-making and its key dimensions. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, Vol. 697, No. 1, 15–31. DOI: 10.1177/00027162211052233.
16. *De Jong, G.F.* (2000). Expectations, gender, and norms in migration decision-making. *Population Studies*, Vol. 54, No. 3, 307–319. DOI: 10.1080/713779089.
17. *Molodikova, I.* (2019). Muslim refugees from Russia: do the Chechens bring their own “aul” from Chechnya to the EU? In: K. Górak-Sosnowska, M. Pachocka & J. Misiuna (Eds.). *Muslim Minorities and the Refugee Crisis in Europe*. Warsaw, SGH Publishing House, 119–133.
18. *Sell, R.R. & G.F. Dejong.* (1978). Toward a motivational theory of migration decision making. *Journal of Population*, Vol. 1, No. 4, 313–335.
19. *Thompson, M.* (2017). Migration decision-making: a geographical imaginations approach. *Area*, Vol. 49, No. 1, 77–84. DOI: 10.1111/area.12292
20. *Tucker, C.M., P. Torres-Perreda, A.M. Minnis & S.A. Bautista-Arrendodo.* (2013). Migration decision-making among Mexican youth: Individual, family, and community influences. *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*, Vol. 35, No. 1, 61–84. DOI: 10.1177/0739986312458563.

About Author

Sitkevich, Daniil Andreevich (Moscow, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Researcher at the Center for Regional and Urban Studies, Institute of Applied Economic Research, RANEPa (bld. 9, 84, Vernadsky Ave., Moscow, 117571); Researcher at Laboratory for Institutional Analysis, Faculty of Economics, Moscow State University (bld. 46, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991). E-mail: Sitkevich@iep.ru.

Поступила в редколлегию 31.08.2022.

После доработки 13.10.2022.

Принята к публикации 17.10.2022.

© Ситкевич Д.А., 2023

В.Д. Добровлянин, Е.А. Антинескул

РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОРА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ В БОРЬБЕ ЗА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

В статье на материале Пермского края рассматривается культура как один из важнейших факторов и ресурсов в региональной конкурентоспособности. Изложены основные подходы к оценке конкурентоспособности региона. Кратко рассмотрен опыт зарубежных стран, где культура сыграла решающую роль в конкурентной борьбе за человеческий капитал. Предпринята попытка оценить влияние культурного фактора на развитие человеческого капитала Пермского края посредством проведения интервью с экспертным сообществом и регионального опроса студентов. Проведен анализ статистических данных, отражающих динамику показателей развития культуры Пермского края с 2005 по 2020 г. Отдельно проанализирован опыт реализации проекта 2008–2012 гг. «Пермь – культурная столица».

Проведенное исследование показало, что культура может быть важным драйвером развития региона в конкурентной борьбе за человеческий капитал. Выявлены основные факторы конкурентоспособности Пермского края и перспективы его развития, а также произведена оценка культурной ситуации в крае.

Ключевые слова: культура; конкурентоспособность региона; показатели культуры; отток населения; человеческий капитал

Для цитирования: Добровлянин В.Д., Антинескул Е.А. Развитие региональной культуры как фактора конкурентоспособности в борьбе за человеческий капитал // Регион: экономика и социология. – 2023. – № 2 (118). – С. 171–193. DOI: 10.15372/REG20230207.

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА И ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Влияние культурной среды региона на развитие человеческого капитала представляет собой важный научный вопрос. Следует подчеркнуть, что отдельные регионы России недостаточно эффективно используют имеющийся исторически сложившийся культурный потенциал, развитие которого возможно при условии соответствующих управленческих усилий со стороны региональных властей. Недоиспользование культурного потенциала приводит к слабому маркетингу территорий и потере возможных инвестиций. Из-за этого регионы теряют туристические и связанные с ними финансовые потоки. Кроме того, при отсутствии должного культурного развития в регионе нельзя создать благоприятную среду для сохранения и привлечения активной молодежи.

В настоящее время конкуренция между субъектами Российской Федерации за человеческий капитал и социально-экономические ресурсы усиливается. Это обусловлено экономической необходимостью привлечения в регион инвестиций, туристических потоков, укрепления его благоприятного имиджа. По мнению П.А. Булочникова, универсальным целевым ориентиром многомерной функции развития любого региона выступают качественные и количественные характеристики человеческого капитала, что является результирующей множества процессов во всех областях экономической и социальной жизни региона [1].

В.А. Столбов обращает внимание на то, что в системе интересов региона существенное значение имеет развитие культуры как общей средовой характеристики его социально-экономического прогресса. Успешное развитие культуры региона предполагает в первую очередь сохранение, воспроизводство и ретрансляцию позитивных традиций, обычаев, обрядов, черт ментальности, присущих данному социуму [6].

Как отмечает Н. Каверина, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, культуре отводится «ведущая роль в формировании человеческого капитала, создающего экономику знаний» [2, с. 15]. Причина исключительной роли культуры при переходе от сырьевой эко-

номики к инновационной – в повышении профессиональных требований к кадрам, «включая уровень интеллектуального и культурного развития, возможного только в культурной среде, позволяющей осознать цели и нравственные ориентиры развития общества» [Там же].

А.В. Черных считает, что при изучении факторов, влияющих на развитие человеческого капитала региона, следует использовать подход, который предполагает совместное рассмотрение культурных и правовых норм [8].

Обобщая мнения исследователей, можно констатировать, что культура оказывает влияние на развитие человеческого капитала. Поэтому культура является фактором социально-экономического роста регионов.

В настоящей работе под человеческим капиталом мы понимаем совокупность человеческих ресурсов соответствующей территории, направленных на выполнение трудовых и интеллектуальных функций и активизацию индивидуальных способностей, сформированных за счет социальных и культурных инвестиций, что обеспечивает развитие региональной хозяйственной системы и регионального бизнеса. В качестве объекта исследования выбран Пермский край, так как этот регион, во-первых, имеет богатый культурный опыт в своей истории, а во-вторых, одним из первых в России сделал ставку на культуру как источник региональной конкурентоспособности.

По мнению И.Л. Мурзиной, под региональной культурой следует понимать специфическую форму существования социума, обладающую выраженной пространственно-географической локальностью, в основе которой лежат собственная историческая традиция и собственная система ценностей [3]. Л.Е. Фетисова подчеркивает, что одной из основополагающих отличительных черт региональной культуры являются ее взаимообусловленность с другими культурами, взаимовлияние, взаимопроникновение и при этом сохранение своей самобытности [7].

П. Сорин и И.С. Жуку рассматривают культуру как ключевой фактор формирования городской идентичности на основе культурного наследия. Программа «Культурные столицы Европы» создала ценный фундамент, благодаря которому культурное развитие в рамках социально-экономической конкуренции стало основным двигателем прогресса городов [11]. В настоящее время под влиянием гло-

бальных тенденций многие регионы России также обратились к культуре как фактору развития имиджа и обеспечения конкурентных преимуществ.

Таким образом, многими исследователями региональная культура трактуется как результат социокультурного процесса в ограниченной историко-географической среде. Культура может выступать в роли конкурентного фактора в борьбе за человеческий капитал.

Проведем параллель между региональной культурой и корпоративной культурой. Дж. Редмонд и Дж. Шарафизад показали, как корпоративная культура и неденежные факторы могут развивать человеческий капитал и создавать мотивацию внутри коммерческих организаций. Они изучили сферу гостеприимства, которая характеризуется продолжительным рабочим днем и непривлекательными условиями труда, однако проведенное исследование показало положительное влияние корпоративной культуры на рабочем месте на мотивацию и удержание человеческого капитала в бизнесе [10].

Далее приведем примеры некоторых зарубежных стран, где культура сыграла важную роль в становлении города. В частности, рассмотрим «эффект Бильбао». Ничем не примечательный промышленный город в Испании всего за несколько лет превратился в культурный кластер. Это стало возможным за счет успешной трансформации городской среды, а также благодаря комплексной системе мер по развитию культуры города. Основополагающую роль в становлении города сыграл знаменитый Музей Гуггенхайма, открытый в 1997 г. По официальной информации, общая стоимость проекта составила 85 млн евро. Уже в первый год работы Музей Гуггенхайма посетили 1,3 млн чел. С момента открытия и по 2013 г. музей заработал около 3,2 млрд долл. США, т.е. доходы превосходили расходы на строительство более чем в 35 раз. Кроме того, он обеспечивает работой 4,5 тыс. местных жителей. В 2021 г. посетителями музея стали более 500 тыс. чел., что превысило показатели 2020 г. на 68%¹. Вдохновленные успехом Бильбао, другие города – Валенсия, Халл и Доха стали приглашать известных архитекторов для создания объектов культурной среды, которые будут привлекать внимание туристов и инвесторов.

¹ URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/20220516-qlww/> .

Во Франции восприятие Парижа поменяла знаменитая Эйфелева башня, построенная в 1889 г. Эйфелева башня является самой посещаемой достопримечательностью страны. Сегодня во Францию приезжают 90 млн иностранных туристов в год, из них 7 млн посещают Эйфелеву башню. Среднегодовой бюджет объекта превышает 100 млн евро. Согласно отчету за 2018 г., доход башни составил 101 млн евро, а чистая прибыль – 4,98 млн евро².

Еще одним примером города, где культура сыграла ключевую роль в его преобразовании и в развитии человеческого капитала, является румынский город Тимишоара. Город придерживается постиндустриальной модели и непрерывно развивает как культурную, так и творческую индустрию. Развитие на местном уровне посредством экономики, основанной на культурных принципах, является главным приоритетом для местных органов власти [13].

По мнению ряда авторов, в постиндустриальном обществе культура выступает универсальным средством развития и обновления всего общества. Она определяет кардинальные изменения в сферах политики, экономики, социальной поддержки населения. В России культура как фактор социально-экономического роста ее регионов сегодня имеет потенциал дальнейшего развития.

Сложно переоценить положительное влияние культуры на развитие территорий, однако не стоит абсолютизировать ее роль, так как на территориальное развитие непосредственно влияют множество других, не менее важных факторов. В истории культурной политики есть и примеры неудач. В статье Е.К. Соколовой анализируются итоги культурной политики консервативного кабинета Великобритании, пришедшего к управлению страной одновременно с началом экономического кризиса и положившего конец так называемому «золотому веку государственного субсидирования». Автор убедительно демонстрирует, что тезис британских аналитиков, призывающих уравнивать сферу культуры с коммерческой организацией, поставляющей на общемировой и внутренний рынки «культурный товар», пользующийся спросом и формирующий развитие человеческого капитала, оказался

² URL: <https://www.vedomosti.ru/business/characters/2020/02/12/822931-iyule-avguste> .

несостоятельным. В результате такой политики сеть культурных центров и организаций по всей стране была разрушена, были свернуты многие культурные проекты и закрыт ряд театров в регионах [4].

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Проведем анализ культурной ситуации в Пермском крае за три периода – 2005–2010, 2010–2015 и 2015–2020 гг., когда регионом руководили разные губернаторы. Культурная ситуация в крае в эти периоды была различной. Отдельно стоит рассмотреть период с 2005 по 2012 г., когда осуществлялся проект «Пермь – культурная столица», и постпроектный период с 2013 по 2020 г.

Для обоснования набора факторов, влияющих на развитие региональной культуры, дадим определение региональной культуры. Под региональной культурой мы понимаем суммарную совокупность социальных и культурных институтов в пределах некоторой однородной территории, которые так или иначе содержат в себе «культурный код» региона, формирующий его образ как внутри территории, так и за ее границами. Таким образом, региональная культура является одним из факторов обеспечения комфортной жизни населения региона, активизации входящего в регион потока туристов, а также сохранения человеческого капитала.

Выбранные нами показатели не используются в комплексе другими учеными. В рамках данного исследования важно рассмотреть предлагаемые показатели с точки зрения регионального развития и сохранения человеческого капитала. Основными показателями для анализа, которые были получены из государственной статистики, стали: количество объектов социально-культурного назначения в Пермском крае; институции культуры Пермского края; туристический поток в регион; объем инвестиций в региональную культуру; отток населения из края³. Под институциями культуры мы понимаем совокупность общественных учреждений, в рамках которых развивается культура. В данном случае рассматривается совокупность таких ин-

³ URL: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics .

ституты, как библиотеки, организации культурно-досугового типа, музеи, цирки и профессиональные театры.

Рассмотрим показатели формирования социально-культурной среды в Пермском крае. Выбор этих показателей обусловлен основными целями развития культуры региона. Среднее количество объектов социально-культурного назначения Пермского края, введенных в действие с 2005 по 2020 г., представлено в табл. 1.

Количество медицинских учреждений в 2020 г. по сравнению с 2005 г. сильно сократилось, тогда как по остальным показателям наблюдается положительная динамика. Так, количество образовательных учреждений для школьников и студентов в Пермском крае с 2005 по 2020 г. увеличилось почти на 838 ед., дошкольных образовательных учреждений – возросло почти в 8,5 раза, учреждений культуры клубного типа – увеличилось с 125 в 2005 г. до 646 в 2020 г. (в 5 раз). На основании этого можно сделать вывод, что в целом число объектов социально-культурного назначения в Пермском крае в период с 2005 по 2020 г. имеет положительную динамику и позитивно влияет на формирование социально-культурной среды.

Характер и эффективность социальной среды во многом зависят от состояния и развития культуры, под влиянием которой формируется система ценностей и побуждений в области хозяйственной дея-

Таблица 1

**Среднее количество объектов социально-культурного назначения
в Пермском крае по периодам, ед.**

Показатель	2005–2010	2010–2015	2015–2020
Число образовательных учреждений для школьников и студентов	984	788	1822
Число дошкольных культурно-образовательных учреждений	184	1181	1548
Число медицинских учреждений	269	250	97
Число учреждений культуры клубного типа	125	734	646

Источник: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics.

Таблица 2

Среднее количество институций культуры в Пермском крае по периодам, ед.

Показатель	2005–2010	2010–2015	2015–2020
Число общедоступных библиотек	870	661	529
Число организаций культурно-досугового типа	924	830	754
Число музеев	59	60	61
Число цирков	1	1	1
Число профессиональных театров	10	11	12

Источник: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics.

тельности на территории Пермского края. В таблице 2 представлено по периодам среднее количество основных институций, характеризующих состояние культуры Пермского края. Анализ приведенных показателей позволяет сделать ряд выводов. Число библиотек с 2005 по 2020 г. сократилось почти на 45%, организаций культурно-досугового типа – на 29%. Изменение первого показателя, вероятно, связано с возросшей популярностью электронных ресурсов. С 2005 по 2010 г. число музеев увеличилось на 6 ед., с 2010 по 2015 г. – на 2 ед., а с 2015 по 2020 г. сократилось на 3 ед. Количество профессиональных театров с 2005 по 2012 г. (в период реализации проекта «Пермь – культурная столица») увеличилось с 11 до 12 ед. Далее этот показатель не менялся. Наилучшим периодом развития сферы культуры в Пермском крае является период 2005–2012 гг.

Устойчивое развитие региона во многом зависит от туристических ресурсов, от улучшения его имиджа и развития экономической, социальной и экологической базы для заинтересованных сторон [12]. Рассмотрим объем туристического потока в Пермском крае с 2005 по 2020 г. (рис. 1). Наблюдается положительная динамика туристических потоков с 2005 по 2019 г. С 2005 по 2012 г. (период реализации проекта «Пермь – культурная столица») туристический поток вырос в 1,5 раза (на 44%), с 2013 по 2019 г. – только в 1,2 раза (на 23%). В 2020 г. поток туристов резко сократился (на 57%) из-за ограничений

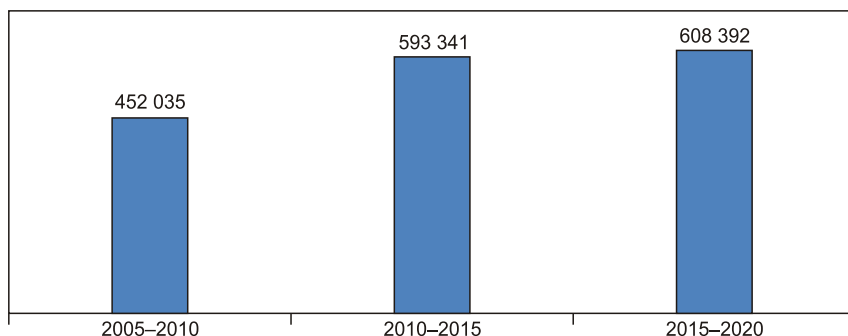

Рис. 1. Объем туристического потока в Пермском крае с 2005 по 2020 г., чел.

Источник: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics

в период пандемии. Наилучшим периодом в отношении создания туристического потока в Пермский край является период 2005–2012 гг.

В номинальном выражении инвестиции в культуру Пермского края выросли (рис. 2). С 2005 по 2012 г. (период реализации проекта «Пермь – культурная столица») они увеличились в 3,5 раза (на 244%), но с 2013 по 2020 г. – только в 1,1 раза (на 10%).

Отдельно стоит рассмотреть статистику оттока населения из Пермского края по обозначенным периодам (табл. 3), так как данный показатель является одним из важнейших для оценки культурной

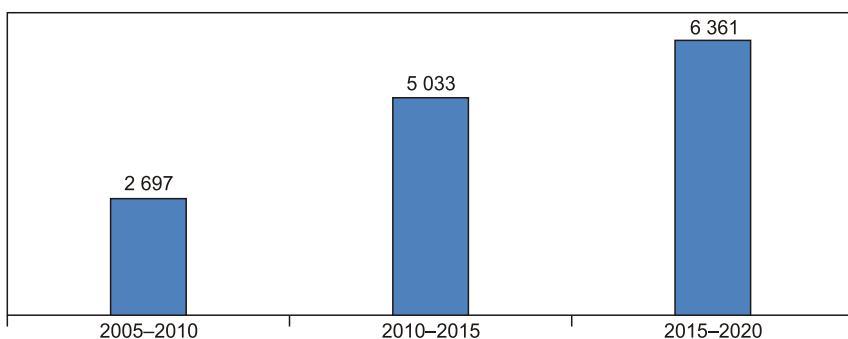

Рис. 2. Объем инвестиций в культуру Пермского края с 2005 по 2020 г., млн руб.

Источник: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics

Таблица 3

Отток населения из Пермского края по периодам, чел.

Период	Средняя численность выбывших за год	Средняя численность прибывших за год	Средний отток населения
2005–2010	31 101	28 382	2 719
2010–2015	71 010	69 714	1 219
2015–2020	71 684	67 765	3 919

Источник: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics.

политики ключевого для исследования периода 2005–2012 гг. (период реализации проекта «Пермь – культурная столица»). Из приведенных в табл. 3 данных по статистике оттока населения из Пермского края видно, что наилучшим периодом в плане сохранения человеческого капитала в регионе является период с 2010 по 2015 г., в эти годы был зафиксирован наименьший средний отток населения (–1 219 чел.). Также рассмотрим отток населения отдельно для 2005–2012 гг. (период реализации проекта «Пермь – культурная столица») и для периода после 2012 г. В годы реализации проекта средний отток населения составлял 1 963 чел., после этого периода – 2 831 чел. в год. Таким образом, наилучшим периодом в отношении сохранения и привлечения человеческого капитала является период с 2005 по 2012 г. Но однозначно утверждать, что единственным фактором, который повлиял на данный показатель, является состояние сферы культуры, нельзя.

Далее рассмотрим основные культурные проекты Пермского края по периодам: 2000-е, 2010-е и 2020-е годы (табл. 4) [6]. В период 2005–2012 гг. ставка в повышении конкурентоспособности региона делалась на сферу культуры. Из приведенных выше данных видно, что в рассматриваемый период число учреждений культуры клубного типа выросло почти в 6 раз, количество музеев – на 7 ед., открылся новый профессиональный театр, туристический поток в регион увеличился с 2005 по 2012 г. на 44% (далее с 2013 по 2019 г. – только на 23%), средний отток населения из региона был меньше на 44%.

Таблица 4

Культурные проекты Пермского края

Период	Характеристика периода
2000-е годы	В 2001 г. была запущена программа «Культурная столица Поволжья». Это была попытка перейти от двусторонних межрегиональных связей на уровень развития макрорегиона. В 2006 г. культурной столицей Поволжья стал г. Пермь
	Край принял участие в проекте «Культурная столица Европы». Данный проект реализуется в Европейском союзе с 1985 г.
	В 2007 г. запущен проект «Центры культуры Пермского края». Данный проект предполагает использование технологии культурной столицы для работы внутри региона
2010-е годы	Подходы и принципы, заложенные в основу развития культурной столицы Поволжья, применены в 2009–2012 гг. в рамках Пермского культурного проекта
2020-е годы	В постизоляционный период культура обретает новую роль. Используются новые формы вовлечения жителей в культурные проекты. Широкое распространение получают цифровые формы культурных мероприятий

Источник: [5].

**ПРОЕКТ «ПЕРМЬ – КУЛЬТУРНАЯ СТОЛИЦА»
КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА**

Амбициозная идея сделать г. Пермь культурной столицей России появилась в 2007 г. в период работы губернатора О.А. Чиркунова, который продвигал инновационные модели развития Пермского края, с тем чтобы край стал «центром активных людей, новых технологий, идей и проектов, новой экономики и нового государства» [9, с. 197]. Проект «Пермь – культурная столица» предполагал достижение комплекса целей: повышение качества жизни жителей региона; снижение оттока населения и повышение индекса развития человеческого капитала; изменение структуры экономики края, в том числе создание новых рабочих мест; развитие малого бизнеса; развитие

сферы услуг и привлечение туристических потоков в регион; сохранение активной молодежи в регионе. Главным фактором развития региона было определено развитие сферы культуры.

Реализация проекта началась в 2008 г. с создания Музея современного искусства «PERMM». Проект включал в себя ряд последовательных событий. В 2008 г. открылась выставка «Русское бедное», которую критики и эксперты оценили как культурное событие российского масштаба. В том же году Пермь победила в номинации «Город года» в конкурсе, который проводил журнал «Афиша».

В 2009 и 2010 гг. флагманом культурного проекта был фестиваль современного искусства «Живая Пермь». В рамках фестиваля в разных районах города было организовано более 80 выставок и 30 театральных площадок. Также в 2010 г. была предложена концепция культурной политики Пермского края: культуру следовало рассматривать как отрасль, в которой будут учитываться интересы не только власти, но и самих субъектов культуры, а основным показателем развития этой сферы должен быть рост человеческого капитала. Основная цель концепции состояла в увеличении интенсивности культурной жизни за счет вовлечения негосударственного сектора.

С 2011 по 2013 г. самым большим ежегодным событием в Пермском крае был фестиваль «Белые ночи в Перми». За 26 фестивальных дней состоялось более 250 мероприятий. Также в рамках фестиваля прошли мероприятия по благоустройству города. По оценке Высшей школы экономики, первый фестиваль «Белые ночи в Перми» посетили 136 тыс. чел., из которых 89% составили жители Перми, 4% – жители региона, 5% – жители других регионов и 2% – жители столиц. Общий объем потраченных посетителями фестиваля денег оценивался в 193 млн руб. Более 90% посетителей фестиваля оценили его мероприятия положительно. В 2012 г. фестиваль посетило более 1 млн чел. В том же году был инициирован амбициозный проект «Пермь – культурная столица Европы».

Помимо популяризации фестивалей и выставок современного искусства, проект предполагал развитие проектного принципа финансирования вместо отраслевого, а также создание новых институций. В частности, планировалось создать Пермский центр развития дизай-

на, Арт-резиденцию, Пермскую филармонию. Проект внес значительные изменения во взаимодействие сфер политики и культуры, которая стала представлять собой не систему отдельных учреждений, а среду для развития.

Для оценки эффективности реализации Пермского культурного проекта обратимся к статистике демографических показателей. По данным Росстата, с 2005 г. численность населения Перми снижалась, вследствие чего город даже утратил статус «миллионника», однако к концу реализации проекта в 2012 г. этот статус был возвращен. Но нельзя с уверенностью говорить о том, что это однозначно заслуга культурного проекта, так как на показатель качества жизни и прирост населения влияют и другие объективные факторы. Оценить изменение качества жизни населения не представляется возможным ввиду отсутствия регулярных замеров.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основная гипотеза настоящего исследования заключается в следующем: региональная культура Пермского края является существенным фактором конкурентоспособности региона в борьбе за человеческий капитал.

В рамках исследования были проведены экспертные интервью. В качестве экспертов выступили специалисты в области культуры, образования и бизнеса. Основным критерием для выбора экспертов было участие в формировании программы развития региона в разных сферах деятельности и в разные периоды времени. Выбранные эксперты представляют интеллигентную среду региона, являются трудоспособной, экономически активной частью населения и отвечают основному критерию. В состав экспертов вошли: редактор отдела культуры Издательского дома «Компаньон»; заведующий кафедрой междисциплинарных исторических исследований Пермского классического университета и главный редактор научного журнала «Вестник Пермского университета. История»; директор по маркетингу пермской торговой сети «Семья»; маркетолог и бизнес-тренер; директор Музея современного искусства PERMM; доцент кафедры маркетинга Пермского классического университета.

Еще одним методом исследования явился региональный опрос студентов о культурной ситуации в Пермском крае. Респондентами выступили студенты 18–24 лет, обучающиеся в высших учебных заведениях, так как одной из важнейших задач развития культуры в Пермском крае является сохранение в регионе активной молодежи, в частности студентов вузов. Выборка включает 209 чел., что примерно составляет $2\sqrt{N}$, где N – количество студентов в регионе, обучающихся очно. Процедура опроса состояла из трех основных этапов. На первом этапе был сформулирован опросник исходя из целей и задач исследования. На втором этапе был проведен онлайн-опрос. На третьем этапе на основе полученных результатов были сформулированы выводы. Опросник состоит из 18 вопросов, разделенных по блокам: первый блок включает в себя оценку текущего развития культуры в Пермском крае, второй блок связан с проблемами региональной культуры, третий блок предполагает видение дальнейшего культурного развития региона.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Интервью с экспертным сообществом. В результате проведенных интервью с экспертами был сформулирован ряд выводов.

1. Сегодня культура Пермского края носит событийный характер. Это означает, что туристы приезжают в регион благодаря отдельным относительно известным культурным объектам и мероприятиям (Дягилевский фестиваль, фестиваль КАМWA, фестиваль «Просвет», фестиваль «Флаэртиана», Музей современного искусства PERMM, крупные премьеры театров Перми и др.).

2. Уровень культурного предложения Пермского края в настоящее время имеет хорошие перспективы, так как регион обладает богатым культурным наследием и многообразными достопримечательностями. Однако для того чтобы объектный туризм здесь стал обычным явлением, необходима комплексная работа над культурной концепцией Пермского края и продвижением его культурного бренда.

3. Наиболее значимым периодом для культуры Пермского края стала «пермская культурная революция» 2008–2012 гг. В рамках проекта «Пермь – культурная столица» состоялось множество культур-

ных событий (выставка «Русское бедное», фестиваль «Живая Пермь», фестиваль «Белые ночи в Перми»), был инициирован проект «Пермь – культурная столица Европы», формировались ценностные ориентиры, культура рассматривалась как важнейший драйвер развития и повышения конкурентоспособности региона. В этот период о пермской культуре заговорили на федеральном уровне.

4. Культура может быть драйвером развития (но не ключевым) и способна уменьшить миграцию из региона, если рассматривать сопоставимые с Пермью города (Екатеринбург, Новосибирск, Омск и др.), однако при этом должны быть соблюдены следующие условия: наличие рабочих мест на рынке труда, наличие перспектив, городской уют, безопасность и наличие амбициозного культурного проекта. Но если встает вопрос о переезде в Санкт-Петербург или Москву, то никакие факторы не смогут уменьшить миграцию.

5. Наиболее значимой фигурой в культуре Пермского края стал российский дирижер, актер и поэт Т. Курентзис. Он не только был художественным руководителем Пермского театра оперы и балета им. Чайковского, но и своей деятельностью формировал бренд города как музыкальной столицы России. Под руководством Т. Курентзиса коллектив выступал на лучших площадках и фестивалях мира с приглашенными режиссерами, дирижерами и солистами с мировыми именами. Осуществлялись аудио- и видеозапись концертов и спектаклей театра и их издание ведущими мировыми звукозаписывающими компаниями. Это был новый формат популяризации классической музыки, и Пермь стала центром его развития.

6. Прямым конкурентом Перми в области культуры является Екатеринбург. У Екатеринбурга нет такой богатой истории и культурного наследия, как у Перми, однако он опережает Пермь в культурном и социальном развитии. Екатеринбург создал инфраструктуру, для того чтобы развитие культуры стало возможным. Так, в 2015 г. в Екатеринбурге был открыт общественный, культурный и образовательный центр «Ельцин-центр». Однако у Перми есть сильное имя благодаря таким символам, как «Пермь Великая», «Пермский звериный стиль» и т.д. У Екатеринбурга такой сильной айдентики нет.

7. Губернаторы, которые стояли во главе Пермского края с 2005 по 2020 г., по-разному относились к культуре как инструменту развития и повышения конкурентоспособности региона. О.А. Чирку-

нов (2005–2012 гг.) видел в культуре ресурс для развития региона. Он первым из руководителей края сделал ставку на культуру как драйвер развития территории. В период его правления была поддержка креативных групп населения, а частью культурной политики была политика удержания сильного кадрового потенциала. Также О.А. Чиркунов стал первым губернатором в России, который инициировал применение конкурентных механизмов в области культуры. При этом губернаторе ключевой ценностью были открытость и медийность власти. О культурном развитии Пермского края в период правления В.Ф. Басаргина (2012–2017 гг.) у респондентов сложилось неоднозначное мнение. В данный период с точки зрения культурного развития отрицалось все, что было сделано ранее, а власть дистанцировалась от продолжения развития культурных проектов. Курс был переориентирован на локальный патриотизм, поддержание традиций и ревитализацию «советского». Также в этот период отказались от мастер-плана (стратегии по пространственному развитию города). При М.Г. Решетникове (2017–2020 гг.) возобновились культурные события, но они стали менее интересными для населения и туристов, при этом культура стала восприниматься инструментально. В период правления этого губернатора Пермь потеряла Т. Курентзиса, вследствие чего пострадал имидж губернатора. При М.Г. Решетникове началось создание культурного кластера «Завод Шпагина», однако общественность не восприняла эту инициативу должным образом из-за медийной закрытости губернатора. Все респонденты сходятся во мнении, что лучшим периодом для развития культуры в Пермском крае является период правления О.А. Чиркунова.

8. Оценить эффективность культурной политики можно на основе следующего набора показателей: экономические показатели; показатели интереса, внимания к публикациям и их популярности; медийный резонанс; экспертные оценки. Однако на данный момент отсутствует единый набор показателей для оценки эффективности политики в области культуры, а также отсутствует система регулярного мониторинга эффективности мероприятий.

9. Сегодня у Пермского края нет ясных перспектив в отношении культурного развития по ряду причин: отсутствуют административный ресурс и качества, которые позволили бы реализовать культурные проекты уровня «Пермь – культурная столица»; отсутствуют

сформулированные ценностные ориентиры и долгосрочная стратегия развития; не проведена работа над ошибками предыдущих культурных проектов; со стороны руководства отсутствует понимание, что культурная политика в современных реалиях – это необходимость. Несмотря на подобные негативные факторы, у региона есть хороший стартовый ресурс и культурные резервы («Завод Шпагина»), есть много институций, которые могли бы стать якорными при создании больших проектов.

10. Экспертам было предложено оценить набор показателей по шкале от 1 до 5, где 1 – это отсутствие признака, а 5 – ярко выраженный признак. Был получен следующий срез оценок по показателям: историческая ценность культуры региона – 3,6; сохранение культурных традиций (событий) – 3,4; разнообразие культурных объектов – 3; осведомленность жителей региона о культурном наследии – 2,7; осведомленность жителей других регионов о культурном наследии Пермского края – 2,5.

Региональный опрос студентов Пермского края. В результате проведенного опроса студентов Пермского края были сформулированы следующие выводы.

1. Меньше половины респондентов (41%) связывают свое будущее с Пермским краем, а 59% однозначно планируют покинуть регион или думают о переезде в другой регион, что подтверждает мнение экспертов о дальнейшей тенденции оттока населения, в частности активной молодежи региона.

2. Половина респондентов оценивают уровень развития культуры в регионе как «удовлетворительный», 30% – как «хороший», 2% – как «отличный» и остальные (18%) – как «неудовлетворительный».

3. Относительно роли культуры в жизни населения региона мнения разошлись. Большинство респондентов считают, что культура играет сразу три ключевые роли: обеспечивает досуг, повышает качество жизни и способствует саморазвитию.

4. Около половины респондентов (42%) посещают культурные мероприятия раз в полгода, 28% – раз в месяц, 10% – несколько раз в месяц. Остальные респонденты (20%) либо посещают мероприятия крайне редко, либо их не посещают вообще.

5. Наиболее предпочитаемыми видами культурного досуга у респондентов являются кинотеатры, концерты современных исполнителей, театры и выставки, что совпадает с мнением экспертного сообщества относительно тенденций событийного характера культуры региона.

6. Наиболее актуальными проблемами культуры региона, по мнению респондентов, являются отсутствие у населения интереса к культуре, низкий уровень осведомленности о культурных событиях, недостаток культурно-развлекательных учреждений, центров досуга, а также отсутствие или низкое качество культурных мероприятий в регионе. Эксперты тоже отмечают низкий уровень осведомленности населения о проводимых культурных мероприятиях.

7. Необходимыми направлениями развития сферы культуры, по мнению респондентов, являются фестивали, городская архитектура, концерты и выставки.

8. Развитию вышеперечисленных направлений культуры, по мнению респондентов, необходимо способствовать через поддержку со стороны властей, обеспечение доступности мероприятий, а также через создание условий для реализации общественной инициативы. Респонденты и эксперты сходятся во мнении, что решать проблемы, существующие в сфере культуры региона, необходимо на основе грамотного управления административными ресурсами и поддержки со стороны государственного аппарата.

9. Абсолютное большинство респондентов (79%) считают, что культура может являться фактором конкурентоспособности региона и влиять на отток/приток населения. Мнения опрошенных студентов и экспертов относительно того, что культура может быть фактором конкурентоспособности региона и влиять на развитие человеческого капитала, сходятся, однако студенты абсолютизируют роль культуры, тогда как эксперты говорят и о других важных факторах развития.

10. По мнению респондентов, наиболее культурно развитые города – Санкт-Петербург, Москва и Казань.

11. Абсолютное большинство респондентов считают, что наиболее значимым мероприятием для Пермского края является фестиваль «Белые ночи в Перми». Данное мероприятие проводилось, как отмечают эксперты, в наиболее выгодный для развития культуры региона период.

* * *

На основании ответов экспертов, мы делаем вывод, что наилучшим периодом для развития культуры Пермского края, а также для успешного ведения конкурентной борьбы за человеческий капитал был период с 2005 по 2012 г. Этот период, несомненно, оказался благотворным не только для культурной сферы края, но и повлиял на культурное развитие других регионов. Культура стала восприниматься как источник формирования региональной конкурентоспособности. Однако для того чтобы данный механизм работал, нужна заинтересованность в подобном региональном источнике развития у аппарата власти, необходимы развитие бренда региона, продвижение культурных событий во внутреннем и внешнем контурах, а также регулярный мониторинг эффективности культурных мероприятий в соответствии с поставленными задачами, не осуществлявшийся ни в один из рассмотренных периодов. Сегодня сфера культуры Пермского края имеет хороший задел для развития, однако носит событийный характер.

Анализ регионального опроса студентов показал, что культура Пермского края на текущий момент не является значимым фактором, который позволяет сохранить активную молодежь в регионе, а также привлечь ее из других регионов России. Сегодня не развиваются наиболее интересные для молодежи культурные направления, следовательно, современное состояние культуры региона не является актуальным средством борьбы за человеческий капитал, что может привести в будущем к оттоку из края 30–40% активной молодежи.

Проект «Пермь – культурная столица» завершил свое существование в 2012 г. Но Пермский край – один из первых российских регионов, сделавших ставку на сферу культуры как на ресурс общественного развития и борьбы за человеческий капитал. Культурная политика должна быть направлена на то, чтобы обобщить и систематизировать имеющийся опыт культурных проектов и сформировать целостную концепцию развития культуры региона как инструмента создания новой социально-экономической реальности.

Данное исследование может послужить в качестве источника информации для переосмысления культуры как ключевого фактора регионального развития в конкурентной борьбе за человеческий капи-

тал. Культура способна формировать ценностное предложение региона, обеспечивать регулярный поток туристов, сдерживать миграционные процессы. Культура также позволяет наполнить территорию новыми смыслами, при этом крупные культурные проекты, которые разрабатываются и реализуются в регионе, способствуют формированию его идентичности. Это является важной потребностью населения, бизнеса, власти и самих культурных институций. Культура также способна не только формировать среду, но и давать экономический эффект. Успешные примеры работы со средой и населением также приведены в настоящей статье. Дальнейшие исследования в данной области могут включать изучение изменения форматов культуры в связи с пандемией 2020 г., а также анализ развития цифровых платформ, которые, несомненно, способны оказывать влияние на региональную культуру.

Список источников

1. Булочников П.А. Развитие сферы культуры как комплексный фактор конкурентоспособности региона // Петербургский экономический журнал. – 2019. – № 2. – С. 17–28.
2. Каверина Н. Культура – важнейший фактор развития человеческого капитала // Аист на крыше. Демографический журнал. – 2018. – № 6 (6). – С. 14–19.
3. Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: бытие и самосознание: Автореф. дисс. ... д-ра культурологии / Екатеринбургский гуманитарный университет. – Екатеринбург, 2003. – 47 с.
4. Соколова Е.К. Экономический кризис в Великобритании: изменение культурного ландшафта? // Культурологические записки. – М.: Гос. ин-т искусствознания, 2014. – Т. 16. – С. 55–115.
5. Социокультурные проекты как фактор развития территории. – Пермь: Ассоциация менеджеров культуры, 2020. – 99 с.
6. Столбов В.А. Современная культура и региональный человеческий капитал: теоретические основы инновационного сотрудничества // Инновационное развитие экономики: тенденции и перспективы. – 2016. – Т. 1. – С. 498–506.
7. Фетисова Л.Е. Народная культура Дальнего Востока России в XX веке // Вестник Дальневосточного отделения РАН. – 1997. – № 6. – С. 38–49.
8. Черных А.В. «Человеческий капитал», культура и культура права // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 2 (52). – С. 55–60.
9. Чиркунов О.А. Государство и конкуренция // Экономическая политика. – 2008. – № 1. – С. 196–203.

10. *Redmond J., Sharafizad J.* Discretionary effort of regional hospitality small business employees: Impact of non-monetary work factors // *International Journal of Hospitality Management*. – 2020. – No. 86 (1). – 102452.

11. *Sorin P., Jucu I.S.* Urban transformation and cultural evolution of post-socialist European cities. The case of Timisoara (Romania): From “Little Vienna” urban icon to European Capital of Culture (ECoC 2021) // *City, Culture and Society*. – 2019. – No. 20 (2). – 100296.

12. *Soulard J., Knollenberg W., Boley B. et al.* Social capital and destination strategic planning // *Tourism Management*. – 2018. – No. 69. – P. 189–200.

13. *Veldhuizen C.* Smart specialisation as a transition management framework: Driving sustainability-focused regional innovation policy? // *Research Policy*. – 2020. – No. 6. – 103982.

Информация об авторах

Добровлянин Вадим Дмитриевич (Россия, Пермь) – аспирант Пермского государственного национального исследовательского университета (614068, Пермь, ул. Букирева, 15). E-mail: marketing.psu@yandex.ru.

Антинескул Екатерина Александровна (Россия, Пермь) – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой маркетинга Пермского государственного национального исследовательского университета (614068, Пермь, ул. Букирева, 15). E-mail: marketing.psu@yandex.ru.

DOI: 10.15372/REG20230207

Region: Economics & Sociology, 2023, No. 2 (118), p. 171–193

V.D. Dobrovlyanin, E.A. Antineskul

REGIONAL CULTURE DEVELOPMENT AS A COMPETITIVE ADVANTAGE FACTOR IN THE BATTLE FOR HUMAN CAPITAL

This article examines the role of culture as a key factor and resource in promoting regional competitiveness, focusing on Perm Krai. It discusses various approaches used to evaluate regional competitiveness and highlights

examples of other countries where culture was instrumental in attracting human capital. The study aims to determine the impact of the cultural factor on the human capital development of Perm Krai by conducting interviews with experts and surveying local students. Moreover, we also analyze statistical data reflecting the cultural development trends in Perm Krai between 2005 and 2020, including the “Perm – Capital of Culture” project from 2008 to 2012.

The research findings suggest that culture could be a critical driver of regional development in the competition for human capital. Finally, we evaluate the cultural situation in Perm Krai and identify the main factors contributing to the region’s competitive advantage and prospects for its development.

Keywords: culture; regional competitive advantage; cultural indicators; population outflow; human capital

For citation: Dobrovlyanin, V.D. & E.A. Antineskul. (2023). Razvitie regionalnoy kultury kak faktora konkurentosposobnosti v borbe za chelovecheskiy kapital [Regional culture development as a competitive advantage factor in the battle for human capital]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (118), 171–193. DOI: 10.15372/REG20230207.

References

1. Bulochnikov, P.A. (2019). Razvitie sfery kultury kak kompleksnyy faktor konkurentosposobnosti regiona [Culture sphere development as a complex factor of regions competitiveness]. Peterburgskiy ekonomicheskyy zhurnal [St. Petersburg Economic Journal], 2, 17–28.
2. Kaverina, N. (2018). Kultura – vazhneyshiy faktor razvitiya chelovecheskogo kapitala [Culture is the most important factor in the development of human capital]. Aist na kryshe. Demograficheskiy zhurnal [Stork on the Roof. Demographic Journal], 6, 14–19.
3. Murzina, I.Ya. (2003). Fenomen regionalnoy kultury: bytie i samosoznanie: Avtoref. diss. ... d-ra kulturologii [The phenomenon of regional culture: being and self-awareness. Cultural Studies: 24.00.01. Author’s abstract for the Doctor of Cultureology Thesis]. Yekaterinburg, University of Humanities Publ., 47.
4. Sokolova, E.K. (2014). Ekonomicheskyy krizis v Velikobritanii: izmenenie kulturnogo landshafta? [Economic crisis in Great Britain: changing the cultural landscape?]. Kulturologicheskie zapiski [Cultural Notes], Vol. 16. Moscow, State Institute of Art Studies, 55–115.
5. Sotsiokulturnye proekty kak faktor razvitiya territorii [Sociocultural Projects as a Factor in Territorial Development]. (2020). Perm, Culture Managers Association, 99.

6. *Stolbov, V.A.* (2016). *Sovremennaya kultura i regionalnyy chelovecheskiy kapital: teoreticheskie osnovy innovatsionnogo sotrudnichestva* [Contemporary culture and regional human capital: theoretical foundations of innovative cooperation]. *Innovatsionnoe razvitiye ekonomiki: tendentsii i perspektivy* [Innovative Development of the Economy: Trends and Prospects], 1, 498–506.
7. *Fetisova, L.E.* (1997). *Narodnaya kultura Dalnego Vostoka Rossii v XX veke* [Folk culture of the Russian Far East in the 20th century]. *Vestnik Dalnevostochnogo otdeleniya RAN* [Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences], 6, 38–49.
8. *Chernykh, A.V.* (2018). “Chelovecheskiy kapital”, kultura i kultura prava [“Human capital”, culture and culture of law]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [The Rule-of-Law State: Theory and Practice], 2 (52), 55–60.
9. *Chirkunov, O.A.* (2008). *Gosudarstvo i konkurentsia* [State and Competition]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], 1, 196–203.
10. *Redmond, J. & J. Sharafizad.* (2020). Discretionary effort of regional hospitality small business employees: Impact of non-monetary work factors. *International Journal of Hospitality Management*, 86 (1), 102452.
11. *Sorin, P. & I.S. Jucu.* (2019). Urban transformation and cultural evolution of post-socialist European cities. The case of Timisoara (Romania): From ‘Little Vienna’ urban icon to European Capital of Culture (ECOC 2021). *City, Culture and Society*, 20 (2), 100296.
12. *Soulard, J., W. Knollenberg, B. Boley et al.* (2018). Social capital and destination strategic planning. *Tourism Management*, 69, 189–200.
13. *Veldhuizen, C.* (2020). Smart specialisation as a transition management framework: Driving sustainability-focused regional innovation policy? *Research Policy*, Vol. 49, Iss. 6, 103982.

About Authors

Dobrovlyanin, Vadim Dmitrievich (Perm, Russia) – postgraduate student at Perm State National Research University (15, Bukirev St., Perm, 614068, Russia). E-mail: marketing.psu@yandex.ru.

Antineskul, Ekaterina Aleksandrovna (Perm, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Head of Chair of Marketing at Perm State National Research University (15, Bukirev St., Perm, 614068, Russia). E-mail: marketing.psu@yandex.ru.

Поступила в редколлегию 15.06.2022.

После доработки 09.11.2022.

Принята к публикации 11.11.2022.

© Добровлянин В.Д., Антинескул Е.А., 2023

УДК 332.1

Регион: экономика и социология, 2023, № 2 (118), с. 194–220

М.Е. Кузнецов

**ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЭФФЕКТИВНОСТИ КОМПЛЕКСНЫХ
ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ ПО СОЗДАНИЮ
ИНФРАСТРУКТУРЫ ИННОВАЦИОННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ИНТЦ
НА ОСТРОВЕ РУССКИЙ**

Целью настоящего исследования является научное обоснование интегрированной методики оценки социально-экономической эффективности комплексных инвестиционных проектов (КИП) на базе принципов устойчивого развития и международных подходов к оценке на примере комплексных инвестиционных проектов по созданию инновационной инфраструктуры на территории Дальневосточного федерального округа. Объект исследования – комплексные инвестиционные проекты по развитию инновационной инфраструктуры, реализуемые на территории ДФО. Предмет исследования – совокупность прогнозных социально-экономических эффектов и последствий реализации КИП по развитию инновационной инфраструктуры на территории ДФО.

В статье рассматриваются основные направления и инструменты государственной политики по поддержке КИП на территории ДФО, а также подходы к оценке таких проектов. Анализируются существующие и предлагаются собственные подходы к оценке и планированию реализации КИП как возможности для усиления положительных социально-экономических эффектов устойчивого регионального развития. В том числе рассматриваются их экономические особенности и типология генерируемых эффектов, приводятся зарубежные подходы к оценке общественной (экономической) эффективности инвестиционных проек-

тов и критически анализируются отечественные методики, применяемые для оценки инвестиционных проектов и их отбора для оказания государственной поддержки.

Раскрываются особенности и проблемы методического обеспечения оценки общественной (экономической) эффективности КИП. Научная новизна исследования состоит в следующем: адаптированы имеющиеся отечественные и зарубежные методические подходы к достижению поставленной в нем цели, модифицирован соответствующий инструментарий и выполнены экспериментальные расчеты на примере проекта «ИНТЦ «Русский», позволяющие получить количественные оценки общественной эффективности проекта в разрезе видов генерируемых эффектов. Результаты исследования дадут возможность повысить обоснованность решений по осуществлению бюджетных инвестиций и предоставлению мер государственной поддержки отдельным проектам, сформируют системные основания для приоритизации портфеля существующих и перспективных проектов (переориентации господдержки на проекты с максимальной общественной отдачей) и будут способствовать совершенствованию структуры иницилируемых проектов в пользу более общественно результативных вариантов их реализации.

Ключевые слова: устойчивое развитие; комплексные инвестиционные проекты (КИП); социально-экономические эффекты; общественная эффективность; государственная поддержка; интегрированная оценка; Дальневосточный федеральный округ; инфраструктура инновационной деятельности; cost-benefit analysis; анализ на основе полных выгод и издержек; общественные издержки

Для цитирования: Кузнецов М.Е. Особенности оценки социально-экономической эффективности комплексных инвестиционных проектов по созданию инфраструктуры инновационной деятельности на примере ИНТЦ на острове Русский // Регион: экономика и социология. – 2023. – № 2 (118). – С. 194–220. DOI: 10.15372/REG20230208.

ВВЕДЕНИЕ

Реализация комплексных инвестиционных проектов (КИП) в России приобретает особое значение для устойчивого развития регионов, так как эти проекты оказывают масштабное комплексное воздействие на экономику, социальную сферу, развитие инфраструктуры, окру-

жающую среду. Именно поэтому к ним постоянно приковано общественное внимание, внимание регуляторов, органов государственной власти. Какие комплексные проекты следует поддерживать за счет государства, а какие – нет? Как усилить положительные социально-экономические эффекты и ослабить негативные? Как добиться не только ожидаемой финансовой отдачи, но и положительного влияния таких проектов на устойчивое развитие конкретного региона, конкретной местности?

Для этого, по мнению автора, необходимо перейти на методическом и организационном уровне от традиционного узкого взгляда на проект (оценка финансовой эффективности, дисконтированных денежных потоков для инвесторов и бюджетной эффективности для государства) к широкой оценке комплексного воздействия проекта на базе полных общественных издержек и выгод в трех проекциях устойчивого развития: оценить влияние на экономику региона, влияние на социальную сферу и влияние на окружающую среду.

Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа и Арктической зоны Российской Федерации в настоящее время признано одним из национальных приоритетов Российской Федерации. Начиная с 2015 г. реализуется новая экономическая политика по развитию Дальнего Востока, направленная на ускорение экономического развития макрорегиона, увеличение продолжительности и повышение качества жизни его жителей. При этом одной из важнейших задач развития Дальнего Востока (например, в соответствии с Национальной программой социально-экономического развития Дальнего Востока) является технологическое развитие, важный элемент которого составляют инновации.

В настоящей статье инновация понимается как процесс трансформации идеи в рыночный продукт или сервис, который требует множества коллективных усилий участников: промышленных компаний, университетов, исследовательских организаций, венчурных фондов и др. Инновационная экосистема объединяет эти усилия, позволяя добиться синергетического эффекта, а инновационная инфраструктура (научно-технологические центры, технопарки и др.) позволяет увеличить мультипликативный эффект инновационной деятельности.

Подходы к оценке комплексных инвестиционных проектов в России зачастую носят узковедомственный характер и могут приводить к неверным выводам относительно эффектов от проекта и необходимости его поддержки (что подтверждается, в частности, исследованиями Востокгосплана¹). Поэтому нам представляется важным внести коррективы в применяемые методики и проводить оценку социально-экономического эффекта комплексных инвестиционных проектов на основе анализа. Принятые методические рекомендации, регламентирующие оценку реализации инвестиционных проектов², ограничиваются учетом специфических особенностей отдельных отраслей экономики (промышленность, транспортная инфраструктура), а потому требуют критического анализа и, возможно, адаптации для корректной оценки полных социально-экономических последствий принимаемых решений о поддержке инвестиционных проектов, реализуемых в регионах. В данной статье автор предлагает собственную методику оценки комплексных инвестиционных проектов на базе общепринятых международных практик и проводит оценку проекта по созданию инновационной инфраструктуры на о. Русский, по итогам которой проект может быть рекомендован к финансированию.

Целью настоящего исследования является научное обоснование интегрированной методики оценки социально-экономической эффективности комплексных инвестиционных проектов на базе принципов устойчивого развития и международных подходов на примере развития инфраструктуры инновационной деятельности на территории Дальневосточного федерального округа. *Задачи* исследования: 1) проанализировать преимущества и недостатки российских и зарубежных методик комплексной социально-экономической оценки КИП; 2) оха-

¹ URL: <https://vostokgosplan.ru/research/>.

² См.: *Методика* экспертизы заявок на участие в отборе комплексных инвестиционных проектов по приоритетным направлениям гражданской промышленности, утв. Приказом Минпромторга России от 14.08.2018 № 3196; *Методика* оценки социально-экономических эффектов от проектов строительства (реконструкции) и эксплуатации объектов транспортной инфраструктуры, планируемых к реализации с привлечением средств федерального бюджета, а также с предоставлением государственных гарантий Российской Федерации и налоговых льгот, утв. Постановлением Правительства РФ от 26.11.2019 № 1512; и др.

рактизовать специфику КИП по развитию инновационной инфраструктуры; 3) предложить подходы, методы и модели оценки социально-экономической эффективности КИП по развитию инфраструктуры инновационной деятельности на основе принципов устойчивого развития.

ОБЗОР РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ МЕТОДИК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ КОМПЛЕКСНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

В стратегии развития Дальнего Востока особое внимание уделяется комплексным инвестиционным проектам, так как они одновременно могут положительно повлиять на оживление экономики, создание новых смежных секторов, способствуют развитию инфраструктуры. К таким проектам можно отнести развитие Северного морского пути, освоение островов Русский (включая развитие там инновационно-технологического центра) и Большой Уссурийский, создание газохимического кластера в Амурской области, сооружение судостроительного комплекса «Звезда» в Приморском крае, освоение Баимской рудной зоны в Чукотском автономном округе, освоение Удоканского месторождения меди, строительство моста через р. Лену и ряд других³.

Реализация таких проектов предполагает значительные объемы государственной поддержки, а значит, возрастают требования к качественной оценке социально-экономического эффекта от их реализации.

Понятие «комплексный инвестиционный проект» не регламентировано⁴ законодательно и в различных научных источниках [1; 3] трактуется по-разному. В рамках данного исследования под комплексным инвестиционным проектом понимается *комплекс взаимосвязанных (взаимодопляющих и взаимовлияющих) инвестиционных*

³ См.: *Инвестиционные возможности на Дальнем Востоке и в Арктической зоне РФ*. – URL: <https://inpctlp.ru/doc/2021-12-15.pdf>.

⁴ См. *Постановление Правительства РФ от 01.03.2008 № 134* (ред. от 23.12.2016) «Об утверждении Правил формирования и использования бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Российской Федерации»; *Разработка комплексных инвестиционных проектов в энергетическом комплексе*. Российское энергетическое агентство. – URL: https://rosenergo.gov.ru/services/razrabotka_kompleksnih_investitsionnih_proektov_v_energeticheskom_komplekse?ysclid=lhoycy4jkr872753152.

проектов, реализуемых в различных отраслях экономики и инфраструктуры на ограниченной (локальной) территории, предполагающих создание сопутствующих комплексизирующих производств, объектов транспортной, инженерной и социальной инфраструктуры, выработку механизмов их совместного использования для достижения синергетического эффекта от реализации проектов с максимизацией воздействия на социально-экономические системы через параметры инвестиций, занятости, производительности труда, дополнительной добавленной стоимости, обладающих следующими значимыми признаками:

- *важность проекта (крупные проекты и проекты народно-хозяйственного значения);*
- *взаимозависимость и нередко комплементарность проектов, благодаря чему достигается эффект масштаба проекта;*
- *активная инвестиционная стратегия;*
- *значительный объем спроса на трудовые ресурсы; и проч.*

Вместе с финансовым результатом (свободный денежный поток инвестора) КИП формирует различные прямые и косвенные внешние эффекты, в том числе перераспределительные для территории, на которой он реализуется.

В зависимости от механизма воздействия на группы общества эффекты от проекта подразделяются на прямые, косвенные, внешние и перераспределительные.

1. *Прямые и косвенные эффекты.* Для случаев, когда эффекты от реализации проекта оказывают влияние на членов общества через рыночные механизмы (markets)⁵, принято их деление на прямые и косвенные. К прямым эффектам относят влияние на целевой рынок проекта, а к косвенным – опосредованное рыночным взаимодействием влияние на все остальные рынки⁶.

Например, для транспортного проекта (расширение дорог, внедрение системы «умных» светофоров, строительство дублирующего

⁵ См.: Romijn G., Renes G. General Guidance for Cost-Benefit Analysis / CPB; PBL. – The Hague, 2013. – P. 43.

⁶ Ibid. – P. 62.

маршрута) прямыми эффектами будут: сокращение времени в пути для пассажиров и грузов (time savings); сокращение издержек на обслуживание транспортных средств (vehicle operating costs savings, VOC savings)⁷. Для проектов по строительству инфраструктуры инновационной деятельности к прямым эффектам можно отнести организацию стартапов и спин-оффов, создание новых знаний, рост добавленной стоимости за счет новых продуктов и сервисов.

Косвенные эффекты для комплексных проектов многочисленны, противоречивы, сильно зависят от характеристик самого проекта и от предпочтений общества, проявляются в самых различных (в том числе и неожиданных) отраслях. Например, для развития инфраструктуры инновационной деятельности к косвенным эффектам можно отнести рост стоимости недвижимости в месте размещения объектов такой инфраструктуры вследствие престижности и возрастающего спроса на верхний эконом-сегмент и бизнес-сегмент. В этом случае суммарный косвенный эффект не определен однозначно. Из-за такой неоднозначности, противоречивости в оценке и возможности «двойного учета» монетизация косвенных эффектов в рамках анализа полных издержек и выгод не проводится⁸.

Отраслевая специфика оказывает значительное влияние на баланс прямых и косвенных эффектов проекта. Однако учет косвенных эффектов требует более детальных расчетов и обоснования.

2. *Внешние эффекты.* Эффекты для общества, распределение которых не осуществляется на рынках (missing markers), относят к внешним. Например, при анализе транспортных проектов к внешним эффектам относят: снижение ущерба от дорожно-транспортных происшествий (accident savings); сокращение выброса парниковых газов (GNG emissions); сокращение выброса непарниковых загрязнителей воздуха – оксидов азота, оксидов серы, частиц пыли и сажи

⁷ См.: *Commission Implementing Regulation (EU) 2015/207 of 20 January 2015*. – P. 52.

⁸ См.: *Guide to Cost-Benefit Analysis of Investment Projects: Economic appraisal tool for Cohesion Policy 2014–2020*. December 2014 / European Commission, Directorate-General for Regional and Urban Policy. – 2015. – P. 25–26.

(non-GNG emissions); снижение уровня шума от транспорта (noise emissions)⁹. В отношении инновационной инфраструктуры в качестве одного из таких эффектов автором отдельно изучалось влияние подобных проектов на приток/отток талантов. С одной стороны, создание передовых лабораторий и образовательного комплекса притягивает таланты, с другой – не исключен «экспорт» наиболее талантливых выпускников за пределы региона.

3. *Перераспределительные эффекты* предполагают максимизацию общественной полезности и образуются на основе корректировки результатов функционирования экономических агентов через перераспределительную систему, т.е. посредством перераспределительных функций государства.

В международной практике проектного анализа, как правило, применяются экономический (economic appraisal, economic feasibility study) и финансовый (financial appraisal, financial feasibility study) подходы¹⁰, в рамках которых широко известны такие методы оценки, как анализ «затраты-выгоды» (Cost-Benefit Analysis, CBA) [14; 16] и анализ «затраты-результативность» (Cost-Effectiveness Analysis, CEA) [13; 17], альтернативой которым (или дополнением к которым) выступает многокритериальный анализ (Multi-Criteria Analysis, MCA) [12; 15].

Наибольшее распространение на государственном и межгосударственном уровнях получила методика CBA, подразумевающая квантификацию в денежной форме всех затрат и выгод от реализации проекта, включая те, для которых рыночная экономическая оценка отсутствует, и последующий расчет показателей экономической эффективности: 1) соотношения «выгоды/затраты» (Benefit/Cost Ratio); 2) экономической внутренней нормы доходности (Economic IRR); 3) экономического чистого дисконтированного дохода (Economic

⁹ См.: *Guide to Cost-Benefit Analysis of Investment Projects: Economic appraisal tool for Cohesion Policy 2014–2020*. December 2014. – P. 61; *Commission Implementing Regulation (EU) 2015/207 of 20 January 2015*. – P. 52.

¹⁰ См.: *Infrastructure Public-Private Partnership Case Studies of APEC Member Economies*. – URL: http://mddb.apec.org/Documents/2014/MM/FMM/14_fmm_019.pdf.

NPV)¹¹. Если первый показатель больше 1, второй показатель выше установленного значения, а третий – больше 0, это является основанием для принятия положительного решения о реализации проекта за бюджетный счет или о государственной поддержке проекта, и наоборот. В случае выбора из нескольких проектов рассчитанные значения показателей дают возможность осуществлять ранжирование проектов с точки зрения максимальной чистой пользы для общества.

Указанные методики не обязательно являются альтернативами друг другу и могут быть дополнены оценкой на основе МСА, особенно если экономическая целесообразность должна быть сопоставлена с другими приоритетами государственной политики. В то же время за рубежом общим правилом при оценке проектов является использование СВА, где это возможно, СЕА, когда проект фокусируется на выборе технологии, и МСА, когда другие методы считаются непрактичными¹². Данные подходы получили широкое распространение во всех странах мира и одобрены межправительственными организациями: Европейской комиссией, Всемирным банком и Организацией ООН по промышленному развитию¹³.

Особенностью комплексных инвестиционных проектов является то, что они могут генерировать большое количество эффектов – прямых, косвенных, внешних, перераспределительных, которые могут как увеличивать благосостояние общества (положительные эффекты), так и уменьшать его (отрицательные эффекты). В зависимости от специфики можно выделить несколько видов таких проектов (рис. 1).

Базовые методы комплексной оценки эффективности проектов, применяемые в международной практике, обобщенно представлены в табл. 1. Классическое финансовое моделирование с оценкой NPV,

¹¹ См.: *Guide to Cost-Benefit Analysis of Investment Projects: Economic appraisal tool for Cohesion Policy 2014–2020*. December 2014.

¹² См.: *The Economic Appraisal of Investment Projects at the EIB / Projects Directorate*, European Investment Bank, 2013. – URL: https://www.eib.org/attachments/thematic/economic_appraisal_of_investment_projects_en.pdf.

¹³ См.: *Концепция организации в России методологической системы по развитию зеленых финансовых инструментов и проектов ответственного инвестирования*. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/84163/press_04102019.pdf.

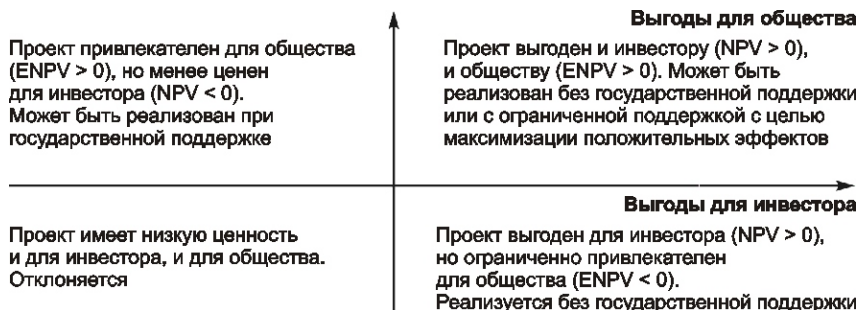

Рис. 1. Виды инвестиционных проектов в зависимости от соотношения общественных и частных выгод

Источник: составлено автором

Таблица 1

Методы оценки комплексных инвестиционных проектов с учетом выгод для общества

Название метода	Особенности метода	Ключевые показатели
Финансовое моделирование	<p>Денежные потоки рассчитываются в рыночных ценах.</p> <p>Процентная ставка определяется соотношением собственных и привлеченных средств (WACC)</p>	NPV, IRR, индекс рентабельности (PI), дисконтированный срок окупаемости (DPP)
Анализ «затраты-выгоды» (Cost-Benefit Analysis, CBA)	<p>Сравниваются ситуации «с проектом» и «без проекта».</p> <p>Выгоды и издержки всех, кого затрагивает проект, выражаются в деньгах (монетизация).</p> <p>Денежные потоки рассчитываются в специальных «теневых» ценах (основаны на рыночных, но не полностью им соответствуют).</p> <p>Применяется специальная процентная ставка – социальная ставка дисконтирования (Social Discount Rate, SDR)</p>	<p>Экономический NPV (ENPV), экономическая IRR (EIRR), соотношение «выгоды/затраты» (B/C)</p>

Окончание табл. 1

Название метода	Особенности метода	Ключевые показатели
Анализ «издержки-результативность» (Cost-Efficiency Analysis, CEA)	Используется, когда нельзя монетизировать эффекты от проекта. Цель формулируется как достижение. Используются «теневые» цены и SDR	Достижение результата с минимальными издержками
Многокритериальный анализ (Multi-Criteria Analysis, MCA)	Применяется, когда нельзя монетизировать эффекты от проекта. Несколько целей, заданных отдельными индикаторами, использование весов. Используются «теневые» цены и SDR	Сводный индекс эффективности проекта, соотношение индекса эффективности проекта и приведенных затрат (NPC)

Источник: составлено автором по материалам научно-исследовательских работ Востокгосплана с участием Р.В. Гулидова и П.А. Покрашенко.

IRR, PI, DPP вполне достаточно для оценки проектов, обладающих ограниченным внешним социально-экономическим эффектом для общества. Для проектов с существенными экстерналиями применяются более сложные инструменты (методы CBA, CEA, MCA). Наиболее простым и наименее трудоемким методом является традиционное финансовое моделирование, наиболее сложным и затратным – полноценный анализ «затраты-выгоды». В связи с этим для повышения эффективности принятия решений можно предложить последовательность шагов по оценке проекта, представленную в табл. 2.

В отечественной науке методические подходы к оценке общественной эффективности инвестиционных проектов начали складываться в 1970-х годах в работах академика Д.С. Львова [7] в качестве инструмента оценки внедрения новых технологий в различных отраслях экономики. Начиная с 1990-х годов методология оценки получила развитие в работах П.Л. Виленского [2], В.Н. Лившица [6], А.Н. Швецова [11]. На сегодняшний день в отечественной науке накопился значительный опыт оценки социально-экономической эффективности различного рода управленческих решений, в том числе касающихся реализации инфраструктурных проектов, создания новых производств, выпуска инновационных продуктов и проч. [4; 5; 9; 10].

Таблица 2

Основные этапы оценки комплексных инвестиционных проектов с учетом выгод для общества

Этап	Содержание этапа
Уточнение целей, границ и ключевых параметров, контекста и внешних эффектов проекта	<ul style="list-style-type: none"> • Цели и параметры • Границы • Контекст и внешние эффекты
Упрощенный экономический анализ проекта в контексте региональной экономики	<ul style="list-style-type: none"> • Модель региональной экономики • Учет влияния проекта на ВРП региона
Расчет затрат и выгод проекта	<ul style="list-style-type: none"> • Финансовая модель проекта
Перевод затрат и выгод в «теневые» цены	<ul style="list-style-type: none"> • Скорректированные показатели с учетом «теневых» цен
Дисконтирование денежных потоков по социальной ставке дисконтирования (SDR)	<ul style="list-style-type: none"> • Расчет социальной ставки дисконтирования • Дисконтированные денежные потоки
Расчет ENPV и EIRR проекта	<ul style="list-style-type: none"> • Рассчитанные ENPV и EIRR проекта

Источник: составлено автором по материалам научно-исследовательских работ Востокгосплана с участием Р.В. Гулидова и П.А. Покрашенко.

Однако на практике для отбора инвестиционных проектов с целью оказания государственной поддержки в России используется множество противоречивых методик, порядков, рекомендаций и указаний. Обобщение данных методов и анализ их недостатков уже проводились научным сообществом [8], поэтому лишь констатируем, что используемые сегодня различными министерствами методики существенно различаются, а также заметно отклоняются от общепринятых международных подходов, не учитывают отраслевые особенности, но самое главное – отсутствуют четкие критерии для принятия решения о предоставлении государственной поддержки. Как следствие, использование размытых критериев отбора проектов повышает риски неэффективного расходования бюджетных средств (с точки зрения экономической, а не финансовой эффективности), не устанавливаются пороговые значения, ряд методик носит узковедомст-

венный характер, а полноценный анализ экономической эффективности инвестиционного проекта не осуществляется.

Таким образом, методики оценки КИП на базе исключительно коммерческой (финансовой) эффективности недостаточны для корректной оценки социально-экономических выгод и издержек для общества от реализации таких проектов. Поэтому необходимы доработка этих методик и дополнение финансовых показателей показателями чистого дисконтированного дохода для общества (ENPV), основанного на сопоставлении всех затрат и выгод, возникающих при реализации проекта, с точки зрения общества в целом.

Ведущую роль в экосистеме предпринимательства играют предприниматели, в инновационной экосистеме – исследователи и компании, разрабатывающие передовые технологии. Эти экосистемы постоянно взаимодействуют, формируя основу для отраслевой трансформации. Развитие инновационно-предпринимательских экосистем может оказать мультипликативное воздействие на экономику, повышая ее конкурентоспособность. Фактором успеха таких экосистем является формирование «критической массы» успешных «серийных» предпринимателей, сотрудничающих с исследовательскими центрами, венчурными фондами. Драйвер реализации данной политики соответствующей инфраструктуры – создание специализированных кампусов и технологических центров.

ПОДХОДЫ, МЕТОДЫ И МОДЕЛИ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ ПО РАЗВИТИЮ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА ОСНОВЕ ПРИНЦИПОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Предлагаемая интегрированная методика оценки общественной эффективности КИП апробирована для проекта ИНТЦ на о. Русский.

Создание Инновационного научно-технологического центра «Русский» можно также рассматривать как комплексный проект народно-хозяйственного значения. Несмотря на открытость информации о планах развития о. Русский, сегодня сложно определить про-

ектное наполнение ИНТЦ, хотя такие проекты обладают значительным потенциалом, чтобы стать драйверами развития региональной экономики. Реализация подобного проекта станет ключевой точкой притяжения передовых технологий и создаст среду для вывода перспективных разработок на рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Целью проекта является создание на о. Русский инновационного центра нового поколения – точки концентрации высокотехнологичного бизнеса, предпринимателей, инженеров и исследователей со всего мира для создания на Дальнем Востоке России кластера технологических компаний, ориентированных на рынки АТР. В рамках проекта предполагается реализация набора проектов, представленного в табл. 3.

Общий объем инвестиций в развитие ИНТЦ оценивается в 53 млрд руб. Для оценки социально-экономической эффективности проекта «ИНТЦ «Русский» и классификации эффектов была применена адаптированная автором методика ЕС¹⁴. В частности, были добавлены критерии, связанные с ростом производительности труда в ключевых секторах экономики вследствие внедрения инноваций, уточнены подходы к расчету ряда показателей. Общая классификация эффектов от инвестпроекта приведена в табл. 4.

Прямой эффект для проекта формируется масштабными инвестициями на этапе строительства, ростом занятости, выпуском новой продукции, коммерческой и налоговой отдачей от проекта. Косвенный эффект возникает в результате влияния высокой добавленной стоимости продукции, производство которой формирует запрос на квалифицированные кадры, развитие образования и науки. Это, в свою очередь, выступает драйвером развития образовательной инфраструктуры. Зарождается потенциал развития инноваций, происходит усиление конкуренции, что расширяет возможности для бизнеса и создает условия для формирования соответствующей инфраструктуры и концентрации специализированных деловых

¹⁴ См.: *Economic Appraisal Vademecum 2021–2027 – General Principles and Sector Applications*. – URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/guides/vademecum_2127/vademecum_2127_en.pdf.

Таблица 3

Состав и характеристика проектов ИНТЦ на о. Русский

Проект	Суть проекта	Территория
IT-парк	Инфраструктурная площадка для разработки IT-решений	11,74 га
Биомедицина	Комплекс лабораторий и опытно-промышленных площадок для разработки технологичного лечения, реабилитации и здоровьесбережения	19,57 га
Биотехнологии	Комплекс лабораторий и опытно-промышленных площадок для разработки технологий воспроизведения и использования биологических ресурсов Мирового океана	12,95 га
Морская инженерия	Комплекс лабораторий и опытно-промышленных площадок для разработки, прототипирования и испытаний инженерных решений и морских видов деятельности	10,1 га
Тихоокеанская школа	Детский сад, школа, центр дополнительного образования	19,1 га
Общественно-рекреационная и деловая инфраструктура	Центры деловой и общественной активности, объекты общественного питания, торговли, культурно-познавательного и научного туризма	108,46 га
Гостевые дома	Гостевые дома для сотрудников ДВФУ и резидентов ИНТЦ	140 гостевых домов (квартир)

Источник: составлено автором.

услуг. Агломерационный фактор развития в данном КИП характеризуется стремлением персонала реализовать и наращивать свой человеческий капитал, непосредственно участвуя в реализации проекта; как следствие, формируется приток квалифицированной рабочей силы, что, соответственно, влечет за собой развитие социальной и жилищной инфраструктуры.

Таким образом, косвенные эффекты влияния КИП по созданию инфраструктуры инновационного предпринимательства вне зависи-

Таблица 4

Экономические преимущества инфраструктуры НИОКР

Направления анализа	Критерии	Дополнения/корректировки автора применительно к ИНТЦ «Русский»
Инновационная инфраструктура фундаментальных и прикладных исследований	<ul style="list-style-type: none"> • Социальный капитал • Снижение экологических рисков • Контрактные исследования • Академическое консультирование • Создание новых знаний 	<ul style="list-style-type: none"> • Исключены эффекты, связанные со снижением экологических и климатических рисков, из-за слабого влияния • Добавлены критерии, связанные с созданием новых знаний
Эффективные инвестиции и производство	<ul style="list-style-type: none"> • Влияние на производительность труда в регионе • Доступ к инфраструктуре • Практическое обучение • Климат • Платный доступ к RI • Выгоды, вытекающие из академических консультаций или контрактных исследований • Выгоды (или издержки) от изменения климата 	<ul style="list-style-type: none"> • Добавлен критерий влияния на производительность труда в регионе
Профессиональное образование	<ul style="list-style-type: none"> • Развитие человеческого капитала • Развитие социального капитала • Снижение рисков для здоровья • Культурные эффекты для посетителей 	<ul style="list-style-type: none"> • Исключены эффекты снижения рисков для здоровья и культурные эффекты

Источник: составлено автором.

мости от отраслевой специализации проекта более значимы, чем прямые. Вместе с тем косвенные эффекты от влияния проектов оценить и учесть намного сложнее, для этого требуется использование сложного расчетного (модельного) инструментария. Критерии оценки проекта «ИНТЦ «Русский» с учетом выгод для общества сведены в табл. 5.

Критерии оценки проекта «ИНТЦ «Русский»

Выгоды	Описание	Метод количественной оценки
<i>Инновационная инфраструктура</i>		
Создание спин-оффов и стартапов	Добавленная стоимость, генерируемая спин-оффами и стартапами	Количество рабочих мест
Разработка новых/улучшенных продуктов и процессов	Выгода, относящаяся к выданным патентам	Рыночная стоимость в качестве прокси для WTP
Новые знания	Польза для общества новых научных публикаций исследователей, которые являются пользователями объекта	Вознаграждение авторов
<i>Эффективные инвестиции</i>		
Продажи	Рост продаж благодаря инвестициям	Рост прибыли
Выгоды от роста производительности труда в ключевых секторах региональной экономики	Экономическая выгода от опережающего роста производительности труда	Опережающий рост добавленной стоимости на 1 сотрудника
Выгоды (или издержки) от изменения климата	Изменение углеродного следа (если сокращение, то выгода; если увеличение, то затраты)	Постепенное изменение связанных с этим выбросов ПГ в расчете на 1 т CO ₂ e

Таблица 5

с учетом выгод для общества

Расчет стоимости	Источники данных	Комментарии применительно к ИНТЦ
<i>фундаментальных и прикладных исследований</i>		
Кол-во новых орг-ций сред. кол-во сотрудников на орг-цию доб. стоимость на 1 сотрудника	Данные Росстата о производительности труда в секторе научных исследований и разработок	Оценочное число вновь созданных организаций основывается на опыте сравнимых учреждений
Рыночная стоимость патента кол-во выданных патентов	Данные Европейской комиссии и Всемирной организации интеллектуальной собственности	Консервативна стоимость выданных патентов по сравнимым аналогам
Сред. годовая заработная плата ученого сред. процент времени, которое исследователь тратит на 1 публикацию) общее кол-во публикаций по проектам в год	Данные бенефициара	Оценочное число публикаций должно основываться на исторических данных, сравнимых аналогах или средних показателях по дисциплине
<i>и производство</i>		
Чистая приведенная стоимость прироста прибыли без амортизации, налогов и процентов (при условии, что «теневые» цены равны рыночным ценам)	Данные проектов	
Прирост добавленной стоимости на 1 сотрудника базовых отраслей специализации ИНТЦ общее кол-во сотрудников	Данные бенефициара	
Экономия ПГ в CO ₂ e «теневая» цена CO ₂ e	Уведомление Комиссии о техническом руководстве по климатической защите инфраструктуры в 2021–2027 гг.	

Выгоды	Описание	Метод количественной оценки
<i>Профессиональное</i>		
Формирование человеческого капитала	Польза для общества образованной рабочей силы	Рыночная стоимость в качестве прокси для WTP
Развитие социального капитала	Выгода от создания сетей между исследователями и между исследователями и частными компаниями	Рыночная стоимость в качестве прокси для WTP
Открытый доступ к исследовательской инфраструктуре	Ценность исследований, проводимых приглашенными исследователями с открытым доступом к объекту RDI	Для открытого доступа предполагается такая же производительность, как и для промоутеров проектов

Примечание: критерии оценки определены автором с использованием методических Applications; расчеты автора.

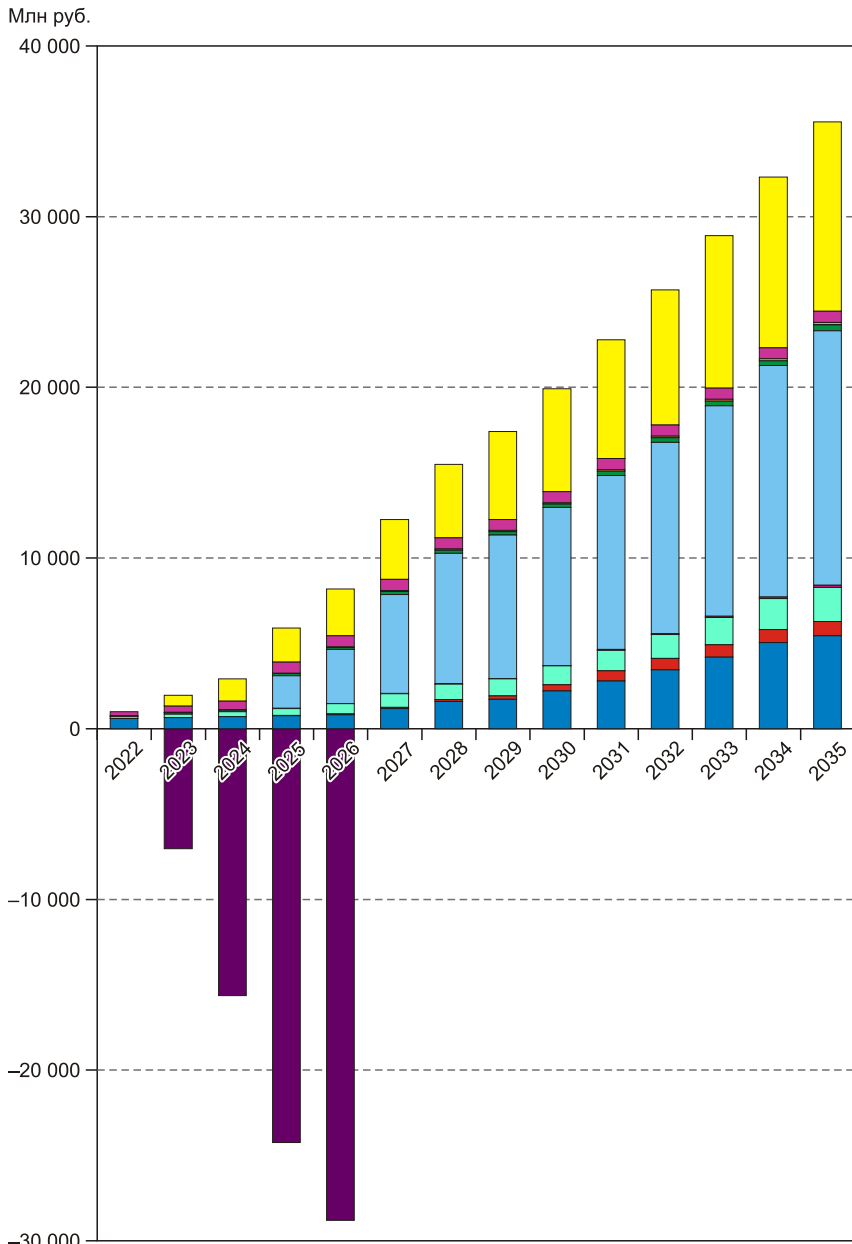
Приведем расчет экономической стоимости проекта «ИНТЦ «Русский» с учетом оценки экстерналий (внешних эффектов) (рис. 2). Для подготовки расчета автором была проведена серия интервью с целью обсуждения предпосылок и показателей, влияющих на прямые и косвенные эффекты от реализации проекта. При этом значения показателей брались либо из целевой модели проекта, посчитанной

Окончание табл. 5

Расчет стоимости	Источники данных	Комментарии применительно к ИНТЦ
<i>образование</i>		
Экономическая выгода в год t = число выпускников в год t (приведенная стоимость в году t дополнительной брутто-зарплаты среднее кол-во лет будущей трудовой карьеры выпускников)	Рыночная стоимость заработной платы выпускников – из статистических данных ОЭСР по конкретной стране и сопоставлено со статистикой по средней заработной плате	Для признания выгоды должно присутствовать «узкое горлышко». Для получения аналогичных знаний студенты должны обращаться за рубежом, неся затраты
(Сред. транспортные расходы + средние сборы за мероприятие или конференцию, оплачиваемые участниками) + (сред. дневная заработная плата участника кол-во дней на мероприятии) (сред. кол-во участников) (число организованных мероприятий или конференций в год)	Данные бенефициара	
Экономические выгоды на единицу мощности, используемой промоутером проекта кол-во единиц мощности, подлежащих использованию посещающими исследователями в рамках политики открытого доступа	Данные бенефициара	

рекомендаций: *Economic Appraisal Vademecum 2021–2027 – General Principles and Sector*

при участии автора, либо на основании сравнимых бенчмарков. Расчет показывает, что ENPV проекта «ИНТЦ «Русский» с учетом всех выявленных эффектов положительный, и с точки зрения общественного значения проект должен быть поддержан даже при пограничных значениях акционерной доходности и бюджетной эффективности.

- выгоды от роста производительности труда в ключевых секторах региональной экономики
- инвестиционные потоки проекта
- экономические выгоды от доступа к инфраструктуре
- польза от обучения на практике
- выгоды (или издержки) от изменения климата
- выгода из создания сетей между исследователями и между исследователями и частными компаниями
- формирование человеческого капитала: польза для общества образованной рабочей силы
- новые знания: польза для общества новых научных публикаций исследователей-пользователей
- рост добавленной стоимости благодаря росту продаж вследствие инвестиций
- разработка новых/улучшенных продуктов и процессов
- создание спин-оффов и стартапов, добавленная стоимость

Рис. 2. Динамика экономической стоимости проекта «ИНТЦ «Русский» с учетом оценки экстерналий (внешних эффектов), млн руб.

Источник: составлено автором

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование развивает методологию интегрированной оценки социально-экономической эффективности комплексных инвестиционных проектов на основе принципов устойчивого развития и международных подходов на примере КИП, реализуемых на территории Дальневосточного федерального округа и Арктической зоны Российской Федерации.

Обосновано, что комплексные инвестиционные проекты могли бы стать действенным инструментом в парадигме новой экономической политики. В данной статье под КИП понимается проект, состоящий из нескольких взаимозависимых инвестиционных проектов, предполагающих создание сопутствующих комплексизирующих производств, объектов транспортной, инженерной и социальной инфраструктуры, выработку механизмов их совместного использования для достижения синергетического эффекта от реализации проектов.

Выявлено, что специфической особенностью КИП является то, что они генерируют огромное множество эффектов – прямых, косвенных, внешних, перераспределительных, которые могут как увеличи-

вать благосостояние общества (положительные эффекты), так и уменьшать его (отрицательные эффекты). Распространенные подходы к оценке инвестиционных проектов на базе расчета показателей коммерческой (финансовой) эффективности явно недостаточны для корректной оценки всех последствий для общества от реализации этого типа проектов. Поэтому подход к оценке эффективности КИП должен базироваться прежде всего на оценке общественной (социально-экономической) эффективности.

В статье предложена классификация инвестиционных проектов в зависимости от их общественной значимости и систематизированы имеющиеся отечественные и зарубежные методические подходы с целью обоснования интегрированной методики оценки КИП. Автором модифицирован инструментарий оценки комплексных инвестиционных проектов с учетом выгод для общества и на примере проекта «ИНТЦ «Русский» выполнены экспериментальные расчеты, позволяющие получить количественные оценки общественной эффективности проекта в разрезе видов генерируемых эффектов.

Результаты исследования позволяют повысить обоснованность решений по осуществлению бюджетных инвестиций и предоставлению мер государственной поддержки отдельным проектам, сформируют системные основания для приоритизации портфеля существующих и перспективных проектов (переориентации господдержки на проекты с максимальной общественной отдачей) и будут способствовать совершенствованию структуры иницируемых проектов в пользу более общественно результативных вариантов их реализации.

Список источников

1. Аскарлова Г.К. Комплексный инвестиционный проект – проблемы и пути решения // Актуальные проблемы аграрной науки и пути их решения. – Кинель: Самар. гос. сельскохозяйств. академия, 2016. – С. 682–685.
2. Виленский П.Л., Лившиц В.Н., Смоляк С.А. Оценка эффективности инвестиционных проектов: Теория и практика. – М.: Поли Принт Сервис, 2015. – 1300 с.
3. Доброва Е.Д. Комплексный проект как фактор интенсификации инвестиционной деятельности промышленных предприятий // Финансовая жизнь. – 2020. – № 2. – С. 129–132.
4. Королькова М.В., Новикова Т.С. Подходы к оценке эффективности комплекса взаимосвязанных инвестиционных проектов // Мир экономики и управления. – 2018. – Т. 18, № 3. – С. 66–80. DOI: 10.25205/2542-0429-2018-18-3-66-80.

5. Ларин С.Н., Хрусталева О.Е. Методология построения национальной экономической системы на основе разработки и реализации комплексных инвестиционных проектов // Инновации в менеджменте. – 2020. – № 2 (24). – С. 46–53.
6. Лившиц В.Н., Миронова И.А., Швецов А.Н. Оценка эффективности инвестиционных проектов в различных условиях // Экономика промышленности. – 2019. – Т. 12, № 1. – С. 29–43. – DOI: 10.17073/2072-1633-2019-1-29-43.
7. Львов Д.С. Экономика развития. – М.: Экзамен, 2002. – 512 с.
8. Мельников Р.М. Оценка эффективности общественно значимых инвестиционных проектов методом анализа издержек и выгод. – М.: Проспект, 2016. – 239 с.
9. Митрофанова И.В., Митрофанова И.А., Горшкова О.П., Старостина Е.С. Развитие методических подходов к экономической оценке эффективности мега-проектов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – Т.8, № 6А. – С. 38–54.
10. Нагаева О.С. Оценка социально-экономической эффективности региональных инвестиционных проектов // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2016. – № 4 (48). – С. 40–50.
11. Швецов А.Н. Инвестиции в региональную экономику: как уменьшить риски выбора неэффективных проектов // Региональная экономика. Юг России. – 2011. – Вып. 12. – С. 127–136.
12. Belton V., Stewart T. Multiple Criteria Decision Analysis: An Integrated Approach. – Springer Science & Business Media, 2002. DOI: 10.1007/978-1-4615-1495-4.
13. Levin H.M., McEwan P.J. Cost Effectiveness Analysis: Methods and Applications. – Sage Publications, Inc., 2001.
14. Mishan E. Cost-Benefit Analysis. – London: George Allen and Unwin, 1988. – 447 p.
15. Mühlbacher A.C., Kaczynski A. Making good decisions in healthcare with multi-criteria decision analysis: The use, current research and future development of MCDA // Appl Health Econ Health Policy. – 2016. – No. 14 (1). – P. 29–40. DOI: 10.1007/s40258-015-0203-4.
16. Ward W.A. Cost-benefit analysis theory versus practice at the World Bank 1960 to 2015 // Journal of Benefit-Cost Analysis. – 2019. – No. 1. – P. 124–144.
17. Willan A.R., Briggs A.H. Statistical Analysis of Cost Effectiveness Data. – John Wiley & Sons, Ltd., 2006.

Информация об авторе

Кузнецов Михаил Евгеньевич (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, директор Центра системных трансформаций экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1, стр. 46); директор ФАНУ «Восточный центр государственного планирования». E-mail: mkuznetsov@stc.expert.

DOI: 10.15372/REG20230208

Region: Economics & Sociology, 2023, No. 2 (118), p. 194–220

M.E. Kuznetsov

**PECULIARITIES OF ASSESSING THE SOCIO-ECONOMIC
EFFECTIVENESS OF COMPREHENSIVE INVESTMENT
PROJECTS FOR INNOVATION INFRASTRUCTURE:
A CASE STUDY OF THE ISTC ON RUSSKY ISLAND**

The purpose of this study is to scientifically substantiate an integrated methodology for assessing the socio-economic effectiveness of comprehensive investment projects (CIPs) that follows sustainable development principles and international evaluation approaches. This is achieved by examining investment projects aimed at creating innovative infrastructure in the Far Eastern Federal District (FEFD) as a case study. The object of this study is the CIPs implemented in the FEFD. The subject of the study is the set of forecast socio-economic effects and outcomes resulting from the implementation of these investment projects for innovation infrastructure in the region.

The article discusses the main ways the government supports CIPs in the FEFD and explores different approaches to evaluating these projects. To enhance sustainable regional development and maximize positive socio-economic impacts, we analyze existing and suggest new methods for assessing and planning the implementation of CIPs. We study the economic characteristics and types of effects generated by these projects. Additionally, our research looks at foreign approaches to evaluating the public (economic) efficiency of investment projects and offers a critical analysis of domestic methods used for assessing and selecting investment projects for state support.

The article also addresses the challenges and features of methodological support for evaluating the public (economic) efficiency of CIPs. We introduce a scientific novelty by adapting existing domestic and foreign methodological approaches and modifying relevant tools to achieve the goal of the study. Moreover, we conduct experimental calculations on the Russky Island ISTC Project, resulting in a quantitative assessment of its societal effectiveness based on the types of effects generated. The study's findings will enhance the accuracy of decision-making regarding budget investments and state support measures for individual projects. It will also provide a systematic framework for prioritizing the portfolio of existing and prospective projects (with a state support reorientation on projects maximizing public benefit). Furthermore, the study will contribute to improving the structure of initiated projects in favor of more societally effective implementation options.

Keywords: sustainable development; comprehensive investment projects (CIPs); socio-economic effects; societal effectiveness; state support; integrated assessment; Far Eastern Federal District; innovation infrastructure; cost-benefit analysis; full benefit-cost analysis; societal costs

For citation: *Kuznetsov, M.E. (2023). Osobennosti otsenki sotsialno-ekonomicheskoy effektivnosti kompleksnykh investitsionnykh projektov po sozdaniiyu infrastruktury innovatsionnoy deyatel'nosti na primere INTTs na ostrove Russkiy [Peculiarities of assessing the socio-economic effectiveness of comprehensive investment projects for innovation infrastructure: a case study of the ISTC on Russky Island]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (118), 194–220. DOI: 10.15372/REG20230208.*

References

1. *Askarova, G.K. (2016). Kompleksnyy investitsionnyy projekt – problemy i puti resheniya [Integrated investment project – problems and solutions]. Aktualnye problemy agrarnoy nauki i puti ikh resheniya [Current Problems of Agrarian Science and Ways of Their Solution]. Kinel, Samara State Agricultural Academy, 682–685.*
2. *Vilenskiy, P.L., V.N. Livchits & S.A. Smolyak. (2015). Otsenka effektivnosti investitsionnykh projektov: Teoriya i praktika [Assessment of the Effectiveness of Investment Projects: Theory and Practice]. Moscow, Poli Print Servis Publ., 1300.*
3. *Dobrova, E.D. (2020). Kompleksnyy projekt kak faktor intensivifikatsii investitsionnoy deyatel'nosti promyshlennykh predpriyatiy [A comprehensive project as a factor in the intensification of investment activities of enterprises]. Finansovaya zhizn [Financial Life], 2, 129–132.*
4. *Korolkova, M.V. & T.S. Novikova. (2018). Podkhody k otsenke effektivnosti kompleksa vzaimosvyazannykh investitsionnykh projektov [Approaches to the efficiency evaluation for the complex of interrelated investment projects]. Mir ekonomiki i upravleniya [World of Economics and Management], Vol. 18, No. 3, 66–80. DOI: 10.25205/2542-0429-2018-18-3-66-80.*
5. *Larin, S.N. & O.E. Khrustalev. (2020). Metodologiya postroeniya natsionalnoy ekonomicheskoy sistemy na osnove razrabotki i realizatsii kompleksnykh investitsionnykh projektov [Methodology for building a national economic system through the development and implementation of integrated investment projects]. Innovatsii v menedzhmente [Innovations in Management], 2 (24), 46–53.*
6. *Livchits, V.N., I.A. Mironova & A.N. Shvetsov. (2019). Otsenka effektivnosti investitsionnykh projektov v razlichnykh usloviyakh [Evaluating investment projects efficiency in various conditions]. Ekonomika promyshlennosti [Russian Journal of Industrial Economics], Vol. 12, No. 1, 29–43. DOI: 10.17073/2072-1633-2019-1-29-43.*
7. *Lvov, D.S. (2002). Ekonomika razvitiya [Economics of Development]. Moscow, Ekzamen Publ., 512.*

8. *Melnikov, R.M.* (2016). Otsenka effektivnosti obshchestvenno znachimykh investitsionnykh projektov metodom analiza izderzhek i vygod [Assessment of the Effectiveness of Socially Significant Investment Projects by the Method of Cost-Benefit Analysis]. Moscow, Prospekt Publ., 239.
9. *Mitrofanova, I.V., I.A. Mitrofanova, O.P. Gorshkova & E.S. Starostina.* (2018). Razvitie metodicheskikh podkhodov k ekonomicheskoy otsenke effektivnosti megaproektov [Development of methodical approaches to evaluation of efficiency of mega-projects]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], Vol. 8, No. 6A, 38–54.
10. *Nagaeva, O.S.* (2016). Otsenka sotsialno-ekonomicheskoy effektivnosti regionalnykh investitsionnykh projektov [The estimation of the socio-economic efficiency of regional investment projects]. *Regionalnaya ekonomika i upravlenie: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Regional Economy and Management: Electronic Scientific Journal], 4 (48), 40–50.
11. *Shvetsov, A.N.* (2011). Investitsii v regionalnuyu ekonomiku: kak umenshit riski vybora neeffektivnykh projektov [Investments in the regional economy: how to reduce the risks of choosing inefficient projects]. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], 12, 127–136.
12. *Belton, V. & T. Stewart.* (2002). Multiple Criteria Decision Analysis: An Integrated Approach. Springer Science & Business Media. DOI: 10.1007/978-1-4615-1495-4.
13. *Levin, H.M. & P.J. McEwan.* (2001). Cost Effectiveness Analysis: Methods and Applications. Sage Publications, Inc.
14. *Mishan, E.* (1988). Cost-Benefit Analysis. London, George Allen and Unwin, 447.
15. *Mühlbacher, A.C. & A. Kaczynski.* (2016). Making good decisions in healthcare with multi-criteria decision analysis: The use, current research and future development of MCDA. *Appl Health Econ Health Policy*, 14 (1), 29–40. DOI: 10.1007/s40258-015-0203-4.
16. *Ward, W.A.* (2019). Cost-benefit analysis theory versus practice at the World Bank 1960 to 2015. *Journal of Benefit-Cost Analysis*, 1, 124–144.
17. *Willan, A.R. & A.H. Briggs.* (2006). Statistical Analysis of Cost Effectiveness Data. John Wiley & Sons, Ltd.

About Author

Kuznetsov, Mikhail Evgenievich (Moscow, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Director of the Center for Systemic Transformations, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (bld. 46, 1, Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russia); Director of FASI “Eastern State Planning Center”. E-mail: mkuznetsov@stc.expert.

Поступила в редколлегию 10.10.2022.

После доработки 30.01.2023.

Принята к публикации 01.02.2023.

© Кузнецов М.Е., 2023

Ю.В. Попков

**ПРИОРИТЕТЫ И ФАКТОРЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ
ИНТЕГРАЦИИ В СВЕТЕ ИДЕЙ КЛАССИКОВ
ЕВРАЗИЙСТВА И РОЛЬ СИБИРИ
В ФОРМИРОВАНИИ ПЕРСПЕКТИВНОЙ
МОДЕЛИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО БУДУЩЕГО**

В статье актуализируется значимость евразийских идей в условиях переживаемых ныне глобальных потрясений и необходимости определения перспектив развития России. Эти идеи не имеют однозначных интерпретаций. Автор привлекает внимание к положениям классиков евразийства по базовым вопросам их учения, прежде всего о понимании того, что есть Евразия, о сути евразийства и евразийской интеграции. С учетом этого критически оценивается проект Большой Евразии в том варианте, который предполагает под ней весь Евразийский континент от Лиссабона до Владивостока, как стратегического направления геополитики России в текущей ситуации. В качестве приоритета государственной политики отстаивается необходимость внутреннего обустройства России и развития внутривевразийских и трансграничных взаимодействий как условия укрепления потенциала России и успешной евразийской интеграции. Такой вектор развития соответствует фундаментальным идеям основоположников евразийства как идейно-политического течения, а также текущим и перспективным интересам России, потребностям обеспечения ее национальной безопасности. В статье выделяются институциональные, экономические, социокультурные и ин-формационные факторы успешной внутривевразийской интеграции. Выводы о векторе развития дополняются обоснованием духовно-экологической модели развития в качестве перспективной стратегии цивилиза-

ционного будущего России и всего евразийского социокультурного пространства при фиксации ключевой роли Сибири в предстоящих трансформациях.

Основным методологическим средством решения поставленных в работе задач является социокультурный подход с учетом ресурсов двух его основных интерпретаций: валюативной и рефлексивной. Для аргументации отдельных общих положений используются результаты вторичного анализа итогов ранее проведенных под руководством автора социологических исследований в различных локусах евразийского мира и онлайн-опроса студентов вузов пяти крупнейших городов Сибири о ценностных ориентирах и цивилизационных представлениях респондентов. Полученные выводы могут быть интересны органам законодательной и исполнительной власти при реформатировании системы приоритетов внутренней и внешней политики России в текущей геополитической ситуации.

Ключевые слова: евразийство; социокультурное пространство; трансграничные взаимодействия; интеграция; государственная политика; Евразия; Россия; Сибирь

Для цитирования: Попков Ю.В. Приоритеты и факторы евразийской интеграции в свете идей классиков евразийства и роль Сибири в формировании перспективной модели цивилизационного будущего // Регион: экономика и социология. – 2023. – № 2 (118). – С. 221–242. DOI: 10.15372/REG20230209.

ВВЕДЕНИЕ

Толчком к написанию данной статьи послужила интересная дискуссия по широкому комплексу проблем на прошедшей в декабре 2022 г. в Технопарке новосибирского Академгородка II Международной конференции «Евразийские трансграничные экономические и научно-технические взаимодействия»¹. Хотя отдельные выводы некоторых докладчиков у меня вызывали возражения, основные итоги конференции заслуживают высокой положительной оценки. Поэтому

¹ Подробнее об этом см.: [17].

начать хочу с одобрения и самой темы конференции, посвященной евразийскому (я бы сказал точнее: внутриевразийскому) трансграничному взаимодействию, и состава ее участников, и многих идей и выводов, которые на ней прозвучали. И то, и другое, и третье соответствует, во-первых, представлениям основоположников евразийства как идейно-политического течения о самой Евразии, о сути евразийства и о евразийской интеграции, а во-вторых, текущей глобальной ситуации, требующей от России и ее партнеров выстраивания четких приоритетов внутренней и внешней политики, которые, по моему убеждению, должны опираться на идеи классического евразийства с учетом их творческого использования и развития.

Но проблема состоит в том, что в реальных научных разработках, а также в политической и экономической практике не всегда дело обстоит таким образом. При очевидной актуализации евразийской тематики можно наблюдать достаточно широкий разброс интерпретаций, порой весьма поверхностных, по существу ее базовых вопросов. Часто выдвигаются и реализуются в политике проекты, не соответствующие сути евразийских идей и не отвечающие задачам обеспечения реальной геополитической безопасности России. Еще менее определенным является дискурс о цивилизационном будущем России и месте в нем Сибири. Принимая во внимание эту проблемную ситуацию, автор в настоящей статье ставит следующие задачи: 1) выделить значимые особенности России с учетом ее евразийского социокультурного статуса; 2) определить основные приоритеты развития России и факторы евразийской интеграции с учетом наследия евразийцев и текущей геополитической ситуации; 3) аргументировать значимость духовно-экологической стратегии развития в качестве перспективной модели цивилизационного будущего; 4) показать роль Сибири в формировании данной модели.

Основным методологическим средством решения поставленных задач является социокультурный подход с использованием ресурсов двух его основных взаимосвязанных интерпретаций: валюативной, базирующейся на аксиологической трактовке феномена культуры, и рефлексивной, в рамках которой развитие общества характеризуется как процесс и продукт взаимодействия и взаимовлияния культур

и цивилизаций. Евразийское социокультурное пространство рассматривается как продукт длительных контактов расселенных здесь народов, в результате рефлексии культур которых сформировалось сходство их базисных ценностей. Для аргументации некоторых общих положений используются выводы, полученные путем вторичного анализа итогов массовых опросов, направленных на изучение ценностных ориентаций населения, ранее проведенных под руководством автора в различных регионах евразийского мира, а также онлайн-опроса студентов вузов пяти крупнейших городов Сибири о системе ценностей и цивилизационных предпочтениях респондентов.

ПОГРАНИЧНОСТЬ РОССИИ И АКТУАЛИЗАЦИЯ ТРАНСГРАНИЧНОСТИ

Прежде всего следует зафиксировать несколько моментов, принципиально важных при определении места и роли России в целом, а также Сибири как ее существенно значимого локуса в системе евразийских взаимодействий.

Одна из сущностных характеристик России состоит в ее принадлежности к пограничному типу культур и цивилизаций. Ее сила и мощь всегда были связаны с использованием периферии в качестве важного ресурса развития. Как известно, особое место здесь занимает Сибирь, благодаря вхождению которой в состав Российского государства оно смогло стать собственно Россией, великой державой.

Одновременно использование периферии как значимого ресурса развития возможно при условии проницаемости пограничного пространства, подвижности, пересечения существующих границ, выхода за их пределы. Тем самым реализация потенциала пограничности предполагает активизацию трансграничности – реальных экономических, политических, социокультурных взаимодействий и связей.

Предельно общее представление о пограничности России отражено в ее статусе как евразийской страны. Евразийство здесь следует понимать не только в идейно-теоретическом (как некоторую доктрину) или территориально-географическом смысле, но и в социокультурном, цивилизационном отношении. Тесные связи на территории

Евразии существовали, хотя с разной степенью интенсивности и интегрированности, на протяжении всей ее длительной истории. Единство евразийского социокультурного пространства и сходство ценностных систем (при одновременном сохранении внутреннего разнообразия) обеспечиваются благодаря рефлексии культур проживающих здесь народов. Можно даже говорить о нем как об интегрированном полицивилизационном пространстве. Такую позицию отстаивают некоторые исследователи и применительно к самой России, которая является, можно сказать, центральной частью евразийского мира. Так, В.Н. Лексин рассматривает Россию в качестве полицивилизационной структуры, своеобразной цивилизационной конфедерации [8, с. 15].

Признание пограничности и трансграничности и самой России, и всего евразийского пространства имеет важное значение для адекватной оценки сути евразийства и происходящих здесь социокультурных процессов. Так, носителей пограничных культур С.И. Семенов справедливо определяет как общности, сформировавшиеся в процессе симбиоза-синтеза на пересечении религиозных и этнокультурных миров. Они являются целостными, но внутри себя гетерогенными, полиморфными, лабильными, способными воспринимать «чужие» культурные ценности и готовыми поделить ценности «своими». Это открытые культуры, которые выступают в качестве мостов между Западом и Востоком, Севером и Югом [18, с. 159–160].

Как известно, наиболее емкая характеристика России как евразийской державы представлена в наследии основоположников евразийства [16]. Примечательно, что само евразийство как самостоятельное идейное направление возникло в период кардинальных социокультурных трансформаций, связанных, с одной стороны, с распадом Российской империи, с другой стороны, с образованием СССР. В последующем тема евразийства привлекла к себе пристальное внимание в условиях трагических для нашей страны потрясений, вызванных распадом Советского Союза. Схожий период переживает и современный мир в целом. По мнению многих известных экспертов и политиков, он характеризуется кризисом глобализации, который наиболее отчетливо проявился во время пандемии COVID-19, а также

лежащим в его основе кризисом претендовавшей на мировое господство неолиберальной модели социального (в широком смысле) устройства.

Не случайно евразийская проблематика в настоящее время вновь актуализировалась. Мало того, тема Евразии превратилась в одну из доминирующих геополитических установок российской власти. При этом речь идет не просто о Евразии, а о Большой Евразии. Соответствующий концепт и геополитический ориентир были официально закреплены в Указе Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»: предполагается формирование «общего экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана на основе сопряжения процессов европейской и евразийской интеграции»². Другая известная и яркая метафора для обозначения проекта Большой Евразии – «от Лиссабона до Владивостока».

На мой взгляд, целесообразность этого проекта была вполне обоснованной в момент его провозглашения, но в настоящее время, когда отношения России с так называемым коллективным Западом обострились до предела, когда Запад категорически «не хочет дружить» с Россией, приоритеты геополитики нашей страны должны быть скорректированы. Но идея Большой Евразии в обозначенном смысле продолжает «работать», юридически и практически действует до сих пор³, несмотря на кардинальное изменение ситуации в связи со специальной военной операцией. Соответствующая геополитическая ориентация подкреплена активными усилиями научного сообщества по пропаганде этого проекта и рассмотрению его содержательных вопросов. Достаточно сказать, что большое количество научных форумов и публикаций в настоящее время посвящено именно Большой Евразии.

² Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> .

³ См., например: *Большая Евразия* станет центром, который многих заинтересует, заявил Путин // РИА Новости. 26.05.2022. – URL: <https://ria.ru/20220526/evraziya-1790846611.html> .

Как представляется, такая политика в текущей ситуации не соответствует реальным интересам России и перспективам стратегической безопасности страны. Она также не согласуется с базисными идеями евразийского учения.

КЛАССИКИ ЕВРАЗИЙСТВА О ЕВРАЗИИ И ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ⁴

Известно, что классики евразийства поставили ряд фундаментальных и принципиально значимых для России вопросов, от адекватного ответа на которые зависит ее настоящее и будущее. Что есть Россия? Что есть Евразия: это и Европа, и Азия или ни Европа, ни Азия? Россия – европейская, азиатская или евразийская (евро-азиатская) страна? Кто и куда ведет Россию? Эти вопросы по-прежнему вызывают острые дискуссии в научных и политических кругах. Важность их обсуждения в современных условиях связана с тем, что ответы на них определяют разные траектории внутренней политики и геополитики России, а следовательно, и ее перспективы. От этого зависит ход процессов социальной интеграции или дезинтеграции в отдельных обществах и сообществах евразийского мира.

Фундаментом для адекватных ответов на эти вопросы является содержание понятия «Евразия». Классики евразийства (П.Н. Савицкий, С.Н. Трубецкой, Н.Н. Алексеев, Л.П. Карсавин и др.) исходили из понимания «России-Евразии как особого исторического и географического мира, простирающегося от границ Польши до Великой китайской стены» [14, с. 124], приблизительно совпадающего с границами СССР.

В работе П.Н. Савицкого «Евразийство. Опыт систематического изложения», которая, по сути, является манифестом этого идейно-политического течения, содержатся многие идеи, актуальные в нынеш-

⁴ Подробнее см.: Попков Ю.В., Костюк В.Г. Проблемы интеграции евразийского пространства и подходы России к их решению // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: Мат. XI Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф., Барнаул, 23–24 июня 2022 г. / Отв. ред. М.А. Широкова, А.В. Иванов. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2022. – С. 15–23.

нее время: народность в политике, ответственность государства за состояние хозяйства, культуры, особая роль образования в воспитании личности, гармонизация межэтнических отношений, воспитание общеевразийского национализма (патриотизма) и т.д. [15].

Подчеркну, что «месторазвитие» России-Евразии как целостного социокультурного типа определено классиками евразийства достаточно четко, и это обосновано с помощью серьезного историко-культурного анализа. Поэтому всякие трактовки евразийского пространства как Большой Евразии, включающей всю Европу – географическую часть Евро-Азиатского материка, настойчиво навязываемые науке и политике так называемыми современными неоевразийцами, ничего общего не имеют с истинным евразийством и являются современной формой «западничества», против которого всегда выступали евразийцы.

Понимание целостности Евразии (в обозначенном смысле, т.е. как исторического социокультурного типа) органически включает в себя идею внутриевразийского интеграционного приоритета во взаимодействии ее народов. Как заключал П.Н. Савицкий, «над Евразией веет дух своеобразного “братства народов”, имеющий свои корни в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различных рас. Традиции “братства народов”, как отмечали евразийцы, бывали по временам замутнены нарочитым “западничеством”. Это “не приводило Россию ни к чему, кроме бедствий... Нужно надеяться, что к настоящему времени эта концепция преодолена до конца в русском сознании”» [13, с. 302]. Замечу, что она, к сожалению, до сих пор не преодолена, имеет широкое распространение среди политиков и ученых.

О ДУХОВНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО БУДУЩЕГО

В условиях глобального цивилизационного кризиса, который является, по сути, кризисом предложенной Западом и доминирующей сегодня либеральной политико-экономической модели развития, возникает и другой сущностный вопрос современности – вопрос

о модели будущего, точнее сказать, цивилизационного будущего для России и стран евразийского социокультурного пространства, а может быть, и для всего мира. Российское общество, на протяжении тридцатилетия институционально выстраивая политику своего развития по образцу западной цивилизации, продолжает сохранять свой собственный социокультурный потенциал в противовес навязываемым экономико-потребительским ценностям. Это тем более важно в условиях, когда Запад перестал идентифицироваться «в качестве идеала, объекта для подражания и “образа будущего”» [9, с. 4].

В последнее время вопрос об образе будущего России стал достаточно популярной темой научных публикаций (см., например, [12]), а также многочисленных дискуссий экспертов, в том числе на ведущих государственных каналах телевидения. Однако крайне редко соответствующий дискурс затрагивает тему не просто будущего, а именно цивилизационного будущего, хотя, по моему убеждению, в условиях глобального цивилизационного кризиса эта проблема является чрезвычайно актуальной в том числе и применительно к России.

Моделью развития для России может стать духовно-экологическая стратегия цивилизационного будущего. Ее социально-философское обоснование дано моими барнаульскими коллегами-евразийцами [6], а в 2022 г. при участии автора настоящей статьи оно дополнено культурологическим и социологическим обоснованием с подробным описанием наличного объективного и субъективного социокультурного потенциала на примере Сибири [20]. Суть данной модели «состоит в целенаправленном преобразовании разных сфер жизни в фокусе приоритета духовных и экологических ценностей, где сохранение окружающей среды, развитие науки, культуры и образования имеют приоритет по отношению к экономике, политике и финансам. Последние – не цель, а средство для всестороннего развития человека и гармоничной коэволюции общества и биосферы» [5, с. 408]. К другим существенным чертам этой новой цивилизации можно отнести опору на коллективизм и коллективный научный разум нации, развитие кооперативных начал в экономической и социальной жизни, опору на евразийские традиционные ценности и традиционную культуру народов (которая в настоящее время существует в виде неотрадицио-

нализма), поддержание биологического и этнокультурного разнообразия и т.д.

Может показаться, что такая модель является слишком несвоевременной и чрезмерно утопической для текущей ситуации. Но надо иметь в виду ряд значимых аргументов в поддержку позиции о целесообразности по крайней мере ее серьезного содержательного обсуждения.

Во-первых, отдельные элементы подобной модели не являются абсолютно новыми, и они не просто обсуждались ранее, а в той или иной степени осуществлялись в истории на практике, пусть и ограниченной по времени (это, например, Греция времен Перикла, Индия периода правления царя Ашоки, китайская эпоха Тан, Хорезм начала XI в., ранний период правления Ивана Грозного времен «Избранной рады»), о чем мне уже приходилось писать вместе с А.В. Ивановым [5, с. 408–409].

Во-вторых, ориентация на экологичность является зоной консенсуса в обсуждаемых российскими исследователями проектах возможного будущего страны. Такой вывод делает, в частности, Е.А.Тюгашев по итогам специального анализа данной темы [19]. При этом не только исследователи и эксперты, но также и рядовые жители озабочены вопросами экологии. Так, по результатам опроса, проведенного в сентябре 2022 г. «Левада-Центром» (внесен Министерством юстиции РФ в реестр иноагентов), среди серии предложенных для оценки проблем России большинство респондентов (79%) отметили как раз проблемы экологического плана⁵. Важно также отметить, что обозначенной перспективе соответствует ориентация Китая на формирование экологической цивилизации. С учетом «разворота России на Восток» позиция Китая для нашей страны представляется весьма значимой в том числе и по такому фундаментальному вопросу, особенно если учесть статус Китая как трансграничного с нами госу-

⁵ См.: *Общественные проблемы и юридическая помощь* // Левада-Центр. 06.10.2022. – URL: <https://www.levada.ru/2022/10/06/obshhestvennyye-problemy-i-yuridicheskaya-pomoshh/>. (АНО «Левада-Центр» внесена Министерством юстиции РФ в реестр иноагентов.)

дарства и как одной из наиболее активно развивающихся стран современности.

В-третьих, востребованными во всем мире по-прежнему являются идеи равенства, братства, социальной справедливости, гуманизма – принципы, которые принадлежат к числу базовых в рамках предлагаемой цивилизационной модели. Даже К. Шваб, основатель и исполнительный председатель Всемирного экономического форума в Давосе, который, как и многие, говорит о существующем глобальном кризисе, наиболее отчетливо проявившемся в период пандемии, и который ратует за новый мировой порядок в виде неокapитализма, констатирует: «Кризис COVID-19 показал нам, что наши старые системы больше не подходят для 21 века. Он обнажил фундаментальное отсутствие социальной сплоченности, справедливости, инклюзивности и равенства. Сейчас исторический момент, время не только для борьбы с вирусом, но и для формирования системы для пост-короны»⁶.

В-четвертых, одной из важных характеристик предлагаемой цивилизационной модели является ориентация на сохранение этнокультурного разнообразия как условия устойчивости социальной системы России и всего евразийского социокультурного пространства. Российская федеральная власть в последнее время приняла ряд важных решений, направленных на ценностную мобилизацию населения, в том числе в русле обозначенных нами ориентиров. Достаточно упомянуть федеральный закон, который касается нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации и в котором, в частности, подчеркивается необходимость сохранения традиционной народной культуры разных этнических общностей в ее многогранных проявлениях⁷. В этом же ряду стоит Указ Президента РФ о сохранении и укреплении российских духовно-нравственных цен-

⁶ Цит. по: *Давос-2021: каким будет новый мировой порядок?* 02 февраля 2021. – URL: https://dzen.ru/a/YBIb_NlBaHtwQs62 .

⁷ См.: *Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации»*. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405406217/> .

ностей, где особо акцентируется приоритет духовных ценностей, коллективизма и др.⁸

РОЛЬ СИБИРИ В ФОРМИРОВАНИИ ДУХОВНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В наших представлениях о перспективной модели цивилизационного будущего особо выделяется роль Сибири, которая способна выступить в качестве осевого локуса глобальной цивилизационной трансформации. Такой вывод делается не только на основе теоретических изысканий или с учетом геополитического положения, особенно значимого на фоне «разворота России на Восток»⁹, но и на основе всестороннего анализа объективного и субъективного социокультурного потенциала, которым обладает Сибирь, не говоря уже о хорошо известном ее неисчерпаемом ресурсном потенциале. Аргументировано также важное значение традиционной культуры разных народов (в форме неотрадиционализма) и этнокультурного разнообразия в становлении основ духовно-экологической цивилизационной перспективы. При этом Сибирь рассматривается, конечно, как важная часть целостной России [20].

С учетом обозначенной перспективы для Сибири представляется целесообразным поставить вопрос о необходимости кардинального изменения политики российского государства в отношении данного макрорегиона. Как известно, в настоящее время приоритетными в этой политике являются Арктика и Дальний Восток. О Сибири говорится все меньше и меньше. Мало того, как пишет академик В.А. Крюков, она из «территории будущего» в настоящее время «пе-

⁸ См.: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> .

⁹ О сибирском векторе внутренней геополитики России подробно см.: [4].

перодилась» в «территорию нерешенных проблем». Основные причины тому – «отсутствие институциональных реформ, ориентированных на устойчивое развитие, а также “чрезвычайный монополизм” в ведущих отраслях экономики региона, ориентация на приоритеты, формируемые за пределами региона» [7, с. 133].

На самом деле, по моему убеждению, Сибирь по-прежнему заслуживает примерно такого же внимания, какое в XIX в. ей уделялось в соответствии с административной реформой М.М. Сперанского 1822 г., которая успешно действовала почти 100 лет и которая была первой попыткой целостного подхода российского государства к управлению Сибирью с учетом ее реального потенциала и региональных особенностей [1]. Применительно к советскому периоду стоит вспомнить государственную политику, направленную на широко-масштабное промышленное освоение Сибири, а в области фундаментальных научных изысканий – Программу научных исследований и разработок по комплексному использованию природных ресурсов и развитию производительных сил Сибири (программа «Сибирь»), которая, как известно, была принята после специального постановления ЦК КПСС 1977 г.

Нельзя сказать, что в последнее время внимание данному региону со стороны федеральных властей не уделяется. Так, в 2002 г. была принята Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года, которая претерпела вторую редакцию в 2010 г. Очередная такая стратегия в настоящий момент готовится правительством России. Однако нет никакой уверенности в том, что она будет отвечать реальным потребностям развития как самой Сибири, так и России в целом. Опять сошлюсь на компетентное экспертное мнение академика В.А. Крюкова: «Стратегические документы – это хорошо. Они дают некоторое представление о направлениях развития определенного сектора экономики или территории страны. Но от представления до практической реализации – дистанция огромного размера. Предыдущая стратегия была просто конгломератом локальных представлений и предложений от регионов. Общесибирская направленность там плохо просматривается. А развитие экономики обшир-

ных территорий предполагает координацию. ...Так что не в стратегиях дело, а в отсутствии определенных основополагающих принципов модели функционирования российской экономики в целом. Из этих принципов вытекает и роль Сибири как пространства, обладающего уникальным природно-ресурсным потенциалом, который может быть использован для решения широкого комплекса социально-экономических задач»¹⁰.

Успешное будущее России в настоящее время зависит от многих условий, и одним из них является благополучное развитие Сибири, которое возможно, во-первых, при адекватном отношении к ней со стороны органов государственной власти и, во-вторых, при активизации внутриевразийских трансграничных экономических, политических, научно-технических, социокультурных, гуманитарных взаимодействий. Процессы развития Сибири, России и всего евразийского социокультурного пространства неизбежно являются взаимозависимыми и взаимообусловленными.

Обоснование научного обеспечения успешного развития данных взаимодействий в контексте реализации восточного вектора пространственного развития страны проведено известными новосибирскими учеными [11]. Для достойного выполнения этой важной задачи при Сибирском отделении СО РАН на базе Института экономики и организации промышленного производства создан Международный научный центр по проблемам трансграничных взаимодействий в Северной и Северо-Восточной Азии. Он является «сетевой научно-организационной структурой нового типа, работающей на принципах аналитических центров Think Tank» [11, с. 226]. Статья упомянутых ученых представляет собой, по сути, обоснование и конкретную программу деятельности Центра.

В заключение выделю наиболее актуальные и значимые, на мой взгляд, факторы внутриевразийской интеграции, активизация которых может способствовать успешному развитию России и других стран и регионов единого евразийского пространства, к сожалению,

¹⁰ Академик Валерий Крюков – о том, какой должна быть новая стратегия развития Сибири. 11.01.2023. – URL: rg.ru/2023/01/11/v-sibir-po-dobroj-vole.html .

в настоящее время недостаточно интегрированного и консолидированного.

Институциональный фактор предполагает выстраивание четких, стратегически выверенных ориентиров на внутривевразийскую интеграцию со стороны государственных структур, в том числе через совершенствование деятельности существующих и образование новых региональных международных организаций, подкрепленных солидными государственными программами.

Экономический фактор предполагает не только развитие, в том числе в рамках ЕАЭС, обмена товаров и свободного перемещения трудовых ресурсов, но и организацию в системе трансграничных взаимодействий производственных цепочек между странами и регионами, развитие реальной производственной кооперации. Актуальна, в частности, реинтеграция хозяйственных комплексов Сибири и Дальнего Востока с аналогичными комплексами ряда сопредельных стран [11, с. 237]. Стоит заметить, что при проведении трансграничной экономической политики полезными могут быть принципы, отстаиваемые рядом отечественных экономистов в рамках евразийской политической экономии [2].

Социокультурный фактор предполагает использование ценностного потенциала разных народов для укрепления трансграничного единства. Как показывают результаты вторичного анализа итогов массовых социологических исследований, проведенных под руководством автора в разных локусах евразийского мира (республики Южной Сибири, Бурятия, Восточный Казахстан, Западная Монголия, Калмыкия), базовые традиционные ценности в их обновленном виде – в форме этнокультурного неотрадиционализма сохраняют свою устойчивость в условиях испытания жестокими рыночными реформами. Так, во всех этих регионах доминирующим кластером ценностей являются устойчивые ориентации населения на укрепление здоровья, традиционной семьи, на хорошие отношения с соседями, коллегами по работе, людьми разных национальностей, на независимость, уважение и соблюдение народных традиций, бережное отношение к природе. Инновационный кластер ценностей, характеризую-

щий признание важности образования, профессиональной деятельности, а также владения современными средствами связи и включенности в информационные потоки, является тоже достаточно значимым. В целом, большинство респондентов отмечают преимущества коллективистских начал жизни перед индивидуалистическими¹¹. Аналогичные результаты получены совместно с барнаульскими коллегами в ходе онлайн-опроса (2020 г.) студентов сельскохозяйственных вузов пяти крупнейших городов Сибири. Помимо ценностных ориентиров были выявлены цивилизационные предпочтения респондентов. Общий вывод состоит в том, что большинство из них критически оценивают доминирующую ныне техногенно-потребительскую цивилизационную модель и воспринимают духовно-экологическую модель как перспективную для России [20, с. 164–174].

Информационный фактор предполагает в рамках государственной политики, в системе образования, на телевидении, по другим каналам средств массовой информации актуализацию и пропаганду тематики евразийства и евразийских идей. Не менее значимым является также информационное сопровождение научных программ и реальной практики реализации всесторонних трансграничных связей и взаимодействий во Внутренней Евразии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С учетом очерченной в начале статьи проблемной ситуации, связанной с неоднозначным евразийским дискурсом, а также представленных выше основных выводов еще раз подчеркну стратегическую адекватность и обоснованность фокуса II Международной конференции «Евразийские трансграничные экономические и научно-технические взаимодействия» и той конкретной тематики, которая активно на ней дискутировалась [17]. Важно также подчеркнуть, что конференция была организована в рамках деятельности Международного научного центра СО РАН по проблемам трансграничных взаимо-

¹¹ Подробную характеристику параметров и результатов данных исследований см. в работах [3; 10].

действий в Северной и Северо-Восточной Азии, что свидетельствует о его серьезной работе. На мой взгляд, обобщенную формулу конференции, да и деятельности Центра вообще, можно определить как ориентацию не на Большую Евразию, не на весь Евразийский континент, а на, можно сказать, Внутреннюю Евразию и развитие на ее пространстве транграничных взаимодействий как важного условия внутриевразийской интеграции, причем интеграции по широкому спектру вопросов, начиная от экономических и научно-технических, заканчивая социокультурными и гуманитарными.

Делая обобщающий вывод, вновь подчеркну, что в текущей ситуации федеральной и региональной власти следовало бы выстроить основные приоритеты своей внутренней политики и геополитики с ориентацией на первостепенное обустройство самой России и развитие Евразии в классическом ее понимании – как пространства бывшего СССР с подключением сюда трансграничных территорий на Юге и на Востоке.

Очередная актуализация евразийских идей связана с кризисной духовной и политической ситуацией нашего времени. При неоднозначном, иногда крайне критическом отношении к учению евразийцев со стороны ученых и политиков нельзя не замечать того факта, что его рецепты довольно часто реализуются на практике. Как показывают конкретно-социологические исследования, особенно четко это прослеживается на уровне массового сознания и в ориентированных на сотрудничество и кооперацию моделях поведения рядовых представителей разных национальностей в отдельных локусах евразийского социокультурного пространства. В то же время позитивный эффект евразийского движения может быть усилен при подключении институциональных ресурсов, прежде всего в виде продуманной и грамотной публичной политики. Синергия государственного актива и человеческого потенциала народов Евразии способна создать новые возможности и открыть новые горизонты на пути интеграции евразийского мира.

Список источников

1. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Сибирская реформа М.М. Сперанского 1822 г. как проявление принципов имперского регионализма // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. – 2022. – Т. 40. – С. 5–13. DOI: 10.26516/2222-9124.2022.40.5.
2. *Евразийская политическая экономия*: Учебник / Отв. ред. И.А. Максимцев, Д.Ю. Миропольский, Л.С. Тарасевич. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. – 684 с.
3. *Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация* / Отв. ред. Ю.В. Попков. – Новосибирск: Нонпарель, 2010. – 449 с.
4. *Ерохина Е.А.* Сибирский вектор внутренней геополитики России / Ин-т философии и права СО РАН. – Новосибирск, 2012. – 418 с.
5. *Иванов А.В., Попков Ю.В.* Типология цивилизаций в диахроническом измерении: базовые модели и перспективы России // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 404–415. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-404-415.
6. *Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю.* На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения). – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2014. – 219 с.
7. *Крюков В.А.* Сибирь – проблемная территория с великим прошлым и неясным будущим? // Континент Сибирь / Отв. ред. В.А. Крюков. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020. – С. 131–133.
8. *Лексин В.Н.* Судьбы цивилизаций и русский вопрос: Опыт системной диагностики. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 800 с.
9. *Михалев М.С., Якунин В.И., Вилисов М.В.* Пояса и пути Евразии: В поисках человека. – М.: Наука, 2018. – 191 с.
10. *Монгольский мир: между Востоком и Западом* / Отв. ред. Ю.В. Попков, Ж. Амарсанаа. – Новосибирск: Автограф, 2014. – 347 с.
11. *Пармон В.Н., Крюков В.А., Селиверстов В.Е.* Трансграничные взаимодействия на востоке России: научное сопровождение и задачи Сибирского отделения РАН // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 2 (106). – С. 226–258. DOI: 10.15372/REG20200210.
12. *Россия как цивилизация будущего* / Вопросы социальной теории: Научный альманах. Т. XII; отв. ред. Ю.М. Резник. – М.: Издательство Независимого института гражданского общества, 2020. – 288 с.
13. *Савицкий П.Н.* Географические и геополитические основы евразийства // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 295–303.
14. *Савицкий П.Н.* Евразийская концепция русской истории // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 123–126.
15. *Савицкий П.Н.* Евразийство: Опыт систематического изложения // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 13–78.
16. *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – 461 с.
17. *Селиверстов В.Е., Соболевский А.В.* II Международная конференция «Евразийские трансграничные экономические и научно-технические взаимодейст-

вия»: размышляя над итогами // Регион: экономика и социология. – 2023. – № 1 (117). – С. 242–277. DOI: 10.15372/REG20230110.

18. Семенов С. Ибероамериканская и восточноевразийская общности как пограничные культуры // Общественные науки и современность. – 1994. – № 2. – С. 159–169.

19. Тюгашев Е.А. Где находится современная Россия и куда она движется? // Личность. Культура. Общество. – 2020. – Т. XXII, № 3-4 (107-108). – С. 251–261. DOI: 10.30936/1606951X2020223/4251261.

20. Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития / Отв. ред. А.В. Иванов. – Барнаул: Новый формат, 2022. – 368 с.

Информация об авторе

Попков Юрий Владимирович (Россия, Новосибирск) – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8). E-mail: yuripopkov54@mail.ru.

DOI: 10.15372/REG20230209

Region: Economics & Sociology, 2023, No. 2 (118), p. 221–242

Yu.V. Popkov

EURASIAN INTEGRATION PRIORITIES AND FACTORS IN VIEW OF THE IDEAS OF EURASIANISM CLASSICS AND THE ROLE OF SIBERIA IN SHAPING A PROMISING MODEL FOR CIVILIZATIONAL FUTURE

This article emphasizes the importance of Eurasian ideas in the current global upheavals and the need to determine Russia's prospects for development. These ideas are not clearly defined, so we focus on the classic Eurasianism teachings, specifically on what Eurasia is, the essence of Eurasianism, and Eurasian integration. The paper critically evaluates the Greater Eurasia project, which advocates for the whole Eurasian continent from Lisbon to Vladivostok as a strategic direction for Russia's geopolitics. It is argued that Russia's internal development and intra-Eurasian and cross-border interactions are crucial for strengthening Russia's potential and successful Eurasian inte-

gration. This should be a priority of state policy and consistent with the fundamental ideas of the founders of Eurasianism, an ideological and political movement, as well as Russia's current and future interests, including national security. We identify institutional, economic, socio-cultural, and informational factors necessary for successful intra-Eurasian integration. The paper also suggests the spiritual-ecological model of development as a promising strategy for the civilizational future of Russia and the entire Eurasian sociocultural space, with Siberia playing a key role in the upcoming transformations.

The sociocultural approach is the primary methodological tool used to address these issues, utilizing the resources of its two main interpretations: valuative and reflexive. The study utilizes the findings from a secondary analysis of earlier sociological research conducted under our supervision in different loci of the Eurasian world, along with an online survey administered to university students in five major Siberian cities. These data are employed to support specific overarching conclusions regarding respondents' value orientations and perceptions of civilization. The conclusions presented may be of interest to legislative and executive authorities in reformatting Russia's domestic and foreign policy priorities in the current geopolitical situation.

Keywords: Eurasianism; socio-cultural space; cross-border interactions; integration; public policy; Eurasia; Russia; Siberia

For citation: *Popkov, Yu.V. (2023). Prioritety i faktory evraziyskoy integratsii v svete idey klassikov evraziystva i rol Sibiri v formirovanii perspektivnoy modeli tsivilizatsionnogo budushchego [Eurasian integration priorities and factors in view of the ideas of Eurasianism classics and the role of Siberia in shaping a promising model for civilizational future]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (118), 221–242. DOI: 10.15372/REG20230209.*

References

1. *Dameshek, L.M. & I.L. Dameshek. (2022). Sibirskaya reforma M.M. Speranskogo 1822 g. kak proyavlenie printsipov imperskogo regionalizma [The Siberian reform of M.M. Speransky in 1822 as a manifestation of imperial regionalism]. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya [The Bulletin of Irkutsk State University. Series: History], 40, 5–13. DOI: 10.26516/2222-9124.2022.40.5.*

2. *Maksimtsev, I.A., D.Yu. Miropolskiy & L.S. Tarasevich.* (Eds.). (2016). *Evraziyskaya politicheskaya ekonomiya: Uchebnik* [Eurasian Political Economy: Textbook]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics Publ., 684.
3. *Popkov, Yu.V.* (Ed.). (2010). *Evraziyskiy mir: tsennosti, konstanty, samoorganizatsiya* [The Eurasian World: Values, Constants, Self-Organization]. Novosibirsk, Nonparel Publ., 449.
4. *Erokhina, E.A.* (2012). *Sibirskiy vektor vnutrenney geopolitiki Rossii* [Siberian Vector of Russia's Internal Geopolitics]. Novosibirsk, Institute of Philosophy and Law SB RAS, 418.
5. *Ivanov, A.V. & Yu.V. Popkov.* (2022). *Tipologiya tsivilizatsiy v diakhronicheskom izmerenii: bazovye modeli i perspektivy Rossii* [Typology of civilizations in the diachronic dimension: basic models and perspectives of Russia]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], Vol. 22, No. 2, 404–415. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-404-415.
6. *Ivanov, A.V., I.V. Fotieva & M.Yu. Shishin.* (2014). *Na putyakh k novoy tsivilizatsii (ocherki dukhovno-ekologicheskogo mirovozzreniya)* [On the Path to a New Civilization (Essays on the Spiritual-Ecological Worldview)]. Barnaul, Altai State Technical University Publ., 219.
7. *Kryukov, V.A.* (2020). *Sibir – problemnaya territoriya s velikim proshlym i neyasnym budushchim?* [Is Siberia a problematic territory with a great past and an unclear future?]. In: V.A. Kryukov (Ed.) *Kontinent Sibir* [Siberian Continent]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 131–133.
8. *Leksin, V.N.* (2016). *Sudby tsivilizatsiy i russkiy vopros: Opyt sistemnoy diagnostiki* [The Fates of Civilizations and the Russian Question: Experience in System Diagnostics]. Moscow, LENAND Publ., 800.
9. *Mikhalev, M.S., V.I. Yakunin & M.V. Vilisov.* (2018). *Poyasa i puti Evrazii. V poiskakh cheloveka* [Belts and Roads of Eurasia. In Search of a Man]. Moscow, Nauka Publ., 191.
10. *Popkov, Yu.V. & Zh. Amarsanaa.* (Eds.). (2014). *Mongolskiy mir: mezhdru Vostokom i Zapadom* [Mongolian World: Between East and West]. Novosibirsk, Avto-graf Publ., 347.
11. *Parmon, V.N., V.A. Kryukov & V.E. Seliverstov.* (2020). *Transgranichnye vzaimodeystviya na vostokey Rossii: nauchnoye soprovozhdenie i zadachi Sibirskogo otdeleniya RAN* [Cross-border interactions in the Russian East: research support and tasks before the Siberian Branch of the RAS]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2 (106), 226–258. DOI: 10.15372/REG20200210.
12. *Reznik, Yu.M.* (Ed.) (2020). *Rossiia kak tsivilizatsiya budushchego. Voprosy sotsialnoy teorii: Nauchnyy almanakh. T. XII* [Russia as a Civilization of the Future. Issues of Social Theory: Scientific Almanac. Vol. XII.]. Moscow, Independent Institute of Civil Society Publ., 288.

13. *Savitsky, P.N.* (1997). Geograficheskie i geopoliticheskie osnovy evraziystva [Geographical and geopolitical foundations of Eurasianism]. In: P.N. Savitsky. Kontinent Evraziya [Continent Eurasia]. Moscow, Agraf Publ., 295–303.

14. *Savitsky, P.N.* (1997). Evraziyskaya kontseptsiya russkoy istorii [Eurasian concept of Russian history]. In: P.N. Savitsky. Kontinent Evraziya [Continent Eurasia]. Moscow, Agraf Publ., 123–126.

15. *Savitsky, P.N.* (1997). Evraziystvo: Opyt sistematicheskogo izlozheniya [Eurasianism: An attempt at a systematic description]. In: P.N. Savitsky. Kontinent Evraziya [Continent Eurasia]. Moscow, Agraf Publ., 13–78.

16. *Savitsky, P.N.* (1997). Kontinent Evraziya [Continent Eurasia]. Moscow, Agraf Publ., 461.

17. *Seliverstov, V.E. & A.V. Sobolevskiy.* (2023). II Mezhdunarodnaya konferentsiya «Evraziyskie transgranichnye ekonomicheskie i nauchno-tehnicheskie vzaimodeystviya»: razmyshlyaya nad itogami [II International Conference on Eurasian Cross-Border Economic, Scientific and Technological Interactions: reflecting on the outcomes]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 1 (117), 242–277. DOI: 10.15372/REG20230110.

18. *Semenov, S.* (1994). Iberoamerikanskaya i vostochnoevraziyskaya obshchnosti kak pogranichnye kultury [Ibero-American and East Eurasian similarities as border cultures]. Obshchestvennyye nauki i sovremennost [Social Sciences and Contemporary World], 2, 159–169.

19. *Tyugashev, E.A.* (2020). Gde nakhoditsya sovremennaya Rossiya i kuda ona dvizhetsya? [Where does modern Russia stand and where is it heading?]. Lichnost. Kultura. Obshchestvo [Person. Culture. Society], Vol. XXII, No. 3-4 (107-108), 251–261. DOI: 10.30936/1606951X2020223/4251261.

20. *Ivanov, A.V.* (Ed.) (2022). Tsivilizatsionnaya missiya Sibiri: ot tekhnogenno-potrebitelskoy k dukhovno-ekologicheskoy strategii globalnogo i regionalnogo razvitiya [Civilizational Mission of Siberia: From Technogenic-Consumerism to Spiritual-Ecological Strategy of Global and Regional Development]. Barnaul, Novyy format Publ., 368.

About Author

Popkov, Yury Vladimirovich (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev St., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: yuripopkov54@mail.ru.

Поступила в редколлегию 19.01.2023.

После доработки 14.02.2023.

Принята к публикации 17.02.2023.

© Попков Ю.В., 2023

И.П. Глазырина, Л.М. Фалейчик, А.А. Фалейчик

ТРАНСГРАНИЧНАЯ КООПЕРАЦИЯ НА ВОСТОКЕ РОССИИ: ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ

Статья посвящена изучению динамики и структуры прямых иностранных инвестиций (ПИИ), поступающих в регионы Востока России, с учетом «ковидных» экономических шоков 2020–2021 гг. Мы поставили задачу понять, каковы были динамика ПИИ начиная с 2014–2015 гг., их пространственное и отраслевое распределение, изменилось ли что-то в «ковидный» период, а также с каким «багажом» ПИИ восточные территории подошли к началу 2022 г. Накопленные ПИИ в форме участия в капитале за рассматриваемый период росли по стране в целом и, с более высоким темпом, на Дальнем Востоке. В Сибири их доля сократилась, в основном за счет вывода капитала из сырьевых проектов.

Отраслевая структура ПИИ после 2014 г. в России изменилась: доли ПИИ более чем в 1,5 раза выросли в сырьевых секторах и почти втрое сократились в обрабатывающей промышленности. Сокращение ПИИ в обрабатывающих секторах на Востоке России в период пандемии и сразу после нее было существенно меньше, а к 2022 г. их объем вырос на 70% по сравнению с 2015 г.

Шок пандемии в отношении ПИИ не стал критическим в целом в России, а восточные регионы испытали его в значительно меньшей степени. К 2022 г. объемы ПИИ восстановились практически во всех отраслях по сравнению с 2015 г., а в некоторых – существенно превысили этот уровень.

Сравнение динамики товарооборота со странами АТР позволило сделать вывод, что высокий спрос на товары и ресурсы, порождающий экспортно-импортные потоки между Россией и этими странами, слабо «конвертируется» в производительное сотрудничество в форме ПИИ. Это обстоятельство целесообразно учитывать при разработке политики международного экономического сотрудничества после санкций 2022 г.

Ключевые слова: Дальний Восток и Байкальский регион; трансграничная кооперация; прямые иностранные инвестиции (ПИИ); пространственно-отраслевая структура ПИИ

Для цитирования: *Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Фалейчик А.А.* Трансграничная кооперация на Востоке России: прямые иностранные инвестиции // *Регион: экономика и социология.* – 2023. – № 2 (118). – С. 243–263. DOI: 10.15372/REG20230210.

ВВЕДЕНИЕ

Геополитические события 2022 г. принципиально изменили место России в мировой экономической системе. Сравнительные преимущества, связанные с природно-ресурсным богатством, наиболее существенной частью которого в нашей стране являются запасы полезных ископаемых, постепенно теряют свою значимость в качестве одного из основных драйверов экономического роста. Поскольку большая часть этого природного капитала сосредоточена в азиатской части страны, это не может не оказать влияния на ее развитие, как минимум в среднесрочном плане.

Начиная с 2013 г. были приняты и частично реализованы стратегические решения, направленные на ускорение развития Дальнего Востока России, и создан целый комплекс институтов развития. Дискуссия о том, какова роль институциональной трансформации после 2013 г. в развитии Востока России, активно велась в научном сообществе и выявила весьма неоднозначные оценки ее результативности [1; 3; 6; 11]. Поскольку одним из приоритетов всех дальневосточных стратегий было привлечение прямых иностранных инвестиций (ПИИ), этот вопрос рассматривался и в контексте трансграничных экономических связей¹. В настоящей работе мы продолжаем изучение данного вопроса с учетом «ковидных» экономических шоков

¹ См.: *Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Фалейчик А.А.* Инвестиции и трансграничная кооперация на Востоке России // *Регион: экономика и социология.* – 2020. – № 4 (108). – С. 202–234. DOI: 10.15372/REG20200409. См. также [4].

2020–2021 гг. Мы поставили задачу понять, каковы были динамика ПИИ начиная с 2014–2015 гг., их пространственное и отраслевое распределение, изменилось ли что-то в «ковидный» период, а также с каким «багажом» ПИИ восточные территории подошли к началу 2022 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Прежде всего следует отметить, что после 2017 г. в Дальневосточном федеральном округе, уже после начала функционирования «институтов развития», произошло снижение поступлений ПИИ по сравнению с 2014 г. Это обусловлено сокращением ПИИ в нефтегазовый сектор Сахалина, куда, как правило, поступало более половины всех ПИИ. В то же время до 2020 г. в Сибирском федеральном округе и в целом в России мы наблюдаем их значительный рост. По-видимому, сокращение мировой экономики в связи с пандемией сказалось на трансграничных инвестиционных потоках уже в 2021 г. (табл. 1).

Накопленные ПИИ в форме участия в капитале в рассматриваемый период росли по стране в целом и, с более высоким темпом, на Дальнем Востоке. Однако в Сибири их доля сократилась, преимущественно за счет вывода капитала из сырьевых (в том числе нефтегазовых) проектов. При этом объемы долговых инструментов в СФО неуклонно росли до 2020 г., так как крупнейшие сырьевые компании выпускали торгуемые на международных фондовых рынках облигации в больших масштабах (рис. 1). Снижение их стоимости в период пандемии привело к падению их доли в ПИИ.

Объемы ПИИ в форме долговых инструментов на Дальнем Востоке практически не менялись: штаб-квартир предприятий, относящихся к «голубым фишкам», здесь значительно меньше. В стране в целом эти объемы также не росли. Вероятно, это, в частности, стало следствием санкций после 2014 г., ограничивающих возможности для иностранных вложений в российские высокотехнологичные производства.

Отраслевая структура ПИИ после 2014 г. в России заметно изменилась (рис. 2). Более чем в 1,5 раза выросли доли иностранных

Таблица 1

**Прямые инвестиции в экономику Российской Федерации: операции
по субъектам РФ, в которых зарегистрированы резиденты, – «Поступило»,
млн долл. США**

Субъект РФ	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
РФ	146 370	133 949	137 763	150 433	140 079	185 547	206 907	188 234
СФО	4 147	4 179	7 342	8 106	8 298	8 633	14 674	6 813
Республика Бурятия	7	30	75	86	9	–	–	–
Забайкальский край	111	203	207	154	112	–	–	–
Иркутская обл.	472	44	35	1 221	328	581	336	249
ДФО	8 248	10 576	11 595	10 177	5 435	6 770	5 236	7 379
Республика Бурятия	–	–	–	–	26	199	7	3
Республика Саха (Якутия)	228	964	1 347	335	351	1 168	1 114	652
Забайкальский край	–	–	–	–	129	112	113	268
Камчатский край	47	7	2	24	1	55	88	245
Приморский край	717	699	872	831	488	415	404	1 507
Хабаровский край	108	65	544	283	200	576	158	263
Амурская обл.	1 005	633	360	471	288	317	249	1 122
Магаданская обл.	0	758	7	8	5	10	4	3
Сахалинская обл.	5 825	7 197	8 295	7 874	3 535	3 835	3 059	3 264
Еврейская авт. обл.	63	50	19	220	162	35	0	1
Чукотский АО	256	204	149	131	250	47	38	50
Не распределено по субъектам РФ	3 140	901	757	857	496	626	650	455

Источник: составлено авторами на основе статистики внешнего сектора Банка России (https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/).

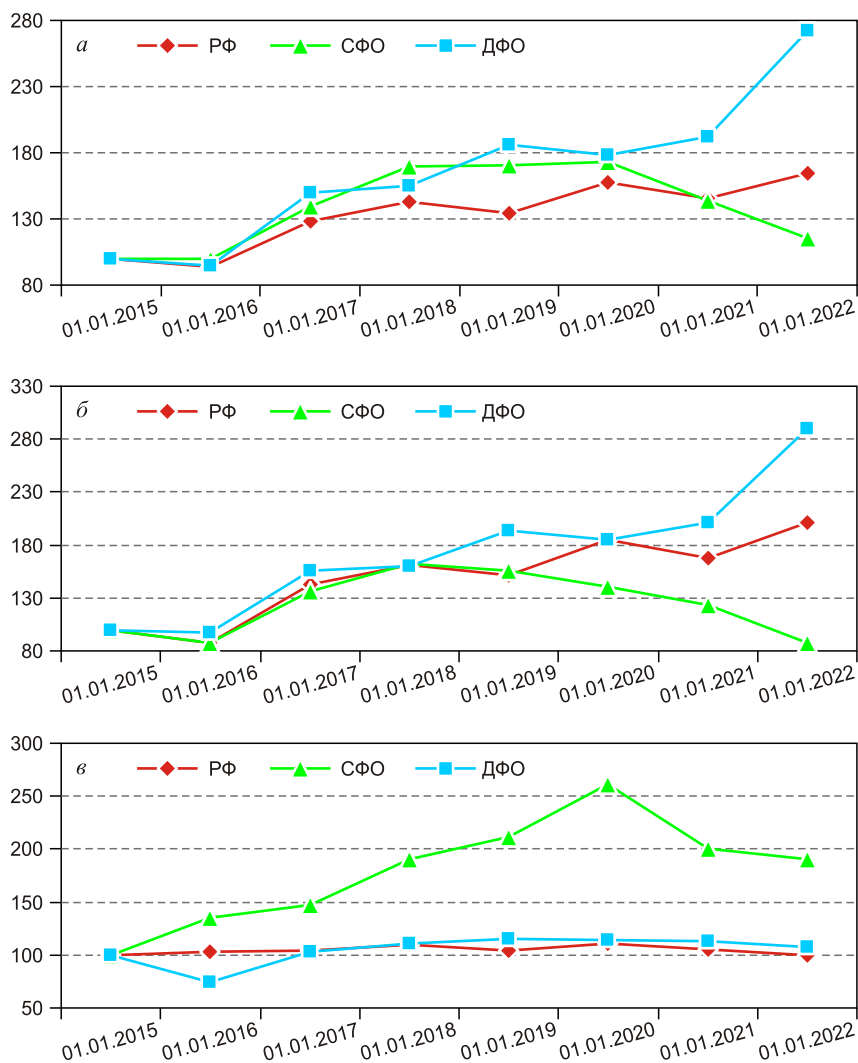

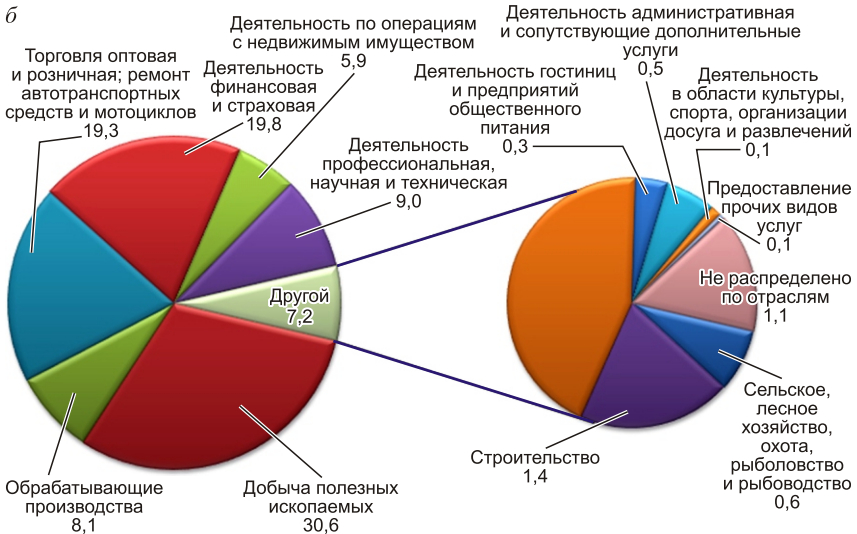
Рис. 1. Прямые иностранные инвестиции в экономику Российской Федерации, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов: остатки по инструментам (по состоянию на дату), % к показателям на 01.01.2015

а – всего; б – участие в капитале; в – долговые инструменты

а

б

инвестиций в сырьевых секторах, и почти вдвое они сократились в обрабатывающей промышленности. Значительно увеличилась доля

Рис. 2. Распределение прямых иностранных инвестиций в экономику Российской Федерации по видам экономической деятельности: остатки по состоянию на 01.01.2015 (а) и 01.01.2022 (б), %

Примечание: круговые диаграммы справа представляют все составляющие сектора «Другой» на левых диаграммах

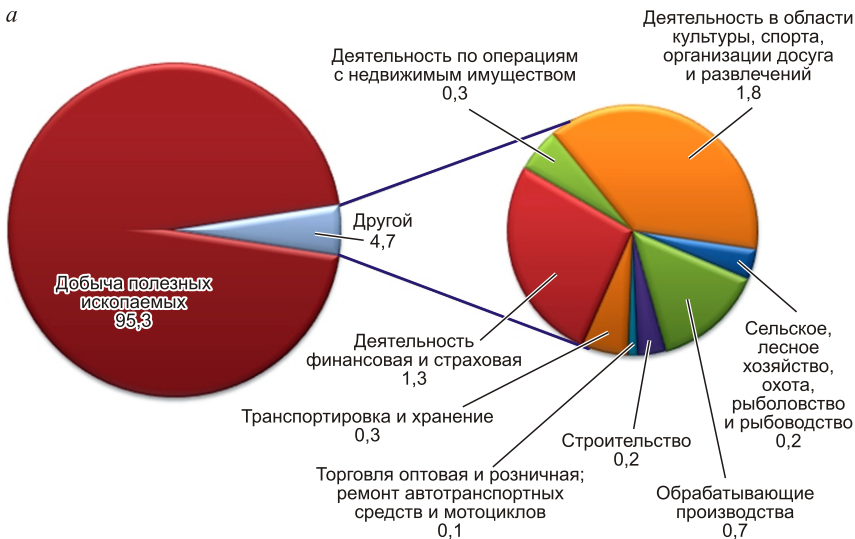
Источник: составлено авторами на основе статистики внешнего сектора Банка России

ПИИ в профессиональной, научной и технической деятельности, а также в транспортировке и хранении. Однако в субъектах РФ Дальнего Востока и Байкальского региона в течение всего этого периода доминировали ПИИ в добычу полезных ископаемых (рис. 3), и основная их доля поступала в нефтегазовый сектор Сахалина.

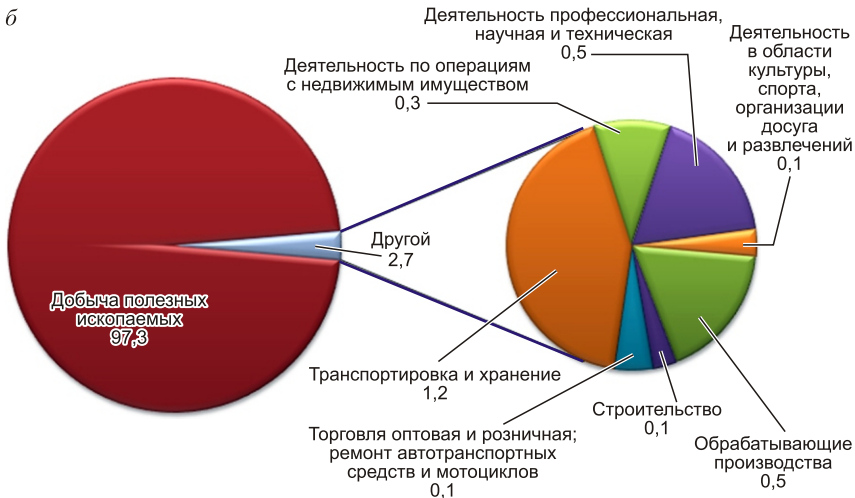
Доля ПИИ на востоке страны (точнее, на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе) в обрабатывающих отраслях в общей сумме иностранных инвестиций в экономику РФ в период с 2015 по 2020 г. не превышала 1% и практически не росла. Но вследствие пандемии к началу 2020 г. объем этих инвестиций в России сократился почти в 10 раз по сравнению с 2015 г., а к 2022 г. составлял всего 54,3% от уровня 2015 г. Однако сокращение ПИИ в обрабатывающих секторах на Востоке России в период пандемии и сразу после нее было существенно меньше, а к 2022 г. их объем вырос на 70% по сравнению с уровнем 2015 г. Это можно объяснить тем, что в восточных регионах нет крупных центров машиностроения, созданных с участием иностранных инвесторов, как в европейской части России, а относительно небольшие бизнесы с участием иностранного капитала оказались более гибкими в организации производственных процессов и потому более устойчивыми.

Анализ данных Банка России позволяет утверждать, что несмотря на санкции и замедление экономического роста после 2014 г., потоки ПИИ до 2020 г. в России продолжали расти в большинстве отраслей. Исключением являются обрабатывающая промышленность и строительство. В «ковидный» период (2020–2021 гг.) в этих двух отраслях произошло значительное сокращение ПИИ, и объемы иностранного инвестирования до уровня 2015 г. не восстановились. В остальных отраслях в период пандемии поступления ПИИ несколько сократи-

а

б

лись, но к началу 2022 г. накопленные ПИИ достигли прежних объемов. Если в 2015 г. основным направлением иностранных инвестиций в разрезе отраслей была обрабатывающая промышленность

Рис. 3. Распределение прямых иностранных инвестиций по видам экономической деятельности по субъектам российского Дальнего Востока и Байкальского региона: остатки по состоянию на 01.01.2015 (а) и 01.01.2022 (б), %

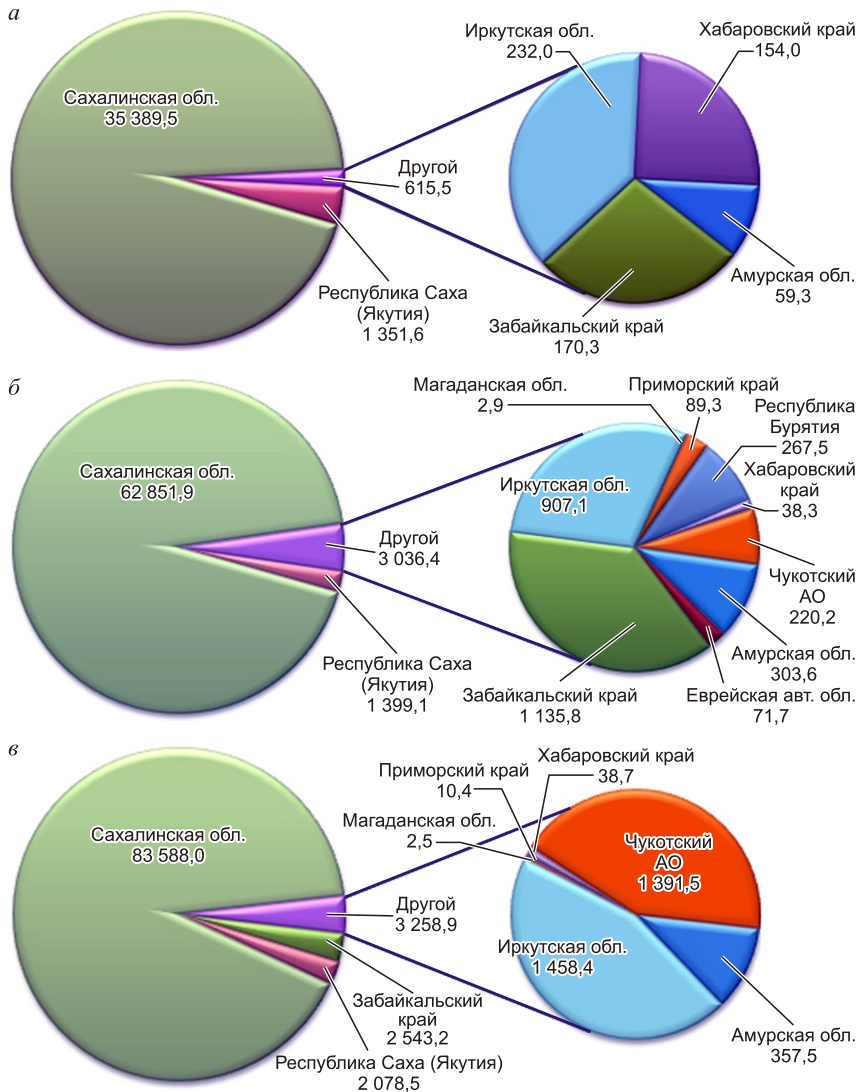
Примечание: круговые диаграммы справа представляют все составляющие сектора «Другой» на левых диаграммах

Источник: составлено авторами на основе статистики внешнего сектора Банка России

(22,7%), то к 2022 г. основным стала добыча полезных ископаемых, доля которой достигла 30,6% (против 19,7% в 2015 г.).

Если с 2015 по 2019 г. число восточных регионов, получающих «сырьевые» ПИИ, заметно выросло, то за «ковидный» период 2020–2021 гг. оно снова сократилось (рис. 4). За 2020 г. объем накопленных ПИИ в добывающий сектор в России снизился лишь незначительно (около 2%), а к началу 2022 г. превысил уровень 2015 г. в 2,36 раза. Для восточных регионов это превышение составило 2,45 раза, причем в 2020 г. данный показатель вырос, а не уменьшился. Аналогичную динамику мы наблюдаем в большинстве отраслей. Исключением является только обрабатывающая промышленность: ее доля в общем объеме ПИИ после 2014 г. к началу 2022 г. сократилась в 1,8 раза по России в целом, а по субъектам Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона выросла в 1,7 раза. В денежном выражении это составило: в РФ – сокращение с 77,45 до 42,12 млрд долл. США, в ДФО и Байкальском регионе – рост с 263,9 до 449,5 млн долл. США.

Крупные добывающие компании достаточно успешно использовали «дальневосточные» инвестиционные режимы, прежде всего для увеличения эффекта от масштаба [6; 9], несмотря на то что некоторые из них начали деятельность по реализации своих проектов задолго до преференциальных новаций. Это касается и финансовых средств из российских источников (Газпромбанк, ВЭБ.РФ, Сбербанк, Российский фонд прямых инвестиций), и зарубежных инвестиций. К этому процессу подключились китайские Highland Fund и China National Gold, индийская Sun Gold (ГРК «Быстринское», Ключевское золоторудное месторождение в Забайкальском крае), казахстанская компания KAZ Minerals (Баимское медно-порфировое месторождение в Чу-

котском автономном округе) и др. [1]. Значительные потоки ПИИ поступают от кипрских компаний (Zaltama Holding Ltd, Polymetal

Рис. 4. Распределение прямых иностранных инвестиций в минерально-сырьевой сектор по субъектам российского Дальнего Востока и Байкальского региона: остатки по состоянию на 01.01.2015 (а), 01.01.2020 (б), 01.01.2022 (в) – «Всего», млн долл. США

Примечание: круговые диаграммы справа представляют все составляющие сектора «Другой» на левых диаграммах, их значения меньше 2% общего объема ПИИ

Источник: составлено авторами на основе статистики внешнего сектора Банка России

International)², однако эти инвестиции можно лишь условно отнести к иностранным, так как их конечными бенефициарами являются российские компании и физические лица.

В 2014 г. создана Межправительственная Российско-Китайская комиссия (МПК) по инвестиционному сотрудничеству при Министерстве экономического развития Российской Федерации для «укрепления двустороннего инвестиционного сотрудничества»³. Перечень проектов, которые находятся в сфере внимания МПК, говорит о том, что далеко не все из них были инициированы при ее участии. Некоторые (например, освоение Быстринского и Березовского месторождений в Забайкальском крае) начали осуществляться еще в «нулевые» годы. С другой стороны, часть проектов перечня отнесена к «потенциальным». Последний протокол, размещенный на сайте МПК, датирован 26.01.2021. Информация о конкретных результатах ее деятельности по привлечению инвестиций на эту дату в протоколе не представлена.

В отраслевом разрезе Перечень МПК включает группы проектов минерально-сырьевого, лесного и агропромышленного комплексов, инфраструктуры и торговли, обрабатывающей промышленности, а также инновационного сектора. В «общероссийском списке» доля (по количеству проектов) минерально-сырьевого комплекса в период 2014–2021 гг. была сопоставима с долей обрабатывающих секторов. Однако на Дальнем Востоке доля минерально-сырьевого сектора

² URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4119385>.

³ URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/d4fe05319a3188801322b9f6677d9f73/Protokol_8-go.pdf.

является безусловно доминирующей и в большинстве регионов в несколько раз превышает долю обрабатывающих производств [1].

Так же как в целом по России, общие объемы накопленных ПИИ устойчиво росли в период 2015–2021 гг., несмотря на санкции после 2014 г., во всех восточных регионах, за исключением Магаданской области (табл. 2).

Структура иностранных инвестиций в экономику восточных регионов по странам-источникам к 2022 г. существенно не изменилась по сравнению с «доковидным» периодом (рис. 5), подробная информация в разрезе регионов представлена нами ранее⁴. В течение всего рассматриваемого периода с 2015 по 2021 г. основными «инвестиционными донорами» были офшорные зоны – Бермудские и Багамские острова, и эти потоки практически целиком направлялись в нефтегазовый сектор Сахалина. Не исключено, что ситуация принципиально изменилась в 2022 г. с выходом компании Shell из проекта по сжижению газа «Сахалин-2»⁵ и ExxonMobil – из проекта «Сахалин-1»⁶, а также из-за санкций и заморозки активов некоторых крупных иностранных компаний с российскими бенефициарами. В то же время в 2022 г. японские компании Marubeni и Itochu дополнительно инвестировали в проект «Сахалин-1», и в некоторой степени это может компенсировать потерю инвестиционных ресурсов. Однако в открытых официальных данных Банка России информация по ПИИ в 2022 г. к настоящему времени недоступна.

Доля стран Европейского союза и Азиатско-Тихоокеанского региона в общей сумме ПИИ в экономику Российской Федерации невелика. В то же время наш экспорт в эти макрорегионы был очень

⁴ См.: *Glazyrina I.P., Faleychik L.M., Faleychik A.A.* Institutional policy and the role of foreign direct investment in the Far East of Russia // *Regional Research of Russia*. – 2021. – Vol. 11, Iss. 4. – P. 625–637. DOI: 10.1134/S2079970521040043.

⁵ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5538040#:~:text=01.09.2022%2C%2021%3A30.%20Shell%20отчала%20с,акционера%20прежнего%20оператора%20Sakhalin%20Energy>.

⁶ URL: <https://iz.ru/1411808/2022-10-18/amerikanskaia-exxonmobil-soobshchila-o-polnom-vykhode-iz-proekta-sakhalin-1>.

Таблица 2

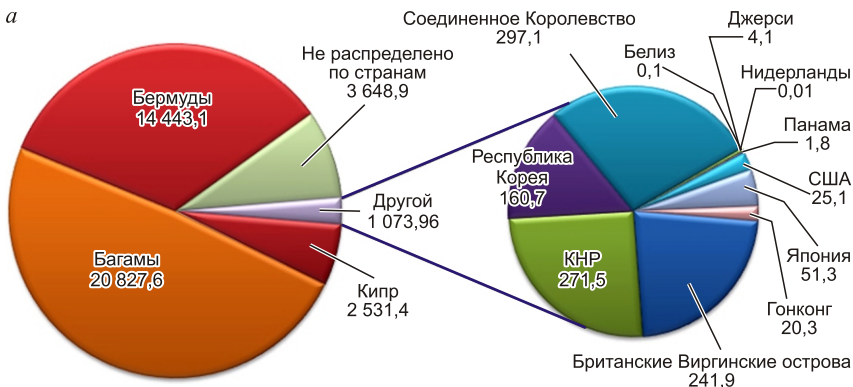
Прямые иностранные инвестиции в экономику субъектов российского Дальнего Востока и Байкальского региона: остатки по инструментам – «Всего» по состоянию на начало года, млн долл. США

Субъект РФ	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2017	01.01.2018	01.01.2019	01.01.2020	01.01.2021	01.01.2022
Иркутская обл.	589,7	481,0	534,2	679,3	960,5	1 360,0	1 085,5	1 719,4
Амурская обл.	975,5	895,7	991,4	1 253,6	760,5	966,2	784,1	1 446,9
Забайкальский край	393,7	372,0	386,8	477,8	1 045,1	1 486,7	1 807,1	2 924,5
Еврейская авт. обл.	39,6	82,9	207,3	140,3	152,6	217,6	198,4	356,3
Камчатский край	51,7	39,1	214,3	240,3	202,0	229,0	182,2	177,4
Магаданская обл.	775,8	21,6	10,1	16,3	10,4	7,1	6,6	6,4
Приморский край	1 074,8	1 172,9	2 145,6	1 609,3	2 427,8	3 269,0	2 985,8	18 342,2
Республика Бурятия	67,0	87,9	136,5	219,6	245,9	300,7	309,4	198,1
Республика Саха (Якутия)	1 423,5	1 209,0	1 826,4	2 197,3	2 267,5	2 510,1	2 417,9	3 231,8
Сахалинская обл.	36 086,9	35 159,1	55 645,1	57 575,7	69 271,4	63 988,3	70 117,7	84 008,3
Хабаровский край	739,1	551,7	1 000,6	1 097,1	736,5	647,1	691,0	807,5
Чукотский АО	382,9	298,7	304,5	290,9	234,0	373,4	446,5	1 494,6

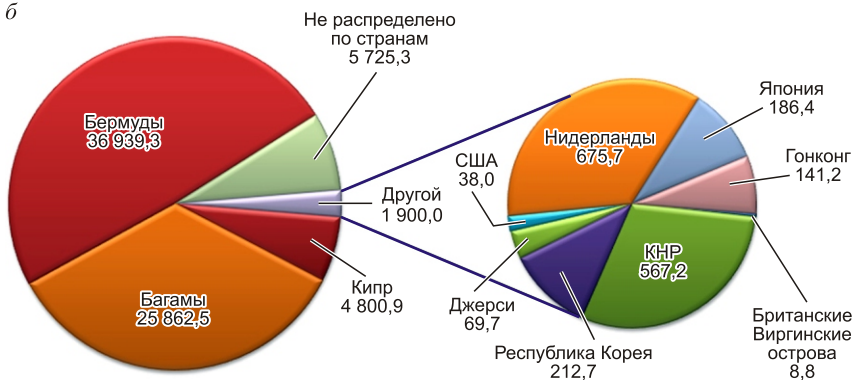
Источник: составлено авторами на основе статистики внешнего сектора Банка России.

существенным и начиная с 1996 г. превышал 60% от общего экспорта. Доля импорта из стран ЕС в 2020 г. составила 34,5%, она плавно снижалась с 2005 г. Доля импорта из стран АТР, напротив, неуклонно

а

б

в

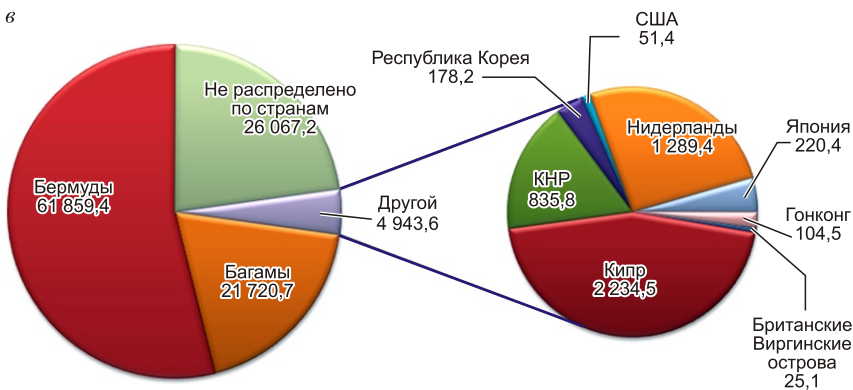

Рис. 5. Прямые иностранные инвестиции в экономику Российской Федерации: остатки по субъектам российского Дальнего Востока и Байкальского региона по странам-партнерам по состоянию на 01.01.2015 (а), 01.01.2020 (б), 01.01.2022 (в) – «Всего», млн долл. США

Примечание: круговые диаграммы справа представляют все составляющие сектора «Другой» на левых диаграммах, их значения меньше 5% общего объема ПИИ

Источник: составлено авторами на основе статистики внешнего сектора Банка России

увеличивалась и к 2020 г. достигла 43,3%. Сальдо торгового баланса между странами ЕС и Россией многие годы остается положительным, чего нельзя сказать про страны АТР [5]. Это показывает, что спрос на товары и ресурсы, порождающий экспортно-импортные потоки между Россией и странами АТР, не очень активно «конвертируется» в производительное сотрудничество в форме ПИИ. При этом рост доли торгового оборота с 2015 по 2020 г. составил для АТР 27%, для ЕС – около 1%.

Доля Китая в общем объеме ПИИ в субъекты Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона в 2021 г. также остается небольшой (0,73%), однако по абсолютным значениям объем накопленных ПИИ растет, и к началу 2022 г. он увеличился более чем в 3 раза (см. рис. 5).

Можно утверждать, что несмотря на то что санкции после 2014 г. были в целом чувствительны для экономики России, на ПИИ в сырьевые сектора они существенно не повлияли. Возможно, одной из причин было то, что их значительная часть – это так называемые «фиктивные» ПИИ, а точнее, активы иностранных компаний с российскими собственниками/бенефициарами, которые в предыдущие годы были выведены за пределы страны или получены в виде доходов от иностранных бизнесов. Однако стоит отметить и другие аспекты. Эконометрические исследования, представленные в работе [13], демонстрируют, что основной мотивацией для ПИИ из Южной Кореи в Россию и Казахстан в период 1993–2017 гг. стала возможность доступа к природным ресурсам и к рынкам сбыта. Оказалось, что качество гражданских институтов, политические условия и даже валютный курс для инвесторов из Республики Кореи оказались незна-

чимыми факторами. Южнокорейские ПИИ в экономику восточных регионов России вряд ли можно назвать значительными, их доля не превышает 5%, и за «ковидный» период они сократились на 16%.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Восточные регионы РФ испытали значительно меньший «ковидный шок» в отношении прямых иностранных инвестиций. К 2022 г. их объемы восстановились до уровня 2015 г. практически во всех отраслях, а в некоторых – существенно его превысили. В обрабатывающей промышленности рост ПИИ составил 70%, в транспортировке и хранении – почти 10 раз. Накопленные ПИИ в добывающей промышленности выросли в 2,4 раза и превысили 91 млрд долл. США. Однако и в 2015 г., и в 2022 г. основная их доля была направлена в нефтегазовый сектор Сахалина: 35,4 и 83,6 млрд долл. США соответственно. Таким образом, шок пандемии в отношении ПИИ не стал критическим ни в восточных регионах, ни в целом в России.

Сравнение динамики товарооборота со странами АТР позволило сделать вывод, что высокий спрос на товары и ресурсы, порождающий экспортно-импортные потоки между Россией и этими странами [4], слабо «конвертируется» в производительное сотрудничество в форме прямых инвестиций. Это обстоятельство целесообразно учитывать при разработке политики международного экономического сотрудничества после санкций 2022 г.

Экономические шоки 2022 г. имеют уже совсем другую природу, и это определяет необходимость принципиально новых решений в ответ на возникшие и возникающие вызовы. Как отмечает академик П.А. Минакир, Россия «обречена на срочные поиски защитных мер, новых ресурсов для хотя бы частичного замещения потерянных стратегических резервов, поиски возможностей хоть какой-то внешней поддержки» [10, с. 222]. В настоящее время еще трудно судить о количественных показателях, характеризующих последствия санкций, из-за неполноты и противоречивости имеющейся информации. Однако в поисках выхода в любом случае надо иметь в виду и тот «багаж»,

который был накоплен к 2022 г., и те препятствия, которые тормозили пространственное развитие Сибири и Дальнего Востока и в более благополучные времена [2; 8; 12] и тормозят его до сих пор. Представляется, что те принципиальные направления и институциональные меры, которые предложены авторами «Меморандума суверенного роста» [7], могут способствовать преодолению возникших в 2022 г. проблем. Но их результативность будет зависеть не только от того, что уже произошло, но и от будущих событий, от постоянно меняющихся обстоятельств. В любом случае это будет предметом дальнейших исследований многих экономических научных школ.

Список источников

1. Антонова Н.Е., Ломакина Н.В., Файман А.Д. Природно-ресурсный сектор Дальнего Востока России: «проклятие» или локомотив развития? / Отв. ред. Н.В. Гальцева. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2022. – 336 с.
2. Буфетова А.Н., Коломак Е.А., Крюков В.А., Мельникова Л.В., Селиверстов В.Е. Территориальные проблемы Азиатской России в контексте формирования государственной региональной политики // Новый импульс Азиатской России / Под ред. В.А. Крюкова и Н.И. Суслова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2022. – С. 78–107.
3. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. – 2019. – № 1. – С. 135–145. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-1-135-145.
4. Изотов Д.А. Инвестиционное сотрудничество Дальнего Востока России с субглобальными экономическими структурами в условиях рецессии национальной экономики // Пространственная экономика. – 2018. – № 1. – С. 138–153. DOI: 10.14530/se.2018.1.138-153.
5. Изотов Д.А. Интеграция российской экономики со странами АТР: возможности и риски // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. – 2022. – № 2 (102). – С. 28–47. DOI: 10.24866/2311-2271/2022-2/28-47.
6. Исаев А.Г. Территории опережающего развития: новый инструмент региональной экономической политики // ЭКО. – 2017. – № 4. – С. 61–77.
7. Крюков В., Порфирьев Б., Широков А. Меморандум суверенного роста: Цели и задачи экономической политики в новых условиях // Эксперт. – 2022. – № 20. – С. 44–46.
8. Крюков В.А., Шмат В.В. Азиатская Россия – условия и препятствия поступательной диверсификации экономики макрорегиона // Пространственная экономика. – 2022. – Т. 18, № 1. – С. 34–72.

9. Минакир П.А. Дальневосточные институциональные новации: имитация нового этапа // *Пространственная экономика*. – 2019. – Т. 15, № 1. – С. 7–17. DOI: 10.14530/se.2019.1.007-017.

10. Минакир П.А. Исследования проблем международных экономических взаимодействий: глобальные, национальные, региональные аспекты. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2022. – 720 с.

11. Antonova N.E., Lomakina N.V. Institutional innovations for the development of the East of Russia: effects of implementation in the resource region // *Журнал Сибирского федерального университета. Сер.: Гуманитарные науки*. – 2020. – Т. 13, № 4. – С. 442–452.

12. Kryukov V.A., Seliverstov V.E. From the continental and resource curse of Siberia to institutional harmony // *Regional Research of Russia*. – 2021. – Vol. 11, Suppl. 1. – P. S1–S12. DOI: 10.1134/S2079970522010038.

13. Lee H.-S., Chernikov S.U., Nagy S. Motivations and locational factors of FDI in CIS countries: Empirical evidence from South Korean FDI in Kazakhstan, Russia, and Uzbekistan // *Regional Statistics*. – 2021. – Vol. 11, No. 4. – P. 79–100. DOI: 10.15196/RS110404.

Информация об авторах

Глазырина Ирина Петровна (Россия, Чита) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории эколого-экономических исследований Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (672014, Чита, ул. Недорезова, 16а, а/я 1032); профессор, заведующий кафедрой прикладной информатики и математики Забайкальского государственного университета (672039, Чита, ул. Александрo-Заводская, 30). E-mail: iglazyrina@bk.ru.

Фалейчик Лариса Михайловна (Россия, Чита) – кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории эколого-экономических исследований Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (672014, Чита, ул. Недорезова, 16а, а/я 1032). E-mail: lfaleychik@bk.ru.

Фалейчик Андрей Анатольевич (Россия, Чита) – кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры прикладной информатики и математики Забайкальского государственного университета (672039, Чита, ул. Александрo-Заводская, 30). E-mail: faa55@bk.ru.

DOI: 10.15372/REG20230210

Region: Economics & Sociology, 2023, No. 2 (118), p. 243–263

I.P. Glazyrina, L.M. Faleychik, A.A. Faleychik

CROSS-BORDER COOPERATION IN THE EAST OF RUSSIA: FOREIGN DIRECT INVESTMENT

This article explores the dynamics and structure of foreign direct investment (FDI) to the East of Russia, specifically considering the impact of the economic shocks caused by COVID-19 in 2020–2021. We aim to understand the FDI dynamics since 2014–2015, including their spatial and sectoral distribution, to identify any shifts that occurred during the pandemic, and to find the amount of FDI the eastern territories acquired at the beginning of 2022. Overall, FDI in the form of capital participation increased across Russia during the period under review, with the Far East experiencing a higher growth rate than the rest of the country. Conversely, in Siberia, FDI share has declined, largely due to capital withdrawal from raw materials projects.

The sectoral composition of FDI in Russia has undergone changes since 2014. Specifically, the share of FDI in commodity sectors has increased by over 150%, while in the manufacturing industry, it has decreased almost threefold. During and immediately after the pandemic, the decline in FDI in manufacturing sectors in the East of Russia was significantly lower, and by 2022, their volume had increased by 70% compared to 2015.

Overall, the impact of the pandemic on FDI in Russia was not severe, and the eastern regions were even less affected. By 2022, FDI volumes in almost all sectors had recovered and, in some cases, drastically exceeded the 2015 levels.

After comparing the dynamics of trade turnover with the Asia-Pacific countries, we can conclude that the high demand for goods and resources, which generates import-export flows between Russia and these countries, is not being effectively translated into productive cooperation in the form of FDI. This finding should be considered when developing policies for international economic cooperation following the 2022 sanctions.

Keywords: Russian Far East and the Baikal Region; cross-border cooperation; foreign direct investment (FDI); spatial and sectoral structure of FDI

For citation: Glazyrina, I.P., L.M. Faleychik & A.A. Faleychik. (2023). Transgranichnaya kooperatsiya na Vostoke Rossii: pryamyne inostrannye inves-

titsii [Cross-border cooperation in the East of Russia: foreign direct investment]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (118), 243–263. DOI: 10.15372/REG20230210.

References

1. Antonova, N.E., N.V. Lomakina, A.D. Fayman & N.V. Galtseva (Ed.). (2022). Prirodno-resursnyy sektor Dalnego Vostoka Rossii: «proklyatie» ili lokomotiv razvitiya? [Natural Resource Sector of the Russian Far East: “Curse” or Development Locomotive?]. Khabarovsk, Economic Research Institute FEB RAS Publ., 336.
2. Bufetova, A.N., E.A. Kolomak, V.A. Kryukov, L.V. Melnikova & V.E. Seliverstov. (2022). Territorialnye problemy Aziatskoy Rossii v kontekste formirovaniya gosudarstvennoy regionalnoy politiki [Territorial problems of Asian Russia in the context of forming state regional policy]. In: V.A. Kryukov & N.I. Suslov (Eds.). Novyy impuls Aziatskoy Rossii [A New Pulse for Asian Russia]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 78–107.
3. Zubarevich, N.V. (2019). Strategiya prostranstvennogo razvitiya: priority i instrumenty [Spatial development strategy: priorities and instruments]. Voprosy ekonomiki [Problems of Economics], 1, 135–145. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-1-135-145.
4. Izotov, D.A. (2018). Investitsionnoe sotrudnichestvo Dalnego Vostoka Rossii s subglobalnymi ekonomicheskimi strukturami v usloviyakh retsessii natsionalnoy ekonomiki [Russian Far East’ investment cooperation with sub-global economic structures under the conditions of the national economy’s recession]. Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics], 1, 138–153. DOI: 10.14530/se.2018.1.138-153.
5. Izotov, D.A. (2022). Integratsiya rossiyskoy ekonomiki so stranami ATR: vozmozhnosti i riski [Integration of the Russian economy with the Asia-Pacific countries: opportunities and risks]. Izvestiya Dalnevostochnogo federalnogo universiteta. Ekonomika i upravlenie [Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management], 2 (102), 28–47. DOI: 10.24866/2311-2271/2022-2/28-47.
6. Isaev, A.G. (2017). Territorii operezhayushchego razvitiya: novyy instrument regionalnoy ekonomicheskoy politiki [The territories of accelerated development: new instrument of regional economic policy]. EKO [ECO], 4, 61–77.
7. Kryukov, V., B. Porfiriev & A. Shirov. (2022). Memorandum suverennogo rosta: Tseli i zadachi ekonomicheskoy politiki v novykh usloviyakh [Sovereign Growth Memorandum: Goals and objectives of economic policy in a new environment]. Ekspert [Expert], 20, 44–46.
8. Kryukov, V.A. & V.V. Shmat. (2022). Aziatskaya Rossiya – usloviya i prepyatstviya postupatelnoy diversifikatsii ekonomiki makroregiona [Asian Russia – conditions for and obstacles to progressive diversification of macroregional economy]. Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics], Vol. 18, No. 1, 34–72.
9. Minakir, P.A. (2019). Dalnevostochnye institutsionalnye novatsii: imitatsiya novogo etapa [Far Eastern institutional novations: imitation of a new stage]. Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics], Vol. 15, No. 1, 7–17. DOI: 10.14530/se.2019.1.007-017.
10. Minakir, P.A. (2022). Issledovaniya problem mezhdunarodnykh ekonomicheskikh vzaimodeystviy: globalnye, natsionalnye, regionalnye aspekty [Studies of the Prob-

lems of International Economic Interaction: Global, National, and Regional Aspects]. Economic Research Institute FEB RAS Publ., 720.

11. *Antonova, N.E. & N.V. Lomakina.* (2020). Institutional innovations for the development of the East of Russia: effects of implementation in the resource region. Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences], Vol. 13, No. 4, 442–452.

12. *Kryukov, V.A. & V.E. Seliverstov.* (2021). From the continental and resource curse of Siberia to institutional harmony. Regional Research of Russia, Vol. 11, Suppl. 1, S1–S12. DOI: 10.1134/S2079970522010038.

13. *Lee, H.-S., S.U. Chernikov & S. Nagy.* (2021). Motivations and locational factors of FDI in CIS countries: Empirical evidence from South Korean FDI in Kazakhstan, Russia, and Uzbekistan. Regional Statistics, Vol. 11, No. 4, 79–100. DOI: 10.15196/RS110404.

About Authors

Glazyrina, Irina Petrovna (Chita, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Head of the Laboratory for Eco-Economic Research, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (16a, Nedorezov St., Chita, 672014, Russia); Professor, Head of the Applied Computer Science and Mathematics Department, Transbaikal State University (30, Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, 672039, Russia). E-mail: iglazyrina@bk.ru.

Faleychik, Larisa Mikhaylovna (Chita, Russia) – Candidate of Sciences (Engineering), Docent, Senior Researcher at the Laboratory for Eco-Economic Research, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (16a, Nedorezov St., Chita, 672014, Russia). E-mail: lfaleychik@bk.ru.

Faleychik, Andrey Anatolievich (Chita, Russia) – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Docent, Associate Professor at the Applied Computer Science and Mathematics Department, Trans-Baikal State University (30, Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, 672039, Russia). E-mail: faa55@bk.ru.

Поступила в редколлегию 13.12.2022.

После доработки 22.02.2023.

Принята к публикации 27.02.2023.

УДК 502/504:303.71:303.425.6(985)(470.1)

Регион: экономика и социология, 2023, № 2 (118), с. 264–301

**А.Д. Волков, С.В. Тишков, В.В. Каргинова-Губинова,
Н.Г. Колесников**

**ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ
АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: СООТНОШЕНИЕ
ОФИЦИАЛЬНЫХ ДАННЫХ И ОЦЕНОК НАСЕЛЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ
И АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В статье рассматриваются вопросы эколого-экономического развития арктических территорий России. Цель работы – выявление ключевых проблем и особенностей эколого-экономического развития территорий Архангельской области и Республики Коми, входящих в состав Арктической зоны РФ. Особенностью исследовательского подхода является сопоставление данных специализированного социологического исследования и официальной ведомственной и корпоративной информации. Обработка данных осуществлялась с использованием SPSS, применялся комплекс социологических методов и статистического анализа. Итоговые аналитические результаты опирались на синтез методов пространственной экономики, экономической социологии, концепции устойчивого развития и диалектический подход.

По результатам исследования выявлено, как население арктических территорий Архангельской области и Республики Коми оценивает состояние окружающей среды в месте непосредственного проживания, а также в масштабах региона, Арктики, России и мира. Определены территориальные особенности восприятия динамики состояния природной среды. Выявлены и сопоставлены с официальными данными представление жителей об источниках основных угроз для экологического

благополучия территорий, а также получена оценка удовлетворенности состоянием основных компонентов среды.

Научная значимость работы определяется полнотой и системным охватом результатов, полученных с применением комплексного инструментария. Исследование призвано внести вклад в изучение эколого-экономических вопросов развития Арктической зоны РФ. Оно также имеет значимость как фундамент для дальнейших научных изысканий, в том числе в рамках применения теории обоснованного действия, теории «ценности – убеждения – нормы» и др. Практическое значение работы определяется важностью формирования аналитических основ регулирования эколого-экономических аспектов развития Российской Арктики в условиях возрастания экологических рисков и появления новых экономических вызовов.

Ключевые слова: Арктическая зона РФ; арктические регионы; эколого-экономическое развитие; опрос населения; экологическое благополучие; экологические угрозы; состояние природной среды

Для цитирования: Волков А.Д., Тишков С.В., Каргинова-Губинова В.В., Колесников Н.Г. Экологическое благополучие арктических территорий: соотношение официальных данных и оценок населения (на примере Республики Коми и Архангельской области) // Регион: экономика и социология. – 2023. – № 2 (118). – С. 264–301. DOI: 10.15372/REG20230211.

ВВЕДЕНИЕ

Российская Арктика была и остается важнейшим макрорегионом, востребованность геостратегического и ресурсного потенциала которого будет только возрастать в обозримом будущем. Активизация социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) является одним из национальных приоритетов, на реализацию которого направлен целый ряд новейших административных и фискальных мер. Однако привлечение инвестиций в развитие макрорегиона сталкивается с имеющимися локальными и общесистемными проблемами его развития. Среди ключевых можно отметить суженное воспроизводство человеческого капитала [13], слабую инфраструктурную обеспеченность территорий [9], усиление

геоэкономической и геополитической напряженности в макрорегионе [14], возрастание негативного потенциала взаимообусловленности экологических и социально-экономических рисков в Арктике [1]. Отмеченные проблемы имеют различную выраженность в отдельных частях экономического пространства АЗРФ, что определяет важность исследования их региональной специфики.

Несмотря на то что промышленные предприятия и корпорации прикладывают значительные усилия в области экологизации производственных процессов [5; 10], устойчивое развитие арктических регионов невозможно без скоординированного взаимодействия бизнеса, власти и местных сообществ [18; 19]. Возрастание экологических рисков, сопутствующих экономическому развитию территорий, характерно в первую очередь для регионов со сложившейся сырьевой специализацией экономики [6]. В условиях, в которых, как отмечает Т.П. Скуфьина, «основой современной арктической политики России остается усиление эксплуатации природных ресурсов для обеспечения развития остальной части страны» [12, с. 25], достижение целей устойчивого развития в Арктике представляется достаточно отдаленной перспективой и требует привлечения значительных инвестиционных и управленческих ресурсов.

Динамика антропогенной нагрузки на различные составляющие природных экосистем неодинакова. Исследования показывают, что в масштабах страны произошло общее снижение объемов выбросов загрязняющих атмосферу веществ [4; 8] и объема загрязненных сточных вод [6], в то время как объемы отходов производства и потребления значительно выросли [6]. Как отмечает П.В. Дружинин [4], общее улучшение экологических показателей при росте экономики России в последние десятилетия было связано со структурными сдвигами в экономике страны и увеличением инвестиций в ее модернизацию. Справедливо это и для отдельных северных регионов [3]. При этом для северных и арктических регионов в сопоставлении со среднероссийскими показателями характерны повышенный уровень загрязнения почв и водоемов (в первую очередь для Республики Коми, Архангельской и Мурманской областей, Республики Карелии), повышенный уровень выбросов загрязняющих атмосферу веществ от ста-

ционарных источников (в первую очередь для Ненецкого АО, Республики Коми, Ямало-Ненецкого АО и Красноярского края) [2; 6], что обусловлено локализацией промышленных предприятий и спецификой их производственных циклов. Отдельного внимания заслуживает накопление загрязняющих веществ в природной среде арктических регионов, экосистемы которой характеризуются пониженной способностью к преодолению экологической нагрузки [7].

Актуальность изучения экологической проблематики значительно возрастает и в свете последних геополитических потрясений, связанных с ними ограничений на импорт в Россию оборудования, комплектующих и технологий. В среднесрочной перспективе, границы которой определяются либо восстановлением технологических цепочек, либо полноценным импортозамещением, существующие ограничения грозят учащением техногенных аварий, вызванных сверхэксплуатацией оборудования и вынужденным нарушением регламентов его обслуживания, усилением антропогенной нагрузки на экосистемы, обусловленной активизацией туристических потоков на внутренних направлениях, а также возрастанием рисков снижения экологических стандартов на производствах. Последнее будет иметь критическое влияние на арктические экосистемы [11].

В настоящей статье мы продолжаем уже осуществленные ранее исследования¹ в области экологического благополучия арктических территорий, продвигаясь с запада на восток в изучении регионов Арктики в соответствии с их административно-территориальным делением. Объектом изучения в данной работе являются арктические территории Республики Коми и Архангельской области (за исключением Ненецкого АО, рассматриваемого отдельно). Цель исследования – выявление ключевых проблем и особенностей эколого-экономического развития арктических территорий Архангельской области и Республики Коми. Особенностью применяемого подхода является сопоставление данных специализированного анкетного опроса насе-

¹ См.: Волков А.Д., Тишков С.В., Каргинова-Губинова В.В., Щербак А.П. Экологические проблемы Арктического региона: состояние и динамика в восприятии населения (результаты социологического опроса на территории Карельской Арктики) // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 3 (111). – С. 203–239.

ления, посвященного эколого-экономическому и социальному благополучию территорий, и информации из официальных государственных и корпоративных источников. Синтез методов статистического анализа и социологического исследования позволяет не только получить более полное представление об объекте изучения, но и шире раскрыть предметную область, обращаясь к восприятию населением экологической проблематики в ее различных аспектах. В конечном итоге именно особенности восприятия населением экологических проблем и угроз лежат в основе мотивационных конструктов природоохранного активизма, бытовых практик энергосбережения, потребительских предпочтений и т.д., рассматриваемых в рамках теории запланированного поведения [15; 17], теории «ценности – убеждения – нормы» [20], теории обоснованного действия [16] и др. Таким образом, настоящее исследование кроме своего самостоятельного значения, определяемого его целью и актуальностью, имеет значимость и как фундамент для дальнейших научных изысканий, в том числе в рамках применения вышеуказанных теорий, а также для формирования аналитических основ регулирования регионального развития АЗРФ.

МЕТОДИКА И ДАННЫЕ

Объект исследования представлен арктическими территориями Республики Коми и Архангельской области, входящими в состав АЗРФ в соответствии с актуальной редакцией Федерального закона от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации», за исключением Ненецкого АО, рассматриваемого отдельно, и о. Новая Земля (рис. 1). Анализ официальных статистических данных об эколого-экономическом развитии осуществлялся по всем территориям; социологическая часть исследования, включавшая массовый анкетный опрос населения, проводилась на территориях Республики Коми – ГО Воркута, ГО Инта, ГО Усинск, Усть-Цилемского района и Архангельской области – г. Архангельска, г. Северодвинска, Онежского и Пинежского муниципальных районов (см. рис. 1).

Рис. 1. Арктические территории Архангельской области и Республики Коми

Источник: подготовлено О.В. Дерусовой на основе материалов авторов статьи

Информационную основу работы составляют данные официальной статистики, докладов о состоянии окружающей среды, отчетностей предприятий и других официальных источников информации, а также результаты специализированного массового анкетного опроса населения. Была реализована многоступенчатая районированная выборка с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени. На первом этапе осуществлялось территориальное районирование в соответствии с уровнем социально-экономического развития территорий и соотношениями «центр – периферия». Вторая ступень – отбор респондентов в соответствии с половозрастными квотами. Опрашивались респонденты в возрасте 16–72 лет, постоянно проживающие на исследуемых территориях. Общий объем выборки составил 1247 чел., из них на арктических территориях Республики Коми – 651 чел., на арктических территориях Архангельской области – 596 чел.² Период проведения исследования – октябрь–ноябрь 2021 г.

Соответствие между параметрами выборки и структурой генеральной совокупности представлено в табл. 1–3. В целом структура реализованной выборки пропорциональна структуре населения по выбранным районам.

Для проведения социологической части исследования в Архангельской области были выбраны муниципалитеты, локализованные в различных частях ее арктического субрегиона; в настоящий момент в них проживает 88,7% населения арктических территорий области. Муниципалитеты относятся к различным типам: от индустриально развитых и инфраструктурно обеспеченных, характеризующихся высокой концентрацией населения и урбанизированностью, до периферийных и деиндустриализованных, малонаселенных территорий. Это позволяет говорить о репрезентативности выборки с точки зрения не только половозрастной структуры населения, но и пространственного аспекта исследования.

² В разрезе муниципальных районов и городских округов выборка распределялась следующим образом: г. Архангельск – 326 чел., г. Северодвинск – 153 чел., Онежский район – 71 чел., Пинежский район – 46 чел., ГО Воркута – 314 чел., ГО Усинск – 164 чел., ГО Инта – 122 чел., Усть-Цилемский район – 51 чел.

Таблица 1

Соотношение значений параметров выборки и структуры населения арктических территорий Республики Коми (16–72 года)

Возраст, лет	Пол	Численность населения, чел.	Структура населения по возрасту, %	Численность выборки, чел.	Структура выборки, %	Отклонение структуры выборки от генеральной совокупности, %
16–29	Муж.	10 576	9,68	61	9,37	0,31
	Жен.	9 635	8,82	55	8,45	0,37
30–44	Муж.	19 054	17,44	109	16,74	0,70
	Жен.	17 321	15,85	102	15,67	0,19
45–59	Муж.	16 335	14,95	94	14,44	0,51
	Жен.	18 749	17,16	108	16,59	0,57
60–72*	Муж.	6 818	6,24	48	7,37	1,13
	Жен.	10 765	9,85	74	11,37	1,51
В с е г о		109 253	100,00	651	100,00	Среднее 0,66

Примечание: * – данные оценочные, так как в официальной статистике учет ведется в пределах возрастного интервала 60–69 лет.

Источник: составлено авторами.

Таблица 2

Соотношение значений параметров выборки и структуры населения арктических территорий Архангельской области (данные рассчитаны по районам, охваченным опросом: г. Северодвинск, г. Архангельск, Онежский и Пинежский районы) (16–72 года)

Возраст, лет	Пол	Численность населения, чел.	Структура населения по возрасту, %	Численность выборки, чел.	Структура выборки, %	Отклонение структуры выборки от генеральной совокупности, %
16–29	Муж.	44 465	10,66	60	10,07	0,60
	Жен.	44 503	10,67	61	10,23	0,44

Окончание табл. 2

Возраст, лет	Пол	Численность населения, чел.	Структура населения по возрасту, %	Численность выборки, чел.	Структура выборки, %	Отклонение структуры выборки от генеральной совокупности, %
30–44	Муж.	71 072	17,04	99	16,61	0,43
	Жен.	73 224	17,56	100	16,78	0,78
45–59	Муж.	50 994	12,23	77	12,92	0,69
	Жен.	59 178	14,19	83	13,93	0,26
60–72*	Муж.	28 177	6,76	48	8,05	1,30
	Жен.	45 424	10,89	68	11,41	0,52
В с е г о		417 037	100,00	596	100,00	Среднее 0,63

Примечание: * – данные оценочные, так как в официальной статистике учет ведется в пределах возрастного интервала 60–69 лет.

Источник: составлено авторами.

Таблица 3

Сопоставление структуры выборки исследования и структуры населения арктических территорий Архангельской области (16–72 года)

Возраст, лет	Пол	Численность населения арктических территорий Архангельской обл., всего, чел.	Численность населения арктических территорий Архангельской обл., участвовавших в опросе, чел.	Доля населения территорий, участвовавших в опросе, в общей численности населения арктических территорий Архангельской обл., %
16–29	Муж.	48 955	44 655	91,2
	Жен.	48 699	44 503	91,4
30–44	Муж.	79 687	71 072	89,2
	Жен.	80 617	73 224	90,8
45–59	Муж.	58 904	50 994	86,6
	Жен.	67 806	59 178	87,3

Окончание табл. 3

Возраст, лет	Пол	Численность населения арктических территорий Архангельской обл., всего, чел.	Численность населения арктических территорий Архангельской обл., участвовавших в опросе, чел.	Доля населения территорий, участвовавших в опросе, в общей численности населения арктических территорий Архангельской обл., %
60–72*	Муж.	32 843	28 177	85,8
	Жен.	52 671	45 424	86,2
В с е г о		470 182	417 227	88,7

Примечание: * – данные оценочные, так как в официальной статистике учет ведется в пределах возрастного интервала 60–69 лет.

Источник: составлено авторами.

Обработка данных осуществлялась с помощью средств программного комплекса SPSS и Excel с применением социологического инструментария и статистического анализа. Итоговые аналитические результаты опирались на синтез методов пространственной экономики, экономической социологии, концепции устойчивого развития и диалектический подход.

АНАЛИЗ ДАННЫХ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Состояние окружающей природной среды и важнейшие источники антропогенного воздействия в данных статистики и официальной отчетности

1.1. Загрязнение атмосферного воздуха. Официальные ведомства России собирают данные по ряду показателей, характеризующих воздействие на окружающую среду. Наиболее подробные и сопоставимые данные представлены по выбросам в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников (табл. 4), а также в относительно сопоставимом виде – по загрязнению водных объектов (табл. 5).

Таблица 4

Выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, на арктических территориях Архангельской области и Республики Коми, т

Арктические территории	2017	2018	2019	2020	2021
Архангельской области, всего	93 740	88 199	92 589	77 260	79 696
В том числе:					
Онежский муницип. р-н	2 648	2 222	2 740	2 236	3 057
Пинежский муницип. р-н	1 955	1 185	2 019	2 230	2 300
г. Архангельск	12 305	18 151	27 365	17 914	17 971
г. Северодвинск	30 441	27 246	21 082	16 595	18 524
г. Новодвинск	32 233	31 146	29 526	27 729	24 461
Мезенский муницип. р-н*	1 322	2 340	2 275	2 732	2 763
Приморский муницип. р-н	11 794	4 966	6 494	6 914	9 701
Лешуконский муницип. р-н*	1 042	943	1 088	910	919
Республики Коми, всего	294 445	255 812	246 392	213 436	206 898
В том числе:					
Усть-Цилемский муницип. р-н	1 080	1 459	1 280	1 120	1 214
ГО Воркута	185 242	174 782	178 350	151 800	153 361
ГО Инта	26 923	21 010	19 274	18 067	13 629
ГО Усинск	81 200	58 561	47 488	42 449	38 694

Примечание: * – с 2022 г. муниципальный округ.

Источник: составлено авторами на основе базы данных показателей муниципальных образований (URL: <https://gks.ru/dbscripts/munst/>), данных Росприроднадзора (URL: <https://rpn.gov.ru/open-service/analytic-data/statistic-reports/air-protect/>).

Таблица 4 содержит данные по абсолютным объемам выбросов в атмосферу в разрезе муниципальных образований. Наибольшие объемы выбросов приходятся на промышленные и логистические центры, крупные по меркам АЗРФ города. Динамика изменения объемов выбросов загрязняющих веществ в атмосферу за период 2017–2021 гг. в большинстве исследуемых муниципалитетов проти-

Таблица 5

**Объемы сброса сточных вод в бассейне р. Печора в границах АЗРФ,
млн куб. м**

Водный объект	2017		2018		2019		2020		2021	
	Всего	Из них загрязненных	Всего	Из них загрязненных	Всего	Из них загрязненных	Всего	Из них загрязненных	Всего	Из них загрязненных
Бассейн р. Печора*	168,5	57,7	172,1	46,9	157,3	46,1	158,3	38,8	159,7	44,2
В том числе:										
бассейн р. Уса	160,8	56,0	164,6	39,5	149,7	40,5	150,5	31,2	151,6	36,2

Примечание: * – исключая данные по бассейну р. Ижма, локализованному вне пределов АЗРФ.

воречивая. Устойчивое снижение объемов выбросов зафиксировано только в Усинске и Северодвинске. В остальных муниципалитетах выраженного тренда в виде монотонного увеличения или монотонного снижения объемов выбросов не выявлено. Однако рассматривая подробнее пример ГО Усинск, следует отметить разнонаправленную динамику в составе выбросов: за 2017–2021 гг. значительно уменьшились выбросы диоксида серы, оксидов азота и углеводородов, но при этом значительно увеличились выбросы летучих органических соединений (с 5 673 до 13 312 т соответственно)³.

1.2. *Загрязненность поверхностных вод* исследуемых территорий различна. Большинство арктических территорий Республики Коми расположены в бассейне р. Печора, данные о загрязнении которого есть в открытом доступе (см. табл. 5). Как мы видим, основные объемы сброса загрязненных сточных вод приходятся на бассейн р. Уса. Они связаны с деятельностью промышленных предприятий

³ См. Государственные доклады о состоянии окружающей среды Республики Коми за 2017–2021 гг. (URL: <https://mpr.rkomi.ru/dokumenty/gosudarstvennyy-doklad-o-sostoyanii-okrujayushchey-sredy-respubliki-komi>).

ГО Инта, ГО Усинск и ГО Воркута – АО «Воркутауголь», АО «Шахта «Интауголь» (до 2020 г.), ООО «ЛУКОЙЛ-Коми», Интинской ТЭЦ, ООО «Воркутинские ТЭЦ», предприятий забора и распределения воды и ряда других хозяйствующих субъектов.

Специфика деятельности указанных предприятий определяет характер загрязнения местных водных объектов. По состоянию на 2021 г. в р. Печора наиболее загрязненной оказалась вода в Усть-Цилемском районе. Значительное превышение допустимых норм выявлено по соединениям железа (до 28 ПДК), марганца (до 14 ПДК), алюминия (до 22,5 ПДК), в меньшей степени – по соединениям меди и цинка, а также по пестицидам. В реке Большая Инта (ГО Инта) загрязненность соединениями железа составила до 6 ПДК, соединениями марганца – до 6 ПДК, соединениями алюминия и соединениями меди – до 4 ПДК. Река Воркута (ГО Воркута) оказалась менее загрязненной соединениями металлов (превышение составило не более 6 ПДК по меди и марганцу), но в большей степени, по сравнению с другими реками, загрязненной азотом нитритным (до 1,9 ПДК, а в 2020 г. фиксировалась концентрация до 13,5 ПДК). В реке Уса выявлены систематические загрязнения соединениями железа (до 20 ПДК), алюминия (до 16 ПДК), марганца (до 8 ПДК), а также разовые загрязнения нефтепродуктами (до 1,8 от нормативных значений).

Значительно выше среднего уровня по Республике Коми (20,7%) доля неудовлетворительных по санитарно-химическим показателям проб питьевой воды в г. Усинске и Усть-Цилемском районе⁴.

Данные по загрязнению водных объектов на арктических территориях Архангельской области доступны в открытых источниках в разрезе муниципалитетов (табл. 6).

Загрязнение водных объектов связано в первую очередь с деятельностью предприятий АО «ЦС «Звездочка», ООО «РВК-Архангельск», АО «ПО «Севмаш», Северодвинской ТЭЦ-1, Архангельской ТЭЦ, предприятий забора и распределения воды и ряда других хо-

⁴ См.: *Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации» по Республике Коми в 2021 г.* / Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Республике Коми. – Сыктывкар, 2022. – 107 с. – URL: https://11.rosпотребнадзор.ru/rss_all/-/asset_publisher/Kq6J/content/id/505746.

Таблица 6

Объемы сброса сточных вод хозяйствующими субъектами арктических территорий Архангельской области, млн куб. м

Муниципалитет	2017		2018		2019		2020		2021	
	Всего	Из них загрязненных	Всего	Из них загрязненных	Всего	Из них загрязненных	Всего	Из них загрязненных	Всего	Из них загрязненных
г. Архангельск	155,4	35	146,3	32,7	143,6	33,5	131,9	32,2	122,6	17,4
г. Северодвинск	95,7	36,3	90,4	34,5	89,3	35,7	100,0	37,6	95,04	35,1
г. Новодвинск	125,3	108,8	126,0	108,4	125,4	106,1	121,7	100,4	114,5	91,1
Онежский муницип. р-н	3,3	1,0	3,2	1,2	3,2	1,3	0,3	0,3	0,3	0,3
Мезенский муницип. р-н*	56,1	0,0	58,0	0,0	62,4	0,0	61,5	0,0	64,3	0,0
Приморский муницип. р-н	59,2	0,8	60,6	0,8	61,2	0,8	63,4	0,5	60,5	0,8
Пинежский муницип. р-н	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1	0,3	0,2
Лешуконский муницип. р-н*	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.

Примечание: * – с 2022 г. муниципальный округ.

Источник: составлено авторами на основе докладов «Состояние и охрана окружающей среды Архангельской области» за 2017–2021 гг. (URL: <http://eco29.ru/dokladi>).

зяйствующих субъектов. Наибольшее превышение норм ПДК веществ в водах р. Северная Двина наблюдалось в Пинежском районе (по соединениям железа – до 3,6 ПДК), выше ГО Новодвинск (по соединениям меди – до 5,1 ПДК), в черте г. Архангельска (по соединениям меди и железа – до 2,8 ПДК). Для реки Пинега характерно превышение ПДК по соединениям никеля и меди. В Белое море вместе со сточными водами поступает значительное количество загрязняющих веществ, особенно неблагоприятна динамика выбросов железа, увеличившихся с 0,8 т в 2017 г. до 1,5 т в 2021 г., цинка – с 47,6 кг

в 2017 г. до 123,6 кг в 2021 г., нефтепродуктов – с 0,5 т в 2017 г. до 1,6 т в 2021 г., взвешенных веществ – с 71,4 т в 2017 г. до 196,4 т в 2021 г. При этом санитарное состояние водоемов в местах пользования населением, хотя и демонстрирует положительную динамику за последние три года по паразитологическим и санитарно-химическим показателям, отражает в целом достаточно неблагоприятную ситуацию по второму из отмеченных компонентов, а в отношении микробиологических показателей позволяет говорить об ухудшении текущей ситуации.

1.3. Шумовое загрязнение арктических территорий Архангельской области и Республики Коми обусловлено комплексом факторов, имеющих пространственную специфику. Основным источником шума на территориях населенных пунктов является транспорт. Среди других источников можно отметить работу встроенно-пристроенных объектов и инженерно-технологического оборудования жилых зданий, осуществление строительных работ, в том числе с привлечением спецтехники. Часть населения исследуемых территорий проживает в пределах санитарно-защитных зон и зон сверхнормативного шума аэропортов. Уровень шума на автомагистралях соответствует нормам.

Данные по шумовому загрязнению в районах жилой застройки и на промышленных объектах находятся в открытом доступе только в разрезе регионов – Республики Коми и Архангельской области в целом. Исходя из них установлено, что, например, 74,3% измерений уровня шума на территории жилой застройки в Республике Коми в 2021 г. выявили несоответствие санитарным нормам⁵. На промышленных предприятиях Архангельской области за три года на 4 п.п. снизилась доля рабочих мест, не соответствующих нормативам по уровню шума, в 2021 г. она составила 17,4%. Текущий уровень связан с несовершенством технологических процессов, износом оборудования и прочими производственно-технологическими факторами⁶. В целом же следует отметить, что воздействие шума на людей в условиях плотной городской застройки продолжает возрастать, тогда

⁵ URL: https://11.rospotrebnadzor.ru/rss_all/-/asset_publisher/Kq6J/content/id/505746 .

⁶ URL: <http://eco29.ru/dokladi> .

как доля рабочих мест, не соответствующих нормативам по уровню шума, на промышленных предприятиях постепенно снижается.

1.4. Загрязненность бытовыми и промышленными отходами. Состояние лесов и парков. Обеспеченность территорий объектами размещения отходов, а также количество несанкционированных свалок и навалов по состоянию на сентябрь 2022 г. представлены в табл. 7. Наиболее сложная ситуация с местами размещения отходов наблюдается в Усть-Цилемском районе, где согласно реестру ГРОРО локализован только один объект хранения ТБО, при этом он фактически представляет собой место их временного накопления, а затем отправки в Ухту. В целом следует отметить гораздо более высокие значения показателя несанкционированных свалок на 100 тыс. чел. в территориально больших, но периферийных и инфраструктурно необеспеченных муниципалитетах.

В арктической зоне Архангельской области расположены 23 особо охраняемые природные территории (ООПТ), в том числе два национальных парка, шесть заказников, 11 памятников природы, два дендрологических парка и один ботанический сад, одна ООПТ местного значения. Их суммарная площадь равняется 9,9 млн га (3,3 млн га без акваторий морей)⁷.

На арктических территориях Республики Коми локализовано 58 ООПТ (один национальный парк, 38 заказников, 18 памятников природы, одна охранный зона) общей площадью немногим более 3 млн га⁸. Таким образом, арктические территории Республики Коми имеют большее число ООПТ, однако их суммарная площадь меньше соответствующего показателя арктических территорий Архангельской области.

В целом следует отметить, что статистические данные отражают разнонаправленную динамику загрязнения окружающей среды по большинству ее компонентов в разрезе арктических муниципалитетов Республики Коми и Архангельской области. На большинстве территорий уровень загрязнения воздуха и водных объектов остается

⁷ URL: <http://eco29.ru/dokladi>.

⁸ См.: *Особо охраняемые природные территории Республики Коми*: Геопортал Республики Коми. – URL: <https://geo.rkomi.ru/viewer/oopt> (дата обращения: 15.12.2022).

Таблица 7

**Объекты размещения отходов и свалки на арктических территориях
Архангельской области и Республики Коми**

Арктические территории	Всего объектов размещения отходов в реестре ГРОРО (из них объектов хранения отходов)	Кол-во несанкционированных свалок и навалов (на сентябрь 2022)	Кол-во несанкционированных свалок и навалов на 100 тыс. чел. населения
Архангельской области, всего	36 (12)	141	25,0
В том числе:			
г. Архангельск	4 (2)	6	1,7
г. Северодвинск	10 (1)	1	1,1
г. Новодвинск	7 (3)	0	0,0
Онежский муницип. р-н	2 (1)	22	79,4
Мезенский муницип. р-н*	4 (1)	24	301,4
Приморский муницип. р-н	6 (1)	11	44,1
Пинежский муницип. р-н	2 (2)	50	250,7
Лешуконский муницип. р-н*	1 (1)	27	474,3
Республики Коми, всего	65 (51)	38	25,4
В том числе:			
ГО Воркута	39 (35)	17	23,8
ГО Усинск	14 (6)	1	2,4
ГО Инта	9 (9)	10	38,8
Усть-Цилемский муницип. р-н	3 (1)	10	92,2

Примечания: 1) * – с 2022 г. муниципальный округ; 2) для Архангельской области данные взяты из базы <http://kadastr.eco29.ru> и уточнялись на основе запросов в органы МСУ; для Республики Коми данные взяты из официального реестра ГРОРО и уточнялись на основе запросов в органы МСУ.

Источник: составлено авторами.

достаточно стабильным или немного увеличивается, на некоторых территориях происходит снижение уровня загрязнения (например, в ГО Инта, ГО Усинск, ГО Воркута Республики Коми). Отчасти это обусловлено внедрением более совершенных и природосберегающих

технологий на промышленных объектах и объектах коммунальной инфраструктуры, отчасти – деиндустриализацией отдельных территорий и сокращением численности населения. В ряде муниципалитетов, сохраняющих промышленный потенциал (например, в ГО Усинск), прослеживается разнонаправленная динамика загрязнения отдельных компонентов среды различными загрязнителями, что говорит, на наш взгляд, о технологических изменениях в производственных процессах. На большинстве территорий неблагоприятной остается ситуация с загрязнением среды бытовым мусором. При этом, как уже отмечалось, значительно более высокие значения показателя количества несанкционированных свалок на 100 тыс. чел. населения наблюдаются в территориально больших, но периферийных и инфраструктурно необеспеченных муниципалитетах (например, в Лешуконском районе Архангельской области, Усть-Цилемском районе Республики Коми). Эти данные позволяют говорить о комплексности проблемы бытового мусора на указанных территориях АЗРФ и системных сложностях в ее решении.

2. Экологическое благополучие арктических территорий Республики Коми и Архангельской области в оценках населения

2.1. Экологическая ситуация на арктических территориях Республики Коми и Архангельской области и ее динамика в оценках жителей. Удовлетворенность состоянием окружающей природной среды в оценках населения различна как в разрезе муниципальных образований, в которых проживают респонденты, так и при рассмотрении различных объектов оценки. Опрошенные имели возможность оценить свою удовлетворенность состоянием среды в месте непосредственного проживания, в регионе, в России, в Арктике и в мире по пятибалльной шкале (1 – абсолютно не удовлетворяет, 5 – полностью удовлетворяет)⁹. Наиболее высокие оценки отмечаются в ГО Инта и Усть-Цилемском районе Республики Коми (3,2 и 3,1 балла соответственно). Вероятно, они обусловлены отсутствием крупных промышленных предприятий и значительной дисперсностью эконо-

⁹ Вопрос: «Насколько вас удовлетворяет состояние окружающей среды?».

мической деятельности в Усть-Цилемском районе и большой площадью охраняемых природных территорий в ГО Инта, а также прекращением в 2019 г. деятельности основного загрязнителя в этом городском округе – АО «Интауголь».

Следует отметить, что для периферийных территорий с относительно слабо развитой промышленностью характерны более высокие оценки удовлетворенности состоянием окружающей среды в месте непосредственного проживания, чем ее состоянием в России и в мире (Онежский район Архангельской области, а также ГО Инта и Усть-Цилемский район Республики Коми, исключение составляет Пинежский район). В то время как для промышленно развитых территорий характерна обратная ситуация: в г. Архангельске, г. Северодвинске и ГО Усинск удовлетворенность состоянием природной среды в мире, в России и в Арктике в целом жители оценили выше, чем удовлетворенность ее состоянием в месте непосредственного проживания. А для ГО Воркута различия в оценках минимальны (рис. 2).

Говоря о влиянии соседних муниципалитетов на экологическое благополучие территорий, следует отметить пример ГО Усинск Республики Коми. Для этого городского округа характерно значительное влияние на состояние окружающей среды со стороны промышленных объектов, расположенных как на территории округа, так и вне его административных пределов. В октябре 2020 г. из-за разлива нефти, произошедшего в Ненецком АО (нефтепровод Харьгинского месторождения), значительному загрязнению нефтепродуктами подверглись р. Колва и прибрежные территории в окрестностях Усинска. В мае 2021 г. в результате аварийной ситуации на инфраструктурных объектах Ошского месторождения в Ненецком АО эта же река и ее прибрежные территории вновь подверглись загрязнению нефтепродуктами, хотя и менее значительному. Однако наиболее серьезная экологическая катастрофа связана с крупнейшим разливом нефти на территории ГО Усинск на трубопроводе «Возей – Головные сооружения» Харьгинского месторождения в августе 1994 г., когда в окружающую среду попало, по разным оценкам, от 100 до 300 тыс. т нефти, не только загрязнившей значительные окружающие территории, но и попавшей в водно-болотную систему и реки Печора, Колва и Уса, а затем и в Северный Ледовитый океан.

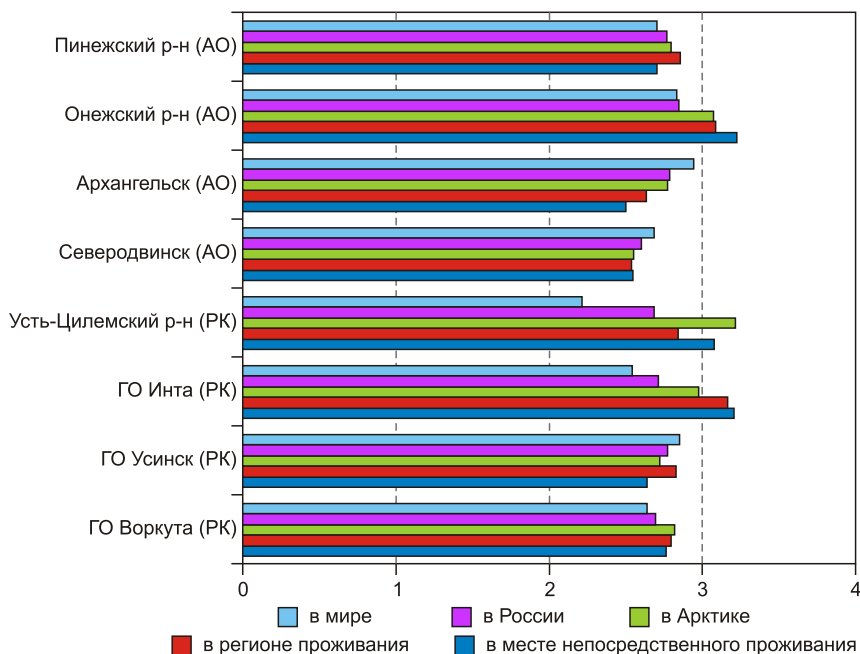

Рис. 2. Оценка жителями арктических территорий Архангельской области (АО) и Республики Коми (РК) удовлетворенности состоянием природной среды в различных территориальных масштабах

Средние баллы в оценках по пятибалльной шкале: 1 – абсолютно не удовлетворяет, 5 – полностью удовлетворяет

Источник: подготовлено авторами на основе данных социологического опроса

Среди значимых происшествий, имевших последствия для экологического состояния рассматриваемых территорий, следует отметить аварию в районе ракетного полигона под Северодвинском в августе 2019 г. И хотя официальные данные о масштабах загрязнения территорий радионуклидами являются чрезвычайно ограниченными, ряд респондентов (работавшие рыбаками) отметили, что наблюдали пожелтение листвы на некоторых островах Белого моря в первые недели после происшествия, а также изменения в миграциях сельди в следующие два года.

Эти и другие техногенные аварии, имевшие общественный резонанс, очевидно, сказались как на общих оценках респондентов удовлетворенности состоянием окружающей природной среды, так и на оценках его динамики.

Оценки населения изменений в состоянии окружающей природной среды за последние 10 лет в месте непосредственного проживания отражают тенденции к его ухудшению. В первую очередь это характерно для промышленно развитых территорий (г. Архангельск, г. Северодвинск, ГО Усинск, ГО Воркута), а также для Пинежского района Архангельской области (рис. 3).

При рассмотрении оценок в отношении более крупных территориальных объектов – региона проживания, Арктики, России и мира мы видим увеличение доли респондентов, затруднившихся дать ответ

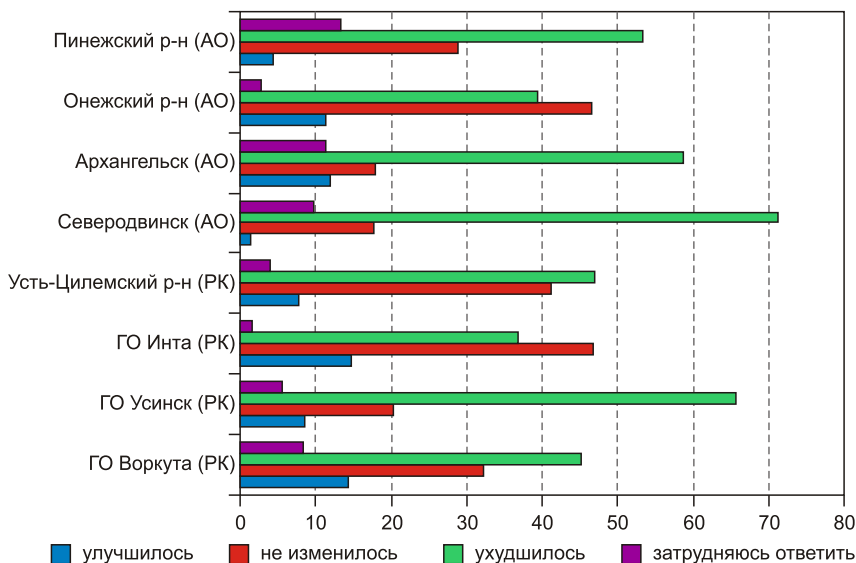

Рис. 3. Оценка жителями арктических территорий Архангельской области (АО) и Республики Коми (РК) динамики состояния окружающей природной среды в месте непосредственного проживания за последние 10 лет, % от числа ответивших

Источник: подготовлено авторами на основе данных социологического опроса

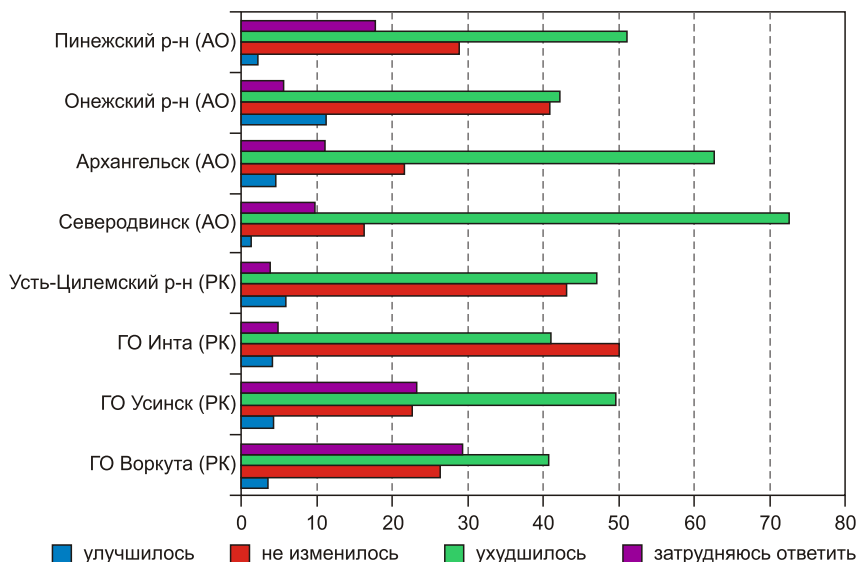

Рис. 4. Оценка жителями арктических территорий Архангельской области (АО) и Республики Коми (РК) динамики состояния окружающей природной среды в регионе проживания за последние 10 лет, % от числа ответивших

Источник: подготовлено авторами на основе данных социологического опроса

(рис. 4). Наибольшее затруднение вызвала оценка динамики состояния природной среды в Арктике, затруднились ответить на этот вопрос 24,9% от общего числа респондентов. Наиболее вероятно, это связано с изменением контуров АЗРФ в последние годы и недавним вхождением значительной части рассматриваемых муниципальных образований в состав ее сухопутных территорий. Отрицательную оценку изменению окружающей природной среды в Арктике дали 48,4% всех ответивших. В отношении ситуации в России доля отрицательных оценок – 54,5%, в отношении ситуации в мире – 53,6%. Таким образом, доля отрицательных оценок динамики состояния окружающей природной среды по выборочной совокупности колеблется в пределах от 48,4% при оценке ситуации в масштабе Арктики до 53,9% при оценке в масштабе места непосредственного проживания.

2.2. *Источники загрязнения и угрозы для окружающей природной среды на арктических территориях Архангельской области и Республики Коми.* Источники загрязнения окружающей среды, которые респонденты считают наиболее значимыми на локальном уровне, отражены в ответах на вопрос: «Как вы оцениваете угрозу для окружающей среды в месте вашего непосредственного проживания от перечисленных объектов?». Респонденты могли дать ответ по пятизначной шкале: «не угрожает – ... – очень сильно угрожает». В приводимых далее данных нами учтена сумма оценок от «слабо угрожает» до «очень сильно угрожает». Наиболее значимая угроза, по мнению жителей арктических территорий Архангельской области, исходит от транспорта и связанных вопросов – загрязнения воздуха, разлития масла и проч. (96,1%), от незаконных свалок населения (96,6%) и предприятий (96%), от военной деятельности (92,9%), а также от незаконных рубок леса гражданами (92,5%) и незаконного лова рыбы и вырубки леса предприятиями (91,4%). По мнению жителей арктических территорий Республики Коми, наиболее значима угроза от незаконных свалок населения (92,5%) и предприятий (92,3%), от транспорта и связанных вопросов (87,7%), от деятельности горнодобывающих (73,2%) и нефтегазовых (72,7%) предприятий.

В разрезе муниципальных образований ответы респондентов различаются в большей степени, видна связь оценок со спецификой экономической специализации территорий. Так, в ГО Воркута, где локализованы предприятия по добыче угля и актуальны проблемы хранения вскрышных пород, является более выраженной оценка угрозы от деятельности горнодобывающих предприятий (89,7%), которая приближается по значимости к угрозе от незаконных свалок населения (93%) и предприятий (92%). Для ГО Усинск, в котором развита нефтедобыча и по территории которого проходят нефтепроводы, исключительно сильна в оценках выраженность угрозы от деятельности нефтегазовых предприятий (98,8%), что, очевидно, отражает общественный резонанс от уже упоминавшихся нами чрезвычайных ситуаций техногенного характера. Также значимы угрозы от незаконных свалок предприятий (93,9%) и от транспорта (92,1%). По

оценкам респондентов в ГО Инта, наиболее серьезные угрозы исходят от тепловых электростанций (93,4%), от незаконных свалок населения (93,4%) и предприятий (92,6%). Оценки угроз у жителей глубоко периферийного Усть-Цилемского района являются менее выраженными, за исключением угрозы от незаконных свалок населения (96,1%). Незаконные свалки предприятий отметили как угрозу 88,2% респондентов, незаконные рубки леса гражданами – 86,3%, деятельность нефтегазовых предприятий – также 86,3% ответивших.

На исследованных арктических территориях Архангельской области доминируют несколько другие угрозы. В тесно связанном с военной и транспортной деятельностью Северодвинске как таковые наибольшую значимость в оценках имеют незаконные свалки населения (98,7%), военная деятельность (98%), транспорт и связанные вопросы (98%). В индустриальном центре – г. Архангельске также наиболее значимыми оказались угрозы от транспорта и связанных вопросов (97,8%), от военной деятельности (96,3%), от незаконных свалок населения (96%). В Онежском районе с большим отрывом по значениям от остальных угроз идут незаконные свалки населения (95,8%), за ними следуют транспорт и связанные вопросы (88,7%) и незаконные свалки предприятий (87,3%). В Пинежском районе также наиболее выражены оценки угрозы от незаконных свалок населения (95,6%), примерно равные по значимости угрозы исходят от незаконных свалок предприятий (93,3%), от несанкционированного лова рыбы и заготовок леса предпринимателями (93,3%), от незаконных рубок леса гражданами (93,2%) и от военной деятельности (88,9%).

В целом следует отметить высокую значимость на рассматриваемых территориях проблемы бытового мусора и незаконных свалок населения. На удаленных территориях не только не развиты сортировка и переработка бытовых отходов, но и актуален вопрос утилизации мусора, привезенного из других регионов и муниципалитетов (в первую очередь из мегаполисов и региональных центров). Широкий общественный резонанс получили протестные акции против строительства новых мусорных полигонов, прошедшие в Шиее в 2018–2020 гг., что, очевидно, сказалось на оценках респондентов.

Рис. 5. Удовлетворенность населения арктических территорий Архангельской области и Республики Коми различными составляющими окружающей природной среды

Источник: подготовлено авторами на основе данных социологического опроса

Надо отметить также территориальную дифференциацию оценок по выраженности одной и той же угрозы. Так, при примерно равной доле респондентов, отметивших бытовой мусор и свалки населения как угрозу, в Северодвинске ее как очень сильную оценили 43,4% опрошенных, а например, в ГО Инта – только 6,6%.

2.3. Удовлетворенность населения различными составляющими окружающей природной среды на арктических территориях Архангельской области и Республики Коми. Оценки респондентов своей удовлетворенности качеством воздуха и воды, состоянием лесов и парков, уровнем шума и чистотой среды на территориях проживания существенно различаются.

Для объективного отображения результатов ответов на вопрос: «Насколько вас удовлетворяет состояние окружающей среды там, где вы живете?» оценкам на шкале «совершенно не удовлетворяет – не удовлетворяет – не придаю значения – удовлетворяет – полностью удовлетворяет» были присвоены соответствующие целые значения от –2 до +2 и введена формула, подсчитывающая средневзвешенные значения итоговых оценок удовлетворенности населения отдельными компонентами окружающей природной среды:

$$K_i = \frac{(n_j \cdot w_j)}{n_j} \cdot M,$$

где n_j – количество ответов в определенном районе проживания j ; w_j – балльная оценка степени удовлетворенности индивида состоянием компонента среды: «совершенно не удовлетворяет (–2 балла) – не удовлетворяет (–1 балл) – не придаю значения (0 баллов) – удовлетворяет (+1 балл) – полностью удовлетворяет (+2 балла)»; K_i – критерий удовлетворенности населения состоянием компонента i окружающей среды в месте проживания; M – коэффициент конвертации шкалы (в наших расчетах в целях перевода шкалы от –2 до +2 к более легкой для восприятия шкале от –10 до +10 использовалось значение коэффициента $M = 5$). Полученные значения и, соответственно, различия в удовлетворенности респондентов состоянием отдельных компонентов окружающей среды в территориальном разрезе представлены на рис. 5.

Подводя итог изложенным результатам социологического исследования, следует отметить, что в большинстве рассматриваемых арктических муниципалитетов Архангельской области и Республики Коми преобладают негативные оценки изменения состояния окружающей среды в месте непосредственного проживания респондентов. Исключение составляют Онежский район Архангельской области и ГО Инта Республики Коми, где более 40% опрошенных высказали мнение, что ситуация не изменилась. Данные оценки коррелируют с удовлетворенностью населения как общим состоянием окружающей среды, так и состоянием различных ее компонентов: в указанных муниципалитетах преобладают критические оценки только одного из этих компонентов. В Онежском районе это чистота среды, в ГО Инта – качество воды (реки, озера). В масштабах всех исследованных территорий наиболее критично оцениваются респондентами качество воды и чистота среды (отсутствие мусора), эти составляющие среды можно признать экологически неудовлетворительными с точки зрения населения. Наибольшую угрозу для экологического благополучия, по мнению респондентов, представляют транспорт и связанные вопросы, незаконные свалки предприятий и бытовой мусор, а также для арктических территорий Республики Коми – деятельность горнодобывающих и нефтедобывающих предприятий, для арктических территорий Архангельской области – военная деятельность. В целом, основываясь на оценках проживающего населения, можно констатировать, что наименее экологически благополучными являются г. Северодвинск, г. Архангельск и ГО Усинск.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ официальных данных и данных, полученных в результате специализированного социологического исследования, позволяет сделать следующие выводы.

1. Загрязнение воздуха, по статистическим показателям, закономерно выше в промышленных центрах (ГО Воркута и ГО Усинск)

и более крупных городах (г. Архангельск). Следует отметить в целом положительную динамику выбросов, однако на ряде территорий она разнонаправленна по различным загрязнителям. Территориальные различия в оценках населения удовлетворенности состоянием этого компонента среды в целом соответствуют выявленным в ходе статистического анализа особенностям и говорят о преобладании критических оценок в г. Архангельске, г. Северодвинске, ГО Воркута и ГО Усинск.

2. Загрязненность водных объектов арктических территорий Республики Коми и Архангельской области следует признать достаточно сильной, на многих их участках вода относится к категориям «очень загрязненная» (класс 3б) и «грязная» (класс 4а). На отдельных участках рек ПДК загрязнителей превышены в 4–28 раз. Санитарное состояние водоемов характеризуется противоречивой динамикой по различным компонентам оценки. Наиболее сильному загрязнению подвержены участки рек вблизи крупных промышленных предприятий и ниже по течению. Обращает на себя внимание и перенос загрязнений в межмуниципальном разрезе. Так, например, Усть-Цилемский район при отсутствии промышленных предприятий испытывает значительное превышение ПДК соединений металлов в реках в связи с хозяйственной деятельностью на территории соседних Ненецкого АО и ГО Усинск. Сильную загрязненность подтверждают и низкие оценки удовлетворенности населения качеством воды и состоянием водных объектов.

3. Проблема несанкционированных свалок и замусоривания среды характерна для всех муниципалитетов. Для периферийных территорий она обостряется отсутствием или пространственной недоступностью зарегистрированных объектов размещения отходов. Таким образом, малонаселенность ряда территорий не снижает нагрузки на среду по этому виду загрязнения, а скорее усиливает ее, так как сказывается сопутствующая малонаселенности инфраструктурная необеспеченность. Оценка ситуации с несанкционированными свалками затруднена в связи с локальными особенностями их учета. Если в Архангельской области централизованный сбор и опубликование

информации по данному вопросу осуществляет ГБУ АО «Центр природопользования и охраны окружающей среды», что положительно отражается на системности и достоверности данных, то на арктических территориях Республики Коми учетная политика в регистрации несанкционированных свалок и навалов и качество мониторинга в данной области существенно разнятся между муниципалитетами, и это подтверждают прямые контакты с сотрудниками администраций. Проблема загрязненности среды бытовым мусором наиболее отчетливо видна в оценках местного населения, в целом наиболее критичных в отношении состояния этого компонента природной среды. Официальные данные о количестве несанкционированных свалок в целом совпадают с оценками населения.

4. Комплексная оценка состояния лесов и парков по статистическим данным затруднена. Согласно существующим данным, в арктической зоне Архангельской области расположены 23 особо охраняемые природные территории суммарной площадью 9,9 млн га (3,3 млн га без акватории морей), на арктических территориях Республики Коми локализовано 58 ООПТ общей площадью чуть более 3 млн га. Ограниченные статистические данные дополняются результатами опросов. Наиболее критично состояние лесов оценивается населением урбанизированных (г. Архангельск, г. Северодвинск), промышленно развитых (ГО Воркута, ГО Усинск) территорий, а также муниципалитетов, экономическая специализация которых связана с заготовкой древесины (Пинежский район).

5. Статистические и официальные данные о шумовом загрязнении арктических территорий рассматриваемых регионов в открытом доступе представлены разрозненно. Воздействие шума на людей в условиях плотной городской застройки продолжает возрастать, тогда как доля рабочих мест, не соответствующих нормативам по уровню шума, на промышленных предприятиях постепенно снижается. На территориях жилой застройки основным источником шума является транспорт. По данным социологического опроса, отрицательные суммарные оценки уровня шума отмечаются только в г. Архангельске и г. Северодвинске, что согласуется с официальными статистическими дан-

ными. В разрезе различных компонентов окружающей среды ситуация с уровнем шума наиболее благоприятна на рассматриваемых территориях.

В целом, среди отмечаемых жителями угроз для окружающей среды доминируют как специфические, связанные с экономическим профилем местных хозяйствующих субъектов, так и общие для всех муниципалитетов, важнейшей из которых является угроза от незаконных свалок бытового мусора. Очевидно, это связано с возможностью идентифицировать данный вид загрязнения «невооруженным глазом», а также с закономерной локализацией бытового мусора вблизи мест проживания населения. Оценки населения в целом согласуются с данными официальной статистики, по ряду компонентов окружающей среды (например, уровень шума, состояние лесов и парков, загрязнение бытовым мусором) значительно дополняя их.

Важнейшим направлением развития исследований является анализ связи экологических проблем территорий с выраженностью экологических причин в миграционных установках населения, что позволяет проанализировать роль экологических аспектов развития в воспроизводственных процессах региональных социально-экономических систем АЗРФ.

*Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 20-010-00245
«Современное состояние и прогнозирование эколого-экономического
развития Арктической зоны Российской Федерации»*

Список источников

1. Васильцов В.С., Яшалова Н.Н., Новиков А.В. Климатические и экологические риски развития прибрежных арктических территорий // Арктика: экология и экономика. – 2021. – Т. 11, № 3. – С. 341–352. DOI: 10.25283/2223-4594-2021-3-341-352.
2. Глазырина И.П., Забелина И.А. Социально-экологическое неравенство Российской Федерации и проблемы его измерения // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 14, № 7. – С. 1047–1062. DOI: 10.17516/1997-1370-0784.

3. Дружинин П.В., Шкиперова Г.Т. Оценка взаимовлияния экономических и экологических процессов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 2. – С. 213–224. DOI: 10.15838/esc/2014.2.32.16.

4. Дружинин П.В., Шкиперова Г.Т., Поташева О.В., Зимин Д.А. Оценка влияния развития экономики на загрязнение воздушной среды // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 125–142. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.8.

5. Дядик Н.В., Чапаргина А.Н. Бизнес и власть: эколого-экономическая ответственность в российской Арктике // Арктика и Север. – 2020. – № 41. – С. 38–61. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.38.

6. Забелина И.А., Делюга А.В., Забелина Н.И. Экономическое развитие и экологическая нагрузка в регионах Российской Федерации: пространственный анализ // Вестник Омского университета. Сер.: Экономика. – 2019. – Т. 17, № 3. – С. 135–149. DOI: 10.25513/1812-3988.2019.17(3).135-149.

7. Мкртчян Г.М., Тагаева Т.О., Цвелодуб В.О. Анализ и прогноз экологической нагрузки в России // Мир экономики и управления. – 2017. – Т. 17, № 1. – С. 57–69.

8. Пыжеева Ю.И., Пыжеев А.И., Зандер Е.В. Перспективы решения проблемы загрязнения атмосферного воздуха регионов России // Экономический анализ: теория и практика. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 496–513. DOI: 10.24891/ea.18.3.496.

9. Серова Н.А., Серова В.А. Основные тенденции развития транспортной инфраструктуры российской Арктики // Арктика и Север. – 2019. – № 36. – С. 42–56. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.42.

10. Скуфьина Т.П., Самарина В.П., Самарин А.В. Процессы декарбонизации производства и перспективы Арктики как углеродно нейтральной территории // Уголь. – 2022. – № 6. – С. 54–58. DOI: 10.18796/0041-5790-2022-6-54-58.

11. Соловьева Н.В., Лобковский Л.И. Допустимый риск для экосистем арктического шельфа на основе вероятностных модельных расчетов // Арктика: экология и экономика. – 2022. – Т. 12, № 2. – С. 172–182. DOI: 10.25283/2223-4594-2022-2-172-182.

12. Социально-экономическая динамика и перспективы развития российской Арктики с учетом геополитических, макроэкономических, экологических и минерально-сырьевых факторов / Под науч. ред. Т.П. Скуфьиной, Е.А. Корчак. – Апатиты: Изд-во Кольск. науч. центра РАН, 2021. – 209 с. DOI: 10.37614/978.5.91137.458.7.

13. Степунь И.С., Гуртов В.А., Аверьянов А.О. Миграции населения для развития Российской Арктики: особенности и возможности // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 1 (113). – С. 73–103. DOI: 10.15372/REG20220103.

14. Шамахов В.А., Межевич Н.М. Эколого-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации: к вопросу об эволюции системы внешних и внутренних вызовов // *Управленческое консультирование*. – 2020. – № 8. – С. 10–17. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-8-10-17.

15. Ajzen I. Perceived behavioral control, self-efficacy, locus of control and the theory of planned behavior // *Journal of Applied Social Psychology*. – 2002. – Vol. 32 (4). – P. 665–683. DOI: 10.1111/j.1559-1816.2002.tb00236.x.

16. Coleman L.J., Bahman N., Kelkar M., Curry N. Walking the talk: how the theory of reasoned actions explains adult and student intentions to go green // *Journal of Applied Business Research*. – 2011. – Vol. 27 (3). – P. 107–116. DOI: 10.19030/jabr.v27i3.4217.

17. Kautish P., Paul J., Sharma R. The moderating influence of environmental consciousness and recycling intentions on green purchase behavior // *Journal of Cleaner Production*. – 2019. – Vol. 228. – P. 1425–1436. DOI: 10.1016/j.jclepro.2019.04.389.

18. Koivurova T., Buanes A., Riabova L., Didyk V. “Social license to operate”: a relevant term in Northern European mining? // *Polar Geography*. – 2015. – Vol. 38 (3). – P. 194–227. DOI: 10.1080/1088937X.2015.1056859.

19. Novoselov A., Potravny I., Novoselova I., Gassiy V. Social investing modeling for sustainable development of the Russian Arctic // *Sustainability*. – 2022. – Vol. 14 (2). – 933. DOI: 10.3390/su14020933.

20. Stern P.C., Dietz T., Abel T., Guagnano G.A., Kalof L. A value-belief-norm theory of support for social movements: The case of environmentalism // *Human Ecology Review*. – 1999. – Vol. 6 (2). – P. 81–98.

Информация об авторах

Волков Александр Дмитриевич (Россия, Петрозаводск) – кандидат экономических наук, научный сотрудник Института экономики КарНЦ РАН (185030, Петрозаводск, просп. Александра Невского, 50). E-mail: kov8vol@gmail.com.

Тишков Сергей Вячеславович (Россия, Петрозаводск) – кандидат экономических наук, ученый секретарь Института экономики КарНЦ РАН (185030, Петрозаводск, просп. Александра Невского, 50). E-mail: insteco_85@mail.ru.

Каргинова-Губинова Валентина Владимировна (Россия, Петрозаводск) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Института экономики КарНЦ РАН (185030, Петрозаводск, просп. Александра Невского, 50). E-mail: vkarginowa@yandex.ru.

Колесников Николай Геннадьевич (Россия, Петрозаводск) – кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе Института экономики КарНЦ РАН (185030, Петрозаводск, просп. Александра Невского, 50). E-mail: nikolaikolesnikov@yandex.ru.

DOI: 10.15372/REG20230211

Region: Economics & Sociology, 2023, No. 2 (118), p. 264–301

**A.D. Volkov, S.V. Tishkov, V.V. Karginova-Gubinova,
N.G. Kolesnikov**

**ENVIRONMENTAL WELL-BEING OF THE ARCTIC
TERRITORIES: OFFICIAL DATA VS THE PUBLIC'S VIEWS
(THE KOMI REPUBLIC AND ARKHANGELSK OBLAST
CASE STUDY)**

This article examines the environmental and economic development issues in the Arctic Zone of the Russian Federation, specifically in areas of Arkhangelsk Oblast and the Komi Republic. The goal is to identify the challenges and unique characteristics of Arctic territories within these two regions. The study utilizes a comparative approach, analyzing data from a focused sociological survey of the environmental, economic, and social well-being of the area against official departmental statistics and enterprise data. The data were processed using SPSS software, as well as sociological and statistical methods. The conclusive analytical findings were derived from a synthesis of various academic disciplines encompassing spatial economics, economic sociology, the sustainable development concept, and the dialectical approach.

The results provide insights from the population of the Arctic territories within Arkhangelsk Oblast and the Komi Republic, specifically, the public's assessment of the state of the environment in their direct places of residence,

and at the regional, national, and global levels. We identify the specific ways in which the dynamics of the environment are perceived within each territory, as well as determine and compare with official data the sources of major perceived threats to the environmental well-being of these areas. Additionally, the study evaluates the level of satisfaction with the state of key environmental components.

This research is scientifically important due to the comprehensive and inclusive nature of the results, which were achieved through the application of a wide range of tools. It contributes to the scientific study of environmental and economic issues related to the development of Russia's Arctic Zone. Moreover, the study is relevant as a foundation for further scientific research, including those utilizing theories of reasoned action, "values-beliefs-norm," and other similar approaches. Its practical significance lies in the need to establish an analytical framework for addressing environmental and economic considerations in the development of the Russian Arctic, which is crucial due to the growing ecological risks and new economic challenges.

Keywords: Arctic Zone of the Russian Federation; Arctic regions; environmental and economic development; population survey; environmental well-being; environmental threats; state of the natural environment

For citation: Volkov, A.D., S.V. Tishkov, V.V. Karginova-Gubinova & N.G. Kolesnikov. (2023). Ekologicheskoe blagopoluchie arkticheskikh territoriy: sootnoshenie ofitsialnykh dannykh i otsenok naseleniya (na primere Respubliki Komi i Arkhangel'skoy Oblasti) [Environmental well-being of the Arctic territories: official data vs the public's views (the Komi Republic and Arkhangelsk Oblast case study)]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (118), 264–301. DOI: 10.15372/REG20230211.

The study was carried out within the project of the Russian Foundation for Basic Research, No. 20-010-00245 "Current state and forecasting of environmental and economic development of the Arctic Zone of the Russian Federation"

References

1. *Vasiltsov, V.S., N.N. Yashalova & A.V. Novikov.* (2021). Klimaticheskie i ekologicheskie riski razvitiya pribrezhnykh arkticheskikh territoriy [Climate and environmental risks in the development of Arctic coastal territories]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], Vol. 11, No. 3, 341–352. DOI: 10.25283/2223-4594-2021-3-341-352.
2. *Glazyrina, I.P. & I.A. Zabelina.* (2021). Sotsialno-ekologicheskoe neravenstvo Rossiyskoy Federatsii i problemy ego izmereniya [Socio-ecological inequality in the Russian Federation and problems of its measurement]. *Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences], Vol. 14, No. 7, 1047–1062. DOI: 10.17516/1997-1370-0784.
3. *Druzhinin, P.V. & G.T. Shkiperova.* (2014). Otsenka vzaimovliyaniya ekonomicheskikh i ekologicheskikh protsessov [Assessment of mutual influence of economic and ecological processes]. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2, 213–224. DOI: 10.15838/esc/2014.2.32.16.
4. *Druzhinin, P.V., G.T. Shkiperova, O.V. Potasheva & D.A. Zimin.* (2020). Otsenka vliyaniya razvitiya ekonomiki na zagryaznenie vozduшной среды [The assessment of the impact of the economy's development on air pollution]. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], Vol. 13, No. 2, 125–142. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.
5. *Dyadik, N.V. & A.N. Chapargina.* (2020). Biznes i vlast: ekologo-ekonomicheskaya otvetstvennost v rossiyskoy Arktike [Business and government: environmental and economic responsibility in the Russian Arctic]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 41, 38–61. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.38.
6. *Zabelina, I.A., A.V. Delyuga & N.I. Zabelina.* (2019). Ekonomicheskoe razvitie i ekologicheskaya nagruzka v regionakh Rossiyskoy Federatsii: prostranstvennyy analiz [Economic development and environmental pressure in Russian regions: a spatial analysis]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Ekonomika* [Herald of Omsk University. Series: Economics], Vol. 17, No. 3, 135–149. DOI: 10.25513/1812-3988.2019.17(3).135-149.
7. *Mkrtychyan, G.M., T.O. Tagaeva & V.O. Tselodub.* (2017). Analiz i prognoz ekologicheskoy nagruzki v Rossii [Analysis and forecast of ecological load in Russia]. *Mir ekonomiki i upravleniya* [World of Economics and Management], Vol. 17, No. 1, 57–69.
8. *Pyzheva, Yu.I., A.I. Pyzhev & E.V. Zander.* (2019). Perspektivy resheniya problemy zagryazneniya atmosfernogo vozdukha regionov Rossii [Solving the problem of atmospheric air pollution in Russian regions]. *Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika* [Economic Analysis: Theory and Practice], Vol. 18, No. 3, 496–513. DOI: 10.24891/ea.18.3.496.

9. *Serova, N.A. & V.A. Serova.* (2019). Osnovnye tendentsii razvitiya transportnoy infrastruktury rossiyskoy Arktiki [Critical tendencies of the transport infrastructure development in the Russian Arctic]. *Arktika i Sever [Arctic and North]*, 36, 42–56. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.42.

10. *Skufina, T.P., V.P. Samarina & A.V. Samarin.* (2022). Protsessy dekarbonizatsii proizvodstva i perspektivy Arktiki kak uglerodno neytralnoy territorii [Concerning processes of decarbonization of production and prospects for the Arctic as a carbon-neutral territory]. *Ugol [Coal]*, 6, 54–58. DOI: 10.18796/0041-5790-2022-6-54-58.

11. *Solovjova, N.V. & L.I. Lobkovsky.* (2022). Dopustimyy risk dlya ekosistem arkticheskogo shelfa na osnove veroyatnostnykh modelnykh raschetov [Acceptable risk for Arctic shelf ecosystems based on probabilistic model calculations]. *Arktika: ekologiya i ekonomika [Arctic: Ecology and Economy]*, Vol. 12, No. 2, 172–182. DOI: 10.25283/2223-4594-2022-2-172-182.

12. *Skufina, T.P. & E.A. Korchak* (Eds.). (2021). Sotsialno-ekonomicheskaya dinamika i perspektivy razvitiya rossiyskoy Arktiki s uchetom geopoliticheskikh, makro-ekonomicheskikh, ekologicheskikh i mineralno-syrevykh faktorov: monografiya [Socio-Economic Dynamics and Prospects for the Development of the Russian Arctic, Taking into Account Geopolitical, Macroeconomic, Environmental and Mineral Factors: a monograph]. Apatity, Kolsk Research Center RAS Publ., 209. DOI: 10.37614/978.5.91137.458.7.

13. *Stepus, I.S., V.A. Gurtov & A.O. Averyanov.* (2022). Migratsii naseleniya dlya razvitiya Rossiyskoy Arktiki: osobennosti i vozmozhnosti [Population migration for the development of the Russian Arctic: features and opportunities]. *Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology]*, 1 (113), 73–103. DOI: 10.15372/REG20220103.

14. *Shamakhov, V.A. & N.M. Mezhevich.* (2020). Ekologo-ekonomicheskoe razvitie Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii: k voprosu ob evolyutsii sistemy vneshnikh i vnutrennikh vyzovov [Environmental and economic development of the Arctic Zone of the Russian Federation: on the evolution of the system of external and internal challenges]. *Upravlencheskoe konsultirovanie [Administrative Consulting]*, 8, 10–17. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-8-10-17.

15. *Ajzen, I.* (2002). Perceived behavioral control, self-efficacy, locus of control and the theory of planned behavior. *Journal of Applied Social Psychology*, 32 (4), 665–683. DOI: 10.1111/j.1559-1816.2002.tb00236.x.

16. *Coleman, L.J., N. Bahman, M. Kelkar & N. Curry.* (2011). Walking the talk: how the theory of reasoned actions explains adult and student intentions to go green. *The Journal of Applied Business Research*, 27 (3), 107–116. DOI: 10.19030/jabr.v27i3.4217.

17. *Kautish, P., J. Paul & R. Sharma.* (2019). The moderating influence of environmental consciousness and recycling intentions on green purchase behavior. *Journal of Cleaner Production*, 228, 1425–1436. DOI: 10.1016/j.jclepro.2019.04.389.

18. *Koivurova, T., A. Buanes, L. Riabova & V. Didyk.* (2015). “Social license to operate”: a relevant term in Northern European mining? *Polar Geography*, 38 (3), 194–227. DOI: 10.1080/1088937X.2015.1056859.

19. *Novoselov, A., I. Potravny, I. Novoselova & V. Gassiy.* (2022). Social investing modeling for sustainable development of the Russian Arctic. *Sustainability*, 14, 933. DOI: 10.3390/su14020933.

20. *Stern, P.C., T. Dietz, T. Abel, G.A. Guagnano & L. Kalof.* (1999). A value-belief-norm theory of support for social movements: The case of environmentalism. *Human Ecology Review*, 6 (2), 81–98.

About Authors

Volkov, Alexander Dmitrievich (Petrozavodsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Researcher at the Institute of Economics, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences (50, Aleksandr Nevsky Ave., Petrozavodsk, 185030, Russia). E-mail: kov8vol@gmail.com.

Tishkov, Sergey Vyacheslavovich (Petrozavodsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Scientific Secretary at the Institute of Economics, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences (50, Aleksandr Nevsky Ave., Petrozavodsk, 185030, Russia). E-mail: insteco_85@mail.ru.

Karginova-Gubinova, Valentina Vladimirovna (Petrozavodsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher at the Institute of Economics, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences (50, Aleksandr Nevsky Ave., Petrozavodsk, 185030, Russia). E-mail: vkarginowa@yandex.ru.

Kolesnikov, Nikolai Gennadievich (Petrozavodsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Deputy Director for Research of the Institute of Economics, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences (50, Aleksandr Nevsky Ave., Petrozavodsk, 185030, Russia). E-mail: nikolaikolesnikov@yandex.ru.

Поступила в редколлегию 20.09.2022.

После доработки 24.01.2023.

Принята к публикации 27.01.2023.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «РЕГИОН: ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ»

Представленные в журнал рукописи научных статей должны излагать новые, еще *не опубликованные результаты* исследований по проблемам *региональной экономики и экономической социологии регионов*.

Статья *с обязательным указанием УДК* должна содержать: аннотацию, ключевые слова, указание на цель исследования, научную новизну, материалы и методы исследования, результаты исследования и их обсуждение, выводы или заключение, список литературы (источников), сведения об авторе (авторах). Возможно указание на то, по какому плану, гранту и т.д. выполнено исследование.

Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование. Одна и та же статья рассматривается не более двух раз. Статьи, не соответствующие профилю журнала, не принимаются к рецензированию. Рецензии направляются авторам по электронной почте. Редакционный вариант статьи, подготовленный к печати, представляется автору на согласование.

Рукопись статьи объемом *35–40 тыс. знаков с пробелами* оформляется в текстовом редакторе Microsoft Word и высылается *на электронный адрес редакции* со следующими параметрами: размер шрифта – 12 кегль, без переносов, межстрочный интервал – 1,5, горизонтальные таблицы размером не более 110 знаков в строке, *рисунки* размером не более 110 165 мм. Файл рукописи статьи называется фамилией автора на латинице, например «Ivanov».

Объем аннотации к статье – от 180 до 250 слов. В тексте аннотации следует избегать сложных грамматических конструкций. Аннотация должна отражать:

- предмет, тему, цель, гипотезу исследования;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Текст аннотации и ключевые слова (8–10 слов) приводятся на русском языке.

Помимо файла с текстом статьи обязательно в *отдельных файлах* должны сохраняться рисунки. Рисунки должны быть сделаны *в формате, позволяющем производить их редактирование и изменение конфигурации*.

Таблицы оформляются в текстовом редакторе Microsoft Word. Номер выравнивается по правому краю (выделяется курсивом), заголовок таблицы – по центру (выделяется жирным шрифтом).

Нумерация формул дается по правому краю. Недопустимо использование в тексте статьи автоматической нумерации формул.

Список литературы приводится в конце статьи. По каждому источнику необходимо указать: для книги – общее количество страниц, для статьи – номера страниц, на которых она расположена. По тексту ссылки на источники делаются в квадратных скобках. При этом в случае прямого цитирования указывается номер страницы источника.

Ссылки на нормативно-правовые акты, статистические сборники, адреса сайтов, статьи на интернет-ресурсах без авторства в список источников не следует включать, а надо приводить по тексту статьи в сносках.

Пристательный список литературы дается в алфавитном порядке. Сначала приводится список источников на русском языке (сортируются в порядке расположения букв русского алфавита), за ним – список нерусскоязычных источников (в порядке расположения букв латинского алфавита). Нумерация записей источников сплошная.

Перевод аннотации, ключевых слов и списка источников осуществляет редакция научного журнала.

В конце статьи обязательно должны быть приведены сведения обо всех ее авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название организации, являющейся основным местом работы автора, занимаемая должность, адрес электронной почты, почтовый адрес организации, телефон и факс для контактов. Информация представляется ***на русском языке***. Следует также представить транслитерацию имени, отчества и фамилии каждого автора, если они уже публиковались ранее в англоязычных изданиях.

В соответствии с требованиями Гражданского кодекса РФ между авторами и журналом должен быть заключен Лицензионный договор (см. сайт журнала <http://recis.ru>) на право использования научного произведения в журнале.

При несоблюдении требований к оформлению статей и правил для авторов рукопись статьи редакцией не рассматривается.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей научных статей с авторов не взимается.

Рукописи направлять по электронной почте:
region@ieie.nsc.ru

Всероссийский научный журнал
«Регион: экономика и социология»

Включен в Перечень ведущих рецензируемых периодических научных изданий, в которых ВАК рекомендует публикацию работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций.

Включен в Реферативный журнал ВИНИТИ.

Полнотекстовая сетевая версия журнала в Интернете публикуется на сайтах

Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> ,

Издательства Сибирского отделения Российской академии наук
<http://sibran.ru/journals> .

Содержание журнала, аннотации статей, ключевые слова и сведения об авторах на русском и английском языках публикуются в Интернете на сайтах журнала <http://recis.ru/> , Издательства СО РАН <http://sibran.ru/> , Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> и на Федеральном образовательном портале <http://ecsocman.hse.ru/region> .

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям Ulrich's Periodicals Directory.

Адрес редакции и издательства:

630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17, ИЭОПП СО РАН
E-mail: region@ieie.nsc.ru

Журнал распространяется только по подписке через агентства «Пресса России», «Урал-Пресс», АО «Международная книга-периодика» и Издательство СО РАН.
В розничную продажу не поступает.

Условия подписки публикуются на сайте <http://sibran.ru/journals> .

Выпускающий редактор *С.Р. Халимова*

Редактор *Е.Б. Артемова*

Компьютерная верстка и техническое редактирование *Т.Г. Чуевой*
Перевод *В.О. Панна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати
и информации РФ 17.06.1993 г. № 0110809.

Подписано к печати 29 мая 2023 г. Выход в свет 29 июня 2023 г.

Формат бумаги 60 84 1/16. Цифровая печать.

Гарнитура Times New Roman. Печ. л. 19,0. Уч.-изд. л. 17,1.

Тираж 150 экз. Заказ № 60. Цена свободная.

Отпечатано на участке оперативной печати ИЭОПП СО РАН,
630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17

The journal was first issued in 1963. It was published under the title of Bulletin of Siberian Branch of AS USSR: Social Sciences. In 1993, it was registered as an independent scientific publication, Region: Economics and Sociology. The journal is issued on a quarterly basis.

Publisher: Federal State Budgetary Scientific Institution
Institute of Economics and Industrial
Engineering (IEIE), Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences (SB RAS)

Founders: Siberian Branch RAS,
IEIE SB RAS,
Executive Office of the Interregional
Association «Siberian Accord»

Editor-in-Chief

V.E. Seliverstov, Doctor of Economics, e-mail: sel@ieie.nsc.ru

Deputy Editors-in-Chief

T.Yu. Bogomolova, Candidate of Sociology, e-mail: bogtan@rambler.ru

V.I. Suslov, Corresponding Member of the RAS, e-mail: suslov@ieie.nsc.ru

Managing Editor

S.R. Khalimova, Candidate of Economics, e-mail: sophiakh@academ.org

Executive Editor

E.S. Kopylova, e-mail: yes@ieie.nsc.ru

Members of Editorial Board

J. Bański, Doctor of Sciences (Poland); *B. Batbuyan*, Doctor of Sciences (Mongolia); *J. Bachiler*, Professor (UK); *N.D. Vavilina*, Doctor of Sociology (Russia); *T.S. Vertinskaya*, Candidate of Economics (Belarus); *V.M. Heyets*, Member of the National Academy of Sciences (Ukraine); *B.S. Zhikharevich*, Doctor of Economics (Russia); *E.A. Kolomak*, Doctor of Economics (Russia); *N.A. Kravchenko*, Doctor of Economics (Russia); *Zh.A. Kulekeev*, Candidate of Economics (Kazakhstan); *V.V. Kuleshov*, Member of the RAS (Russia); *Yu.G. Lavrikova*, Doctor of Economics (Russia); *V.N. Leksin*, Doctor of Economics (Russia); *L.V. Melnikova*, Candidate of Economics (Russia); *P.A. Minakir*, Member of the RAS (Russia); *N.N. Mikheeva*, Doctor of Economics (Russia); *A.S. Novoselov*, Doctor of Economics (Russia); *I. Pálné-Kovács*, Corresponding Member of the Hungarian Academy of Sciences (Hungary); *A.N. Pelyasov*, Doctor of Geography (Russia); *B.N. Porfiriev*, Member of the RAS (Russia); *B.G. Saneev*, Doctor of Engineering (Russia); *S.V. Soboleva*, Doctor of Economics (Russia); *S. Tabata*, Professor (Japan); *G.A. Untura*, Doctor of Economics (Russia); *O.P. Fadeeva*, Candidate of Sociology (Russia)

Publisher's address: 17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: region@ieie.nsc.ru, yes@ieie.nsc.ru

© IEIE SB RAS, 2023

© SB RAS, 2023

Индекс 43708 (каталоги «Пресса России» и «Урал-Пресс»)

В следующем номере журнала будут опубликованы статьи:

- Изменение стресса налоговых поступлений российских регионов под влиянием внешних шоков
- Возможности развития Тюменской области на основе нефтегазовых инноваций
- Кооперационно-сетевые взаимодействия организаций региона: методология и результаты исследования
- Умный город как фактор развития высокотехнологичных компаний
- Потенциал цифровых технологий для снижения молодежной миграции в арктических регионах России
- Оценка специфического человеческого капитала в контексте исследования эмерджентности
- Устойчивое развитие районов освоения Республики Тывы: социологический аспект
- Туристская привлекательность города глазами местных жителей: нетнографический подход
- Анализ издержек и выгод в оценке крупных проектов научно-исследовательской инфраструктуры: Академгородок 2.0
- Научно-образовательное сотрудничество Сибири и Казахстана: между прошлым и будущим
- Забайкалье как узел коммуникаций с внешним миром: потенциал и риски
- Социально-экономическое районирование российско-казахстанского трансграничного региона

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

Каждой статье присваивается ***индекс DOI*** – идентификатор цифрового объекта.

С правилами для авторов и требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на официальном сайте журнала «Регион: экономика и социология» <http://recis.ru>.

Полнотекстовая версия журнала в Интернете публикуется на сайтах Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> и Издательства СО РАН <http://sibran.ru/journals>.

Условия подписки на бумажную версию журнала или полнотекстовую сетевую версию в Интернете публикуются на сайте <http://sibran.ru/journals>.

Подписку на журнал также можно оформить во всех почтовых отделениях России, стран СНГ и Балтии по Каталогам газет и журналов агентств «Пресса России» и «Урал-Пресс» (индекс 43708).

Журнал издается ежеквартально на английском языке с названием ***Regional Research of Russia*** и включает переводы статей по региональной экономике, региональной социологии и другим направлениям региональных исследований. Журнал RRR включен в Международную базу данных ***Scopus***. Для подписки на RRR следует обращаться в издательство Springer

(www.springer.com, e-mail: journals-ny@springer.com).

Журнал «Регион: экономика и социология» включен в Перечень ведущих рецензируемых периодических научных изданий, в которых ВАК рекомендует публикацию работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций.